

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР

Российский междисциплинарный журнал социально-гуманитарных наук

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия
(Свидетельство о регистрации *ПИ № ФС 77-21093*)

*Журнал включён ВАК РФ в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов
и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание учёных степеней кандидата и доктора наук
(ред. от 19.02.2010 г.).*

2012

Ежеквартальное издание

№ 2

Основан в 2001 г.

Проблемным Советом РФ «Интеллигенция. Культура. Власть»

**Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет»**

Редакционная коллегия

доктор исторических наук, профессор **В. С. Меметов** (*главный редактор*)
доктор политических наук, профессор **Ю. М. Воронов**
доктор философских наук, профессор **Г. С. Смирнов**
доктор исторических наук, профессор **С. М. Усманов**
(*заместитель главного редактора*)
кандидат исторических наук **А. К. Калинин**
кандидат исторических наук, доцент **В. В. Комиссаров**
кандидат исторических наук, доцент **Н. Г. Юркин**
(*ответственный секретарь*)

*Издаётся НИИ интеллигентоведения
при Ивановском государственном университете*

Точка зрения авторов публикаций может не совпадать с мнением редакционной коллегии.
Перепечатка без разрешения редакции журнала «Интеллигенция и мир» не допускается.

*Электронная копия журнала размещена на сайтах
www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru, www.cceeol.com*

Подписной индекс
в каталоге «Пресса России»
41533

© НИИ интеллигентоведения при ИвГУ, 2012
© ФГБОУ ВПО «Ивановский
государственный университет», 2012

ISSN 1993-3959

INTELLIGENTSIA AND THE WORLD

Russian Interdisciplinary Journal of Humanities

Registered by Federal Service for Control of Observation of the Law
on Mass Communication and for the Preservation of Cultural Heritage
(Registration License *ИИ № ФС 77-21093*)

*The journal is peer-reviewed and recommended by the Supreme Attestation Commission
of the Russian Federation to publish main results of Doctors
and Candidatas of Sciences' dissertations (issued on 19/02/2010)*

2012

Quarterly

№ 2

**Founded in 2001 by the Council of the Russian Federation
on the Problem of Intelligentsia, Culture and Power**

Ministry of Education and Science of the Russian Federation

Ivanovo State University

Editor-in-Chief Prof. **Valery S. Memetov**, Dr. of History

Editorial Board

Prof. **Yury Voronov**, Dr. of Politics

Prof. **Grigory Smirnov**, Dr. of Philosophy

Prof. **Sergey Usmanov**, Dr. of History (*Deputy Editor-in-Chief*)

Alexander Kalinin, Cand. of Sc. (History)

Assoc. Prof. **Vladimir Komissarov**, Cand. of Sc. (History)

Assoc. Prof. **Nikolay Yurkin**, Cand. of Sc. (History) (*Secretary of the Board*)

*Edited by the Research Institute on Intelligentsia Studies
at the Ivanovo State University*

The authors' views may differ from the viewpoint of the Editorial Board.
No reprints without the Editorial Board permission allowed.

*The e-copy of the issue can be accessed at
www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru, www.ceeol.com*

Subscription index
in catalogue «Press of RF»
41533

© Research Institute on Intelligentsia Studies
at the Ivanovo State University, 2012
© Ivanovo State University, 2012

Редакционный совет

В. С. Меметов, Ивановский государственный университет (председатель Редакционного совета); **А. И. Аврус**, Саратовский государственный университет; **Амвросий (Щуров)**, Архиепископ; **В. Р. Веселов**, Костромской государственный университет; **В. С. Волков**, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург); **Ю. М. Воронов**, Ивановский государственный архитектурно-строительный университет; **М. Е. Главацкий**, Уральский государственный университет (Екатеринбург); **А. А. Данилов**, Московский педагогический государственный университет; **В. Н. Егоров**, Ивановский государственный университет; **Э. Б. Ершова**, Государственный университет управления (Москва); **С. С. Загребин**, Челябинский государственный педагогический университет; **О. В. Золотарёв**, Коми государственный педагогический институт (Сыктывкар); **А. В. Квакин**, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; **Г. Н. Кныш**, Днепропетровский национальный университет (Украина); **И. В. Кондаков**, Российский государственный гуманитарный университет (Москва); **М. И. Кондрашёва**, Уральская государственная юридическая академия (Екатеринбург); **Г. В. Корзенко**, Институт истории Национальной Академии наук Беларуси (Минск); **В. А. Мансуров**, Институт социологии РАН; **И. И. Осинский**, Бурятский государственный университет (Улан-Удэ); **В. А. Порозов**, Пермский государственный педагогический университет; **В. Г. Рыженко**, Омский государственный университет; **И. В. Сибиряков**, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск); **Ф. Х. Соколова**, Поморский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Архангельск); **В. Л. Соскин**, Сибирское отделение ИРИ РАН; **Талгат Таджуддин**, Центральное Духовное Управление мусульман России и Европейских стран СНГ; **С. А. Филатов**, Конгресс интеллигенции РФ; **Р. Г. Яновский**, Институт социально-политических исследований РАН.

Editorial board

V. S. Memetov, Ivanovo State University (Chairman of the Editorial Board); **A. I. Avrus**, Saratov State University; **Amyrosiy (Tshurov)**, archbishop; **V. R. Veselov**, Kostroma State University; **V. S. Volkov**, Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg); **Y. M. Voronov**, Ivanovo State Architectural University; **M. E. Glavatskiy**, Ural State University (Ekaterinburg); **A. A. Danilov**, Moscow State Pedagogical University; **V. N. Egorov**, Ivanovo State University; **E. B. Ershova**, State University of Management (Moscow); **S. S. Zagrebin**, Chelyabinsk State Pedagogical University; **O. V. Zolotaryov**, Komi State Pedagogical Institute (Syktyvkar); **A. V. Kvakin**, Moscow State University named after M.V. Lomonosov; **G. N. Knysh**, Dnepropetrovsky State University (Ukraine); **I. V. Kondakov**, Russian State Humanitarian University (Moscow); **M. I. Kondrasheva**, Ural State Academy of Law (Ekaterinburg); **G. V. Korzenko**, Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus (Minsk); **V. A. Mansurov**, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; **I. I. Osinsky**, Buryat State University (Ulan-Ude); **V. A. Porozov**, Perm State Pedagogical University; **V. G. Ryzjenko**, Omsk State University; **I. V. Sibiryakov**, South Ural State University (Chelyabinsk); **F. H. Sokolova**, Pomorsky State University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk); **V. L. Soskin**, Siberian Branch of Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences; **Talgat Tadguddin**, Central Religious Department of Muslims of Russian and the European Part of CIS; **S. A. Filatov**, Kongress of Intelligentsia of Russian Federation; **R. G. Yanovsky**, Institute of socio-political research of the Russian Academy of Sciences.

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

- Соловьев А. А.* Интеллигенция Костромы в деле создания общественных читален в конце XIX — начале XX века 9
- Михалева Р. А.* Повседневная жизнь московских художников на рубеже XIX—XX веков 21
- Зябликов А. В.* Правые кадеты и художественная интеллигенция в 1905—1907 годах 30
- Величко С. А.* Интеллигенция, перестройка и демократический транзит в России (1985—1991 гг.) 42

ДИСКУССИЯ

- Краузе А. А.* Различные модели субъектности в постиндустриальном обществе 50
- Смирнов Д. А.* Частная собственность как основа субъектности человека 57
- Шимельфениг О. В., Солодовниченко Л. Я.* Роль мировоззренческих парадигм интеллигенции в ситуации глобального кризиса 62

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

- Сагинадзе Э. О.* С. Ю. Витте — премьер-министр в восприятии российской оппозиционной общественности в 1905—1906 гг. 79

ДЕБЮТ

- Шабунин В. В.* Оценка миссионерской деятельности Русской православной церкви в общественном мнении русской интеллигенции на рубеже XIX—XX вв. 100

<i>Белов С. И.</i> Первая мировая война в трудах российских экономистов	119
<i>Котов А. Н.</i> Иранская интеллигенция и Исламская революция 1978—1979 гг.	126

ПО СЛЕДАМ ПРОЧИТАННОГО

<i>Порозов В. А.</i> Образ интеллигенции российского провинциального города второй половины XX века в книгах серии «Пермь как текст»: крах СССР в провинциальном филологическом дискурсе. <i>Статья третья</i>	139
<i>Аннотации</i>	151
<i>Информация для авторов</i>	159

CONTENTS

FROM THE HISTORY OF INTELLIGENTSIA

- Soloviev A. A.* Intelligentsia of Kostroma in public reading rooms
creation in the end of the 19th — the beginning of the 20th
century 9
- Mikhalyova R. A.* Everyday life of Moscow artists on the boundary
of 19—20 centuries 21
- Zyablikov A. V.* Right cadets and art intelligentsia in 1905—1907 30
- Velichko S. A.* Intelligentsia, perestroika and democratic transit in
Russia (1985—1991) 42

DISCUSSION

- Krauze A. A.* Different models of subjectivity in post-industrial
society 50
- Smirnov D. A.* The private property as a basis of the person's
subjectivity 57
- Shimelfenig O. V., Solodovnichenko L. Ya.* The role of world
outlook paradigms of intelligentsia in the situation of the global
crisis 62

PERSONALITY IN THE DISCOURSE OF INTELLIGENTSIA STUDIES

- Sagindadze E. O.* S. Yu. Vitte in the perception of Russian
oppositional society in 1905—1906 79

DEBUT

- Shabunin V. V.* The estimation of the missionary activity of
Russian Orthodox church in the social opinion of Russian
intelligentsia on the boundary of 19—20 centuries 100

<i>Belov S. I.</i> The First World War in the works of Russian economists	119
<i>Kotov A. N.</i> Iranian intelligentsia and Islamic revolution of 1978—1979	126

MAKING CONCLUSIONS

<i>Porozov V. A.</i> The image of intelligentsia of Russian provincial town of the second half of the 20 th century in the series of books «Perm as a text»: the crash of the USSR in the provincial philological discourse. <i>Article Three</i>	139
<i>Annotations</i>	151
<i>Information for authors</i>	159

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

ББК 63.3(2)53-283.2

А. А. Соловьёв

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ КОСТРОМЫ В ДЕЛЕ СОЗДАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ЧИТАЛЕН В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Профессор А. В. Соколов — автор фундаментального труда о библиотечной интеллигенции¹, на наш взгляд, совершенно справедливо считает, что «интеллигентность — личностное качество, которое не зависит от рода занятий человека»². Поэтому можно говорить как о профессиональной библиотечной интеллигенции, которая занимается библиотечно-библиографической деятельностью, так и об интеллигентах вне библиотечной профессии. А. В. Соколов, настаивая на существовании понятия «библиотечная интеллигенция», подчеркивает, что «интеллигентность связана с книжностью, потому что типичный русский интеллигент — книголюб, библиофил, гражданин мира книг»³.

С. Н. Булгаков в начале XX в., говоря о сущности и задачах российской интеллигенции, утверждал, что ей «принадлежит монополия европейской образованности и просвещения в России, она

© Соловьёв А. А., 2012

Соловьёв Алексей Александрович — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин Ивановской государственной сельскохозяйственной академии им. академика Д. К. Беляева. aleksey.s37@yandex.ru

есть главный его проводник в толщу стомиллионного народа, и если Россия не может обойтись без этого просвещения, то как высоко и значительно это историческое призвание интеллигенции, сколь устрашающе огромна ее историческая ответственность перед будущим нашей страны, как ближайшим, так и отдаленным»⁴.

Действительно, интеллигенция в России во второй половине XIX в. превратилась в движущую силу, обладающую огромным просветительским потенциалом, благодаря которой в провинциальных городах с завидной регулярностью стали открываться общественные публичные библиотеки. Благотворное влияние интеллигенции в деле просвещения народных масс в эти годы было очевидно всем. Еще в 1870-е гг. земская интеллигенция начала активно выступать за создание общественных читален. Например, в 1874 г. председатель Пошехонской уездной земской управы Е. Алексеев, агитируя создавать публичные библиотеки, обратился к местной интеллигенции со следующими словами: «Можно смело сказать, что влияние людей просвещенных на массу народную громадно. Сила интеллигенции — нравственно велика... Не бойтесь, если на первых порах толпа взглянет на ваши затеи как на пустую, непрактичную фантазию! Скоро эта же толпа и голоса из среды ее скажут вам свое “спасибо”. Не бойтесь и того, если не сразу все примутся за книги серьезного чтения, а потребуют от библиотеки легких романов, повестей и тому подобных сочинений: успеете только раздражить вкус ваших читателей, тогда можно перейти от легких сочинений к популярным изложениям уже и научных вопросов, равно политической экономии, истории, путешествий и т. д.; тогда лишний трудовой грош многие охотно сберегут для того, чтобы взять абонемент на книги, и со дня на день в среде населения будет появляться больший и больший процент знания и образования»⁵.

Во второй половине XIX столетия в России происходил процесс интеллигентизации общественного движения за открытие публичных библиотек и народных читален. Огромная роль здесь принадлежала библиотечной интеллигенции. А. В. Соколов справедливо, на наш взгляд, считает, что «интеллигентами не рождаются, интеллигентами становятся. Школа делает своих выпускников образованными и просвещенными людьми, но ни один университет не может сделать из студента интеллигента. Вузовский

диплом — не свидетельство об интеллигентности. Интеллигентность — интегральное качество, которое социализированная личность добывает самостоятельно путем развития интеллекта и гуманистического самоопределения. Где добывается интеллигентность? Только и исключительно в библиотеке. Нельзя обрести интеллигентность, изучив одну книгу, пусть даже она будет Священным Писанием или Большим энциклопедическим словарем, нужно приобщиться к миру книг во всем его противоречивом многообразии. Поэтому интеллигентные люди наполняют свои дома книгами, учреждают и комплектуют библиотеки, заботятся об их сохранности и развитии, видят в библиотечной сети цитадель национальной культуры и форпост культуры общечеловеческой»⁶.

Провинциальная интеллигенция — это особый слой, являющийся выразителем регионального менталитета и генератором чрезвычайно важных для культурного самоопределения обитателей края процессов. Библиотечное строительство в конце XIX — начале XX в. стало одним из важнейших направлений в деле просвещения местного населения. Роль библиотечных учреждений в развитии культуры того или иного региона России всегда была велика. Библиотеки, приобщая население к чтению, выполняли миссию сохранения и передачи через поколения общечеловеческих ценностей, а также трансляции культурных традиций. Все это было бы невозможно без энтузиазма людей, иницирующих открытие общественных читален, а также библиотекарей (местной библиотечной интеллигенции).

Безусловно, интеллигентность определяется не мягкими манерами, красноречием или привлекательной внешностью, а богатством внутреннего духовного мира. Так, лейтмотивом работ А. В. Соколова является своеобразная «формула интеллигентности», с которой, на наш взгляд, можно согласиться. Он полагает, что «библиотечная интеллигентность — это качество личности, объединяющее образованность, включающую книжную начитанность и информационную культуру; креативность; альтруизм; толерантность; благоговение перед книгой — символом разума, гуманизма, культуры»⁷.

Ярким представителем библиотечной интеллигенции Костромы конца XIX — начала XX в. являлся скромный инспектор народных училищ Костромской губернии Евгений Мильевич

Микифоров. Будучи председателем Комиссии по устройству народных чтений, он еще в конце 1880-х гг. выступил с инициативой по созданию в Костроме общедоступной читальни. В 1887 г., откликнувшись на просьбу Е. М. Микифорова, известный столичный предприниматель и коммерсант Василий Андреевич Кокорев (кстати, уроженец Костромской губернии) передал в фонд будущей читальни более сотни произведений классиков русской литературы. Именно эти книги стали основой для формирования отдела беллетристики в новой библиотеке⁸. Но из-за нехватки средств и бюрократических проволочек открыть народную читальню в Костроме в конце 1880-х гг. так и не удалось. Однако Е. М. Микифоров не опустил руки, а только с удвоенной энергией взял на себя всю тяжесть подготовительной работы по учреждению первой бесплатной библиотеки в губернском центре.

В начале 1890-х гг. сбор денег на строительство здания читальни существенно активизировался. Средства собирали по подписным листам. Значительные пожертвования сделали представители творческой интеллигенции — писатель-костромич А. А. Потехин и труппа московского театра Корша (пожертвовавшая треть сборов от одного из спектаклей). Взнос поступил и от благотворительного концерта в московском Малом театре (инициатором помощи здесь выступил известный актер Михаил Садовский). Существенная помощь в сборе средств была оказана знаменитыми театральными деятелями: Ф. И. Шаляпиным, Л. В. Собиновым, М. Н. Ермоловой, М. В. Савиной и некоторыми другими артистами Императорских Малого и Александринского театров. Не стояли в стороне от благого начинания и костромские предприниматели. Так, большую сумму в кассу библиотеки перечислил костромской фабрикант А. А. Зотов. В результате удалось собрать около 6 тыс. руб., что было достаточным для начала строительства здания читальни в 1895 г. Местом для возведения нового культурно-просветительского заведения в Костроме стал Петропавловский бульвар (ныне здесь находится Костромской областной театр кукол)⁹.

Благодаря энтузиазму и энергии Е. М. Микифорова народная читальня была торжественно открыта 22 сентября 1896 г. в присутствии вдовы Александра Николаевича Островского Марии Васильевны и двух его сыновей. По инициативе местной интел-

лигенции она получила официальное название «Народная читальня имени А. Н. Островского»¹⁰.

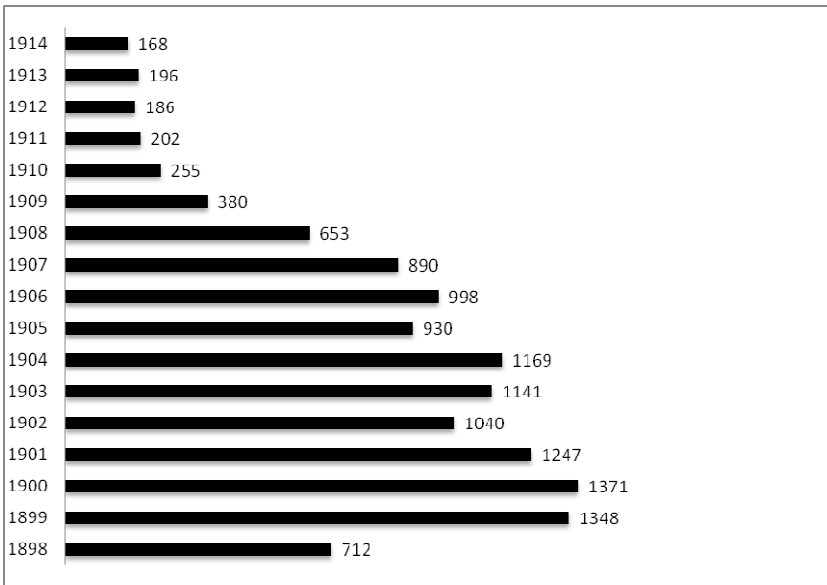
Однако выдача книг населению на дом пока не предполагалась. Поэтому следующие полтора года Е. М. Микифоров посвящал тому, чтобы добиться создания на базе читальни полноценной общедоступной библиотеки. Он составил проект устава и правил библиотеки, но костромской губернатор А. Р. Шидловский считал открытие подобного заведения преждевременным. Вопрос никак не удавалось решить. Только после смерти губернатора его преемник Е. Е. Извеков дал согласие на открытие народной библиотеки. Е. М. Микифоров стал ее первым заведующим, а библиотекарем был утвержден еще один представитель местной интеллигенции, учитель А. А. Антонов. 2 июня 1898 г. народная библиотека официально открыла двери для своих читателей¹¹.

Вскоре в ее здании на средства, пожертвованные фабрикантами братьями Зотовыми и Н. К. Кашиным, по инициативе Е. М. Микифорова обустроили народный театр и организовали народные чтения с «туманными картинками» (слайдами) и использованием так называемого «волшебного фонаря», показ сопровождался лекциями¹². Таким образом, библиотека превратилась в настоящий культурно-просветительский центр для простого населения Костромы.

Беспокоясь о стабильном финансировании только что созданной читальни, Е. М. Микифоров обратился к гласным городской думы с просьбой о принятии данного заведения в ведение города. В результате 17 декабря 1898 г. Костромская городская дума взяла читальню имени А. Н. Островского под свое управление и постановила ежегодно выделять на ее содержание по 500 руб. Отныне официальное название библиотеки стало звучать — «Костромская городская народная читальня имени А. Н. Островского». Формально она была бесплатной, однако читателям все-таки приходилось платить 5 коп. за месячный абонемент¹³.

Подобная символическая плата мало влияла на число подписчиков. Из рис. 1 видно, что если в 1898 г. их насчитывалось 712 чел., то в 1900 г. — уже 1371 чел. Затем произошло сокращение: 1902 г. — 1040 чел., в годы первой российской революции — от 930 до 890 чел. Резкое уменьшение количества читателей начинается с 1909 г., когда оно составило 380 чел. В 1914 г. (из-за

начавшейся Первой мировой войны) было зарегистрировано вообще всего 168 подписчиков.

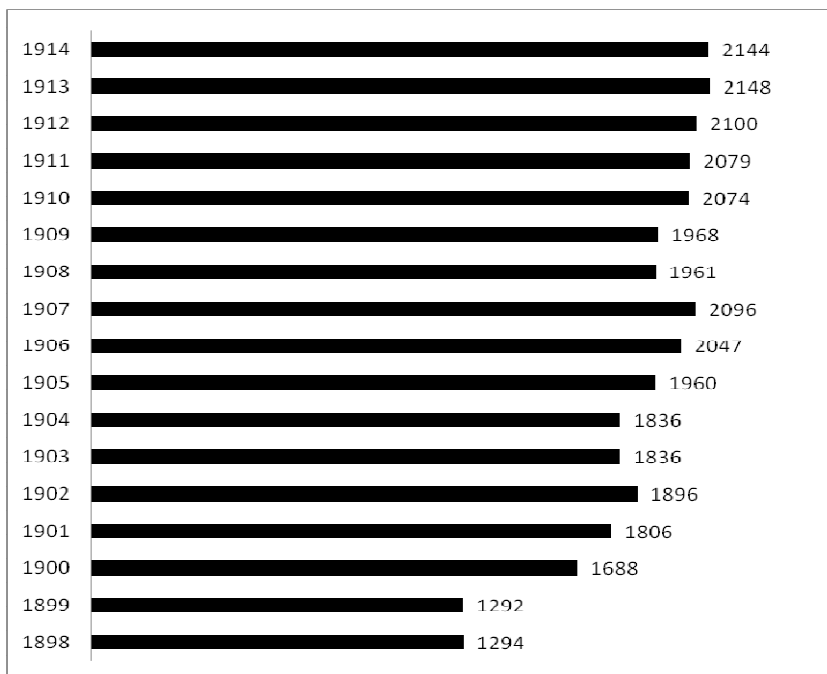
Рис. 1. Количество читателей городской народной читальни имени А. Н. Островского в Костроме в 1898—1914 гг.¹⁴

Подобное сокращение читателей объясняется, прежде всего, недостаточным финансированием библиотеки, т. к. городская дума стала выделять на ее развитие ежегодно не более 300 руб. Дефицит средств привел к значительному сокращению покупки новых книг и выписки периодических изданий. Это, естественно, не способствовало привлечению читателей.

По своей сословной принадлежности подавляющее большинство подписчиков составляли мещане и крестьяне. Так, в 1899 г. они насчитывали 63 %¹⁵ от общего количества читателей, в 1904 г. — почти 57 %¹⁶, в 1908 г. — 70 %¹⁷. При этом среди них более половины являлись учащимися. Мужчины абсолютно преобладали, составляя около 85 % всех подписчиков. Число рабочих среди посетителей библиотеки было ничтожным (5—7 %). Они предпочитали брать книги в бесплатной читальне Попечи-

тельства о народной трезвости, которая располагалась как раз в фабричном районе Костромы.

Темпы увеличения фонда библиотеки хорошо видны из рис. 2.

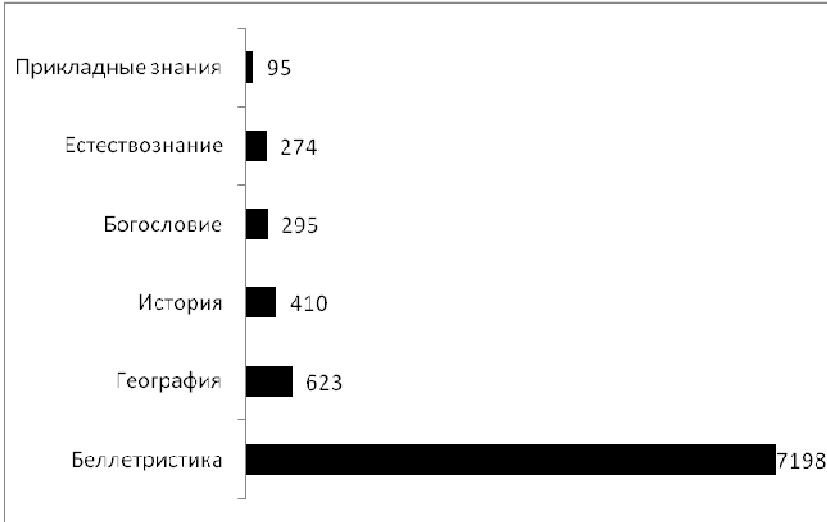

Рис. 2. Количество книг и периодических изданий (в томах) в фонде городской народной читальни имени А. Н. Островского в Костроме в 1898—1914 гг.¹⁸

Анализируя данные рис. 2, очевидно, что в количественном отношении фонд библиотеки увеличивался медленно. В 1898 г., на момент открытия, в ней насчитывалось 1294 тома, а в 1914 г. — 2144. Таким образом, за 17 лет это просветительное заведение пополнилось всего 850 томами, т. е. в среднем прибывало 50 книг в год. Подобные темпы следует признать весьма скромными. При этом наиболее читаемыми авторами в «Островской» библиотеке были М. Рид, Ж. Верн, Л. Н. Толстой, В. Н. Гоголь, И. С. Тургенев, А. Н. Островский, А. С. Пушкин. Среди периодических из-

даний лидировали познавательные ежемесячники: «Нива», «Вокруг света» и «Живописное обозрение».

Для выяснения наиболее востребованных отделов в фонде библиотеки обратимся к рис. 3.

Рис. 3. Количество выданной литературы из отделов фонда городской народной читальни имени А. Н. Островского в Костроме в 1899 году (в томах)¹⁹

Из рис. 3 следует, что наиболее востребованным был отдел отечественной и зарубежной беллетристики (количество выданной из него литературы составляло 81 % всех удовлетворенных требований читателей). На втором месте, с более чем десятикратным отставанием (7 % от общего числа выдач), находился географический отдел (здесь книголюбители интересовались, прежде всего, повести и рассказы о путешествиях в другие страны). На долю занимающего третье место исторического отдела приходилось всего 4,5 % всей выданной литературы. Отдел прикладных знаний являлся аутсайдером (1 % выдач), т. к. книг подобного содержания в фонде библиотеки насчитывалось очень немного.

Разнообразить фонд народной библиотеки даже при наличии необходимых денежных средств в конце XIX — начале XX в.

было не так-то просто. Улучшению его качественного состава препятствовали Правила о народных читальнях, утвержденные МВД в 1890 г. В списки книг, разрешенных для народных библиотек, часто не попадали даже сочинения признанных классиков отечественной литературы. Например, в «Островской» библиотеке не было произведений Н. А. Некрасова, А. П. Чехова, В. Г. Короленко, Г. И. Успенского. Книги, передаваемые в дар читальне, Е. М. Микифорову часто приходилось продавать, т. к. они не входили в списки, разрешенные для народных библиотек. Так, в 1902 г. он вынужден был продать более 150 подаренных сочинений русских и иностранных авторов²⁰.

Руководство «Островской» читальни во главе с Е. М. Микифоровым осознавало, что необходимо приобщать к книге самые различные слои населения города. Для этого были открыты своеобразные филиалы библиотеки. Средства поступили благодаря частным пожертвованиям. Особенно щедро помог фабрикант А. А. Зотов. Так, 18 декабря 1899 г. в Костроме на Солдатской улице, при магазине общества потребителей служащих и рабочих Товарищества мануфактур братьев Зотовых, появилась народная читальня имени А. С. Пушкина (первый филиал «Островской» библиотеки), фонд которой составил 1100 томов²¹.

Открытие «Пушкинской» народной читальни губернская интеллигенция приурочила к празднованию 100-летнего юбилея великого поэта. Представители костромской интеллигенции неоднократно в течение 1899 г. обращались к горожанам на страницах местных газет с просьбой оказать посильную помощь по созданию новой бесплатной библиотеки, «в которой, — как было написано в “Костромском листке”, — ощущается сильная нужда на наших окраинах, в особенности в фабричном районе, более всего населенном простонародьем и тысячами фабричных, лишенных благотворного влияния книги»²².

Главными посетителями «Пушкинской» народной читальни стали рабочие и служащие местных фабрик (они составляли около 47 % всех читателей) и учащиеся фабричных училищ (28 % от общего числа подписчиков). Например, в первый год существования библиотеки в ней состояло 500 читателей. При этом ее фонд насчитывал чуть более 1300 томов. В 1900 г. в читальне

произошел пожар и она приостановила деятельность, а в 1901 г. переехала в дом Мудровой в Кирпичном переулке²³.

В 1903 г. по инициативе Е. М. Микифорова «Пушкинская» библиотека была передана в ведение Попечительства о народной трезвости. Мотив передачи — существование по соседству двух одинаковых читален, т. к. Попечительство открыло свою бесплатную библиотеку рядом в Народном доме на Власьевской улице (в том же фабричном районе, где главными читателями были рабочие предприятий братьев Зотовых, Кашина, Чумаковых, а также учащиеся местных фабричных школ)²⁴. Конкурировать с более обеспеченной в финансовом плане, имеющей неплохой книжный фонд бесплатной библиотекой Попечительства, «Пушкинская» читальня не могла, поэтому их объединение, по мнению Е. М. Микифорова, оказалось совершенно оправданным.

Вторым филиалом «Островской» читальни стала народная библиотека при чайной Костромского Попечительства о доме трудолюбия. Решили ежегодно пополнять ее фонд литературой на сумму в 25 руб., в 1901 г. в ней насчитывалось всего 416 томов²⁵. Однако она пользовалась популярностью у местного населения. Многие лишняя раз заходили в чайную, отдавая 1 коп. за стакан чая, чтобы полистать газету или журнал. Литература выдавалась бесплатно, в залог бралась шапка посетителя. К сожалению, эта библиотека работала только летом во время навигации, т. к. чайная находилась на самой пристани в помещении, не приспособленном для холодного времени.

Третьим филиалом читальни им. А. Н. Островского являлась народная библиотека при городском ночлежном доме им. Ф. И. Чернова, открывшаяся весной 1901 г. Федор Чернов был купцом, пароходоладельцем, известным своей благотворительностью. Его брат Гордей Чернов увековечен А. М. Горьким в произведении «Фома Гордеев». На момент создания в новой читальне насчитывалось всего 57 книг. Зимой ночлежников, как правило, было около 150 человек. Все они довольно охотно брали книги. Многие неграмотные с удовольствием слушали то, что читали другие вслух. Женщины редко обращались к книгам. Наибольшей популярностью здесь пользовалась беллетристика и духовно-нравственная литература²⁶. Это была единственная библиотека для обитателей социального дна в регионе.

Е. М. Микифоров в 1902 г. настоял на создании еще одной бесплатной библиотеки при Воскресенском обществе трезвости в заштатном городе Плесе Нерехтского уезда Костромской губернии. Он добился того, чтобы из средств, выделяемых Костромской городской думой на содержание «Островской» читальни, небольшое пособие поступало для комплектования фонда Плесской библиотеки, в котором в 1905 г. уже насчитывалось около 1700 томов²⁷.

Е. М. Микифоров выступал настоящим поборником просвещения, не жалевшим ни сил, ни времени для создания сети общедоступных библиотек. Его усилия в этом направлении были оценены еще при жизни. По решению Костромской городской думы ему объявили благодарность, а в помещении «Островской» библиотеки, которой он заведовал долгие годы, установили мраморную доску с надписью следующего содержания: «Здание настоящей народной читальни имени А. Н. Островского устроено старанием и заботами Евгения Мильевича Микифорова»²⁸.

Деятельность библиотечной интеллигенции в конце XIX—XX в. была направлена на создание культурной среды, содействовавшей просвещению самых широких социальных слоев. Просветительство для дореволюционной интеллигенции России являлось одной из важнейших задач, поэтому книге придавалось огромное значение как главному инструменту распространения просвещения.

Следует констатировать, что костромская библиотечная интеллигенция сделала немало для просвещения горожан. Какими бы скромными показателями не обладали созданные по ее инициативе общественные читальни, каждая из них стремилась приобщать городское население к книге, сделать так, чтобы чтение стало неотъемлемым атрибутом жизни. Постепенно на рубеже XIX и XX вв. книга перестала быть только достоянием интеллектуальной аристократии. Все большее место в читательской аудитории приобретал «низовой», «уличный» читатель. В городе чтение, пусть медленно, но становилось достаточно частным (хотя и не повседневным) элементом образа жизни, а книга, газета, журнал — обыкновенными вещами в обиходе.

Примечания

- ¹ Соколов А. В. Библиотечная интеллигенция в России : исторические очерки. М., 2007—2008. Ч. 1—2.
- ² Там же. Ч. 1. С. 6.
- ³ Там же.
- ⁴ См.: Интеллигенция в России : сб. ст., 1909—1910. М., 1991. С. 45.
- ⁵ Алексеев Е. Народные читальни и публичные библиотеки // Вестник Ярославского земства. 1874. № 22. С. 26—27.
- ⁶ Соколов А. В. Указ. соч. Ч. 1. С. 6—7.
- ⁷ Соколов А. В. Диалоги с постсоветской гуманитарной интеллигенцией. СПб., 2006. С. 77.
- ⁸ Отчет Костромской городской народной читальни им. А. Н. Островского за 1898/1899 г. Кострома, 1899. С. 29.
- ⁹ Отчет по постройке в городе Костроме здания народной читальни им. А. Н. Островского. Кострома, 1900. С. 9—10.
- ¹⁰ Бочков В. Старая Кострома. Кострома, 1997. С. 145.
- ¹¹ Отчет Костромской городской народной читальни им. А. Н. Островского за 1898/1899 г. С. 87.
- ¹² Отчет по постройке в городе Костроме здания народной читальни им. А. Н. Островского. С. 14.
- ¹³ Отчет Костромской городской народной читальни им. А. Н. Островского за 1898/1899 г. С. 4.
- ¹⁴ Отчеты Костромской городской народной читальни им. А. Н. Островского за 1898—1914 гг. Кострома, 1899—1914.
- ¹⁵ Отчет Костромской городской народной читальни им. А. Н. Островского за 1898/1899 г. С. 34.
- ¹⁶ Отчет Костромской городской народной читальни им. А. Н. Островского за 1904/1905 г. Кострома, 1905. С. 17.
- ¹⁷ Отчет Костромской городской народной читальни им. А. Н. Островского за 1908/1909 г. Кострома, 1909. С. 27.
- ¹⁸ Отчеты Костромской городской народной читальни им. А. Н. Островского за 1898—1914 гг.
- ¹⁹ Отчет Костромской городской народной читальни им. А. Н. Островского за 1898/1899 г. С. 29.
- ²⁰ Список книг библиотеки при читальне им. А. Н. Островского. Кострома, 1902.
- ²¹ Отчет Костромской городской народной читальни им. А. Н. Островского за 1900/1901 г. Кострома, 1901. С. 73.
- ²² Голубин Н. И. К юбилею А. С. Пушкина в Костроме // Костромской листок. 1899. № 3. С. 2.

- ²³ Отчет Костромской городской народной читальни им. А. Н. Островского за 1900/1901 г. С. 71.
- ²⁴ Отчет Костромской городской народной читальни им. А. Н. Островского за 1902/1903 г. Кострома, 1903. С. 73.
- ²⁵ Отчет Костромской городской народной читальни им. А. Н. Островского за 1900/1901 г. С. 79.
- ²⁶ Там же. С. 80.
- ²⁷ Отчет Костромской городской народной читальни им. А. Н. Островского за 1904 / 1905 г. Кострома, 1905. С. 41.
- ²⁸ Отчет по постройке в городе Костроме здания народной читальни им. А. Н. Островского. С. 14.

ББК 63.3(2)53-283.2

Р. А. Михалева

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
МОСКОВСКИХ ХУДОЖНИКОВ
НА РУБЕЖЕ XIX—XX ВЕКОВ**

В последнее десятилетие у российских историков появился ярко выраженный интерес к истории различных сословий и групп населения. Так, в частности, в издательстве «Молодая гвардия» выходят в свет монографии о повседневной жизни дворян, купечества, крестьян, жандармов, депутатов Государственной думы, дипломатов¹. Вместе с тем, необходимо отметить, что повседневная жизнь творческой интеллигенции вообще и художников в частности представляет несомненный интерес и еще ждет своего исследователя.

Развитие капитализма в Москве постепенно преобразовало ее. Если центр мало чем отличался от больших европейских городов (Китай-город, Арбат, Поварская, Пречистенка), то облик московских окраин менялся медленно, что придавало древней

© Михалева Р. А., 2012

Михалева Римма Анатольевна — ассистент кафедры истории и политологии, соискатель кафедры истории и политологии Государственного университета управления (Москва). istplt@mail.ru, rimma1000@mail.ru

столице живописный колорит. Бурное развитие промышленности способствовало быстрому росту населения. Если в 60-х гг. XIX в. население Москвы составляло около 400 тыс. человек, то в конце 90-х гг. XIX в. — уже свыше 1 млн человек. По данным переписи 1897 г., 75 % жителей города родились в Москве и около 70 % относились к сословию крестьян². Это свидетельствует о бурной миграции сельского населения, вынужденного из-за малоземелья уходить в большие города на заработки. На рубеже XIX—XX вв. Москва стала образцом новой, урбанистической культуры в противовес чиновничьему Петербургу. Она была связана с новыми заказчиками — представителями промышленного капитала: Третьяковыми, Бахрушиными, Морозовыми, Рябушинскими и др.

Б. Л. Пастернак, выросший в семье известного московского художника, в своих воспоминаниях отмечал эту характерную особенность древней столицы: «...обгоняя Петербург, Москва дала начало новому русскому искусству — искусству большого города, молодому, современному, свежему»³. Сюда устремились многие талантливые писатели и художники, которые подолгу наездами жили в Москве или же становились москвичами: писатели И. А. Бунин, А. П. Чехов, А. М. Горький, Д. Н. Мамин-Сибиряк, художники И. Е. Репин, В. Д. Поленов, В. М. Васнецов и многие другие. Огромное влияние оказала Москва на творчество В. И. Сурикова, жившего сначала на Пречистенке и Остоженке, а с 1898 г. поселившегося в доме на Цветном бульваре. Многие из известных художников преподавали в Московском училище живописи, ваяния и зодчества (МУЖВЗ), ставшем настоящей «кузницей» художественных кадров.

Необходимо отметить, что художники по своему социальному статусу не принадлежали к профессиональной группе, имевшей постоянные высокие доходы.

На рубеже XIX—XX вв. далеко не все художники могли найти себе постоянную работу по специальности. В училищах ведомства Министерства двора (в том числе в МУЖВЗ) преподаватели получали по 1200 руб. в год и квартиру. Широким спросом пользовались учителя рисования. С 70-х гг. XIX в. рисование и черчение стали обязательными предметами в реальных училищах, преподавались в учительских институтах, семинариях, в промышленно-технических средних и низших школах. Однако

жалование учителя рисования было меньше, чем у преподавателей общеобразовательных предметов, они имели более низкий социальный статус. Не случайно В. Э. Борисов-Мусатов, находившийся в крайней нужде, писал в 1904 г.: «Лучше писать копию за гроши, чем иметь жалкое положение учителя рисования»⁴.

Наиболее доступным заработком для начинающих художников были заказы на церковную живопись. В Московское училище живописи постоянно поступали заказы на иконы, иконостасы, церковные картины, в том числе для воинских частей. Но рутинная религиозная живопись, связанная жесткими церковными канонами, часто не могла удовлетворить творческие потребности художников, бравшихся за нее от безденежья. К тому же она плохо компенсировала их труд. Молодой М. А. Врубель, расписывая кафедральный Владимирский собор, зарабатывал 150—200 руб. в месяц. М. Нестеров там же получал примерно по 150 руб. за каждую икону для иконостаса. Однако он всегда боялся, что многие годы, проведенные на подмостках, превратят его в ремесленника⁵. В провинциях, особенно в сельской местности, за роспись для церквей платили очень мало. Творческая энергетика многих художников так и не находила себе выхода.

Другим наиболее распространенным заработком являлось написание портретов на заказ. Эта работа по крайней мере давала возможность проявлению индивидуальности и зоркости художника. Известным живописцам портреты заказывали общественные организации (например, портреты М. Н. Ермоловой и Ф. И. Шаляпина для Московского литературно-художественного кружка написал В. А. Серов)⁶. Но портретные заказы от богатой буржуазии и аристократии в целом не способствовали раскрытию творческих замыслов. Многие художники брались за них из-за житейской нужды. Так, будучи уже известным, И. Крамской исполнял портретные заказы, за которые получал по 12 тыс. руб. в год. Но в целом деньги уходили на питание, оплату жилья и обучение детей и расходовались довольно быстро. Заваленный такими заказами и не имевший возможности отказаться, Крамской писал П. М. Третьякову: «Я себя продаю: кто купит? Я только хочу один год художественной жизни, чтобы не быть вынужденным бегать за хлебом, только это»⁷. А рядовые живописцы хватались за любые заказы.

Необходимо отметить, что художник качественно отличался от других людей определенными способностями (в переводе со старославянского языка «художник» означает «умными руками»), связанными с более тонким восприятием мира. Таким образом, художник стремится к самореализации не только с точки зрения материально-практической, но и с точки зрения духовной, чем и отличается от простого ремесленника. Художник стремится к самовыражению, общественному признанию, а значит, у него должен быть потребитель и адресат, т. е. публика.

Некоторые из московских художников, как и в других городах, устраивали персональные выставки с входной платой и продажей картин. Но произведения начинающих художников не всегда пользовались успехом у публики и, следовательно, не всегда раскупались. Те, чьи выставки не удались, заплатив за аренду помещения последние деньги, могли остаться без средств к существованию. Интересно отметить, что известный писатель и редактор В. А. Гиляровский регулярно посещал художественные выставки в Москве и покупал неудачные произведения художников для поддержания их творческого потенциала. Когда его спросили, зачем он это делает, Гиляровский ответил: «Хорошее-то всякий купит, а ты плохое купи. <...> Денег дать вашему брату художнику нельзя, обидится, а купить этюд — дело другое. И хлеб есть, и дух поднят. Раз покупают, — скажет он себе, — значит, нравится, значит, умею я работать. Глядишь — больше стал трудиться, повеселел, и впрямь дело пошло лучше»⁸. Но далеко не всем художникам так везло.

Чтобы заработать на насущные нужды, некоторые живописцы организовывали частные курсы «для дам» и «для детей», как, например, Э. Г. Фаллиз, создавший «Общие классы рисования и живописи». К. Ф. Юон и И. Г. Дудин основали в 1902 г. «Общедоступные и систематические классы рисования и живописи» с ежемесячной платой: за ежедневные занятия с живой натуры — 20 руб., с гипса и мертвой натуры — 15 руб., для занимающихся 2 раза в неделю — 10 руб. и за воскресные уроки — 5 руб.⁹

Некоторые известные художники зарабатывали на жизнь, иллюстрируя книги и не только книги. С 90-х гг. XIX в. произошел поворот в области книжного оформления с привлечением к этой работе крупных мастеров. М. А. Врубель и другие художни-

ки создали иллюстрации к сочинениям М. Ю. Лермонтова: «Демон» (1890), «Демон летящий» (1899), «Демон поверженный» (1902), «Богатырь» (1899). Лучшие живописцы иллюстрировали юбилейное издание А. С. Пушкина в 1899 г. Праздничное меню для банкетов аристократии и московских толстосумов разрисовал В. М. Васнецов. Ему также неоднократно поручали заказы подобного рода и для членов царской семьи.

Пышного расцвета в начале XX в. достигло искусство карикатуры, в том числе политической¹⁰.

Новая эпоха в развитии декорационной живописи началась с деятельности Мамонтовского кружка художников, Мамонтовского частного театра в Москве и Художественного театра. В 1900-х гг. театральная живопись в России стала явлением мировой культуры. Она давала неплохой доход и сохраняла творческую самостоятельность художников. В конце XIX — начале XX в. среди них насчитывалось около 55 профессионалов, работающих для театра. М. А. Врубель создал декорации и костюмы к спектаклям Мамонтовской частной оперы в Москве «Снегурочка», «Сказка о царе Салтане». А. Я. Головин был декоратором Большого театра с 1898 по 1901 г. (создал декорации к опере Римского-Корсакова «Псковитянка»). В. М. Васнецов, писавший в основном на сказочную тематику («Три царевны подземного царства» 1879 г., «Коверсамолет» 1880 г., «Богатыри» 1898 г., «Сирин и Алконост. Песнь радости и печали» 1897 г.), в 1901 г. оформил фасад Государственной Третьяковской галереи и монументальное панно «Каменный век» для Исторического музея в Москве.

Только на рубеже XIX—XX вв. талантливые художники стали глубже осознавать свою профессию как необходимый обществу элемент национальной культуры. В это время выработался новый тип художника, который мог гордиться своим трудом и его общественной ценностью¹¹.

В конце XIX — начале XX в. в Москве даже обеспеченные родители предпочитали не давать своим детям художественного образования. Это объяснялось тем, что труд художника не только скудно оплачивался, но и был очень специфическим — психологически тяжелым, связанным с божественным образом жизни. В обществе бытовало мнение, что именно из низших слоев народа выходили и всегда будут выходить самые лучшие мастера. Но

должного воспитания они в детстве не получали, а общая образовательная программа Московского училища живописи, ваяния и зодчества не была рассчитана на получение хороших знаний по таким предметам, как математика, иностранные языки и др. Художников с приличным образованием в Москве в это время было очень мало. К тому же в России были живы сословные предрассудки. Так, М. А. Врубель, сын полковника (но не дворянина) не мог жениться на девушке из дворянской семьи, хотя его там принимали как равного, но родниться с ним не хотели¹².

Многие художники не выдерживали напряженной работы, материальных лишений и заканчивали трагически: чахоткой, запоем, самоубийством или просто безвестной жизнью, не реализовав полностью свой талант.

Приведем несколько показательных примеров. И. А. Волгужев, крестьянин по происхождению, летом работал на молотилке, а зимой приезжал в Москву в Училище живописи и принимался за работу — писал чудесные волжские пейзажи. По характеру он был человеком гордым и неуступчивым, о чем свидетельствует один случай. Однажды Волгужев написал картину в имении «Ильинское», принадлежавшем московскому генерал-губернатору, брату царя Николая II, князю Сергею Александровичу. На рождественской выставке Сергей Александрович расхвалил произведение и спросил о цене. «Пятьсот рублей», — был ответ художника. «Но это очень дорого», — сказал князь. «Дорого, так и не надо, дешевле не продам!» — стоял на своем Волгужев¹³.

На выставочной комиссии картина была оценена в сто рублей, на что и указали автору. «Знаю, — ответил он, — всякому другому — сто, а этому пятьсот. Уж очень он важен... Я тоже важничать умею...»¹⁴ Умер И. А. Волгужев от чахотки: заболел, а лечиться было не на что. Уже на смертном одре он получил звание художника.

Приведем еще один пример — случай ученика Г. Жукова («Мертвое озеро», «После потопа»). Своей неуклюжестью, озлобленным выражением глаз и дерзкими разговорами он отталкивал от себя многих людей, из-за этого оказался на улице. Его приютил кучер из той деревни, где он был волостным писарем до поступления в Училище живописи. Премия в пятьдесят рублей, присужденная советом профессоров Г. Жукову за картину «После потопа», не

была выдана, так как премии выдавались только штатным ученикам, а Г. Жуков был вольнослушателем, хотя художник К. А. Савицкий отзывался о нем лестно и называл «жемчужиной школы». В княжеском доме, куда поселил Г. Жукова знакомый кучер, прислуга глумилась над ним и называла дармоедом¹⁵. Нервы художника не выдержали: однажды утром в комнате, где он жил, нашли его обгоревший труп. Г. Жуков покончил жизнь самоубийством. Князь Львов выдал сто рублей на похороны. Друзья Г. Жукова (их было очень мало) рассказывали, что осталась большая поэма в стихах, посвященная любимой девушке, с которой он даже не был знаком лично, лишь видел ее издалека.

А. К. Саврасов, известный живописец, член-учредитель Товарищества передвижных художественных выставок, во многом был необычайно работоспособен и плодовит («Грачи прилетели» 1871 г., «Проселок» 1873 г., «Могила на Волге» 1874 г. и др.). Он многое успел сделать, но при этом нерадиво, расточительно распорядился своей жизнью и талантом. Глубоко переживая смерть обеих дочерей и жены, он начал спиваться, лишился казенной квартиры, а затем и преподавательской работы в Училище живописи. Новым и непоправимым ударом судьбы стала прогрессирующая потеря зрения. Какое-то время он жил тем, что рисовал копии своих знаменитых «Грачей», считавшихся лучшей его картиной. Последние пятнадцать лет жизни художник провел в московских трущобах, ходя по кабакам и ночлежкам, пропивая все, что перепало от благодарных учеников и почитателей его таланта. Вот что писал В. Гиляровский, когда еще не был лично знаком с А. К. Саврасовым: «Слышал, что он пьет запоем и продает по трешнице свои произведения подворотным букинистам или украшает за водку и обед стены отдельных кабинетов в трактирах»¹⁶. И дальше: «...друзья приодели Саврасова, сняли ему номер, и вот он уже неделю не пьет, а работает на магазины этюды...»¹⁷ Пьяного художника часто находили где-нибудь на улице, вели его в баню, давали одежду, кормили обедом. После этого «начиналось вытрезвление» и творческая работа. Затем на смену просветлению опять приходил глубокий запой. Саврасов был еще жив, а молва его уже похоронила, так как творческая смерть стала причиной тому, что о нем при жизни говорили как о большом, но безвременно ушедшем художнике.

И это были не единичные случаи.

Государство выделяло средства на поддержание художественных учебных заведений, но недостаточно, так как бюрократия не была заинтересована в развитии искусства в России. Как всегда, на первом месте стояли другие задачи. Это четко выразил министр финансов С. Ю. Витте: «Россия еще не нуждается в искусстве... Есть более важные вопросы»¹⁸.

Кто же тогда поддерживал московских художников? Московское художественное общество, основанное в 1843 г., состояло из меценатов. Оно поддерживало МУЖВЗ и направляло в него учеников за свой счет, так как обучение там было платным. Немногочисленное по составу, это общество в 1895/96 учебном году содержало 63 учеников Московского училища. В него входили Мамонтовы, Морозовы, фон Мекки, Третьяковы, Юсуповы и другие московские богачи. На проценты с капитала, пожертвованного П. М. Третьяковым Московскому училищу, лучшие ученики посылались за границу (в том числе С. Т. Коненков) и совершали поездки по России. Произведения художников покупали богатые любители искусства, коллекционеры. Известны крупные частные коллекции, распылившиеся после смерти их владельцев¹⁹.

Говоря о жилищных условиях художников, можно отметить, что собственников среди них было мало. Из 139 московских художников в 1902 г. имели свои собственные дома только 8 человек. Остальные снимали жилье или жили в доме, который находился на Мясницкой улице или в самом здании Строгановского училища.

Во дворе училища во флигеле располагалась столовая, в которой чаще всего питались ученики. Столовая занимала две комнаты. На чисто вымытых деревянных столах всегда лежал нарезанный свежий черный хлеб. В перерывах с часу до трех учащиеся приходили обедать. Меню состояло из первого блюда с куском говядины, на второе подавались каша или картофель, котлеты, иногда — кисель и стакан молока. Если суп был с говядиной, то обед стоил 17 коп., если без мяса — 11 коп. Столовую содержала пожилая женщина вместе со своей дочерью. Все называли ее Мойсеевной. Ученики зачастую из-за нехватки денег питались в долг, но после удачных продаж своих произведений всегда возвращали его хозяйке. Меню ужинов у художников отличалось от учащихся Московского училища живописи, ваяния и зодчества. Например,

на «средах» в доме Шмаровина оно было таким: лещ, различная другая рыба под соусами, индейка, колбасы, сыры нескольких сортов, на десерт — мороженое. Из напитков — обязательный бочонок пива, водка, вино для присутствующих дам²⁰.

Среди московских художников в 1902 г. шесть человек имели звание почетного гражданина, а трое являлись потомственными дворянами (в том числе С. В. Иванов).

Таким образом, можно сделать вывод, что условия труда и жизни художников Москвы на рубеже XIX—XX вв. были далеко не идеальны. Тяжелый и напряженный труд оценивался невысоко, они не всегда имели возможность реализовать свою творческую энергию, писать произведения для души. Чаще всего работали в основном для дохода, чтобы обеспечить себе и своим семьям более или менее приличное существование. Российское государство оказывало незначительное внимание художественной интеллигенции, а поддерживали ее, в основном, московские меценаты и попечители. Однако, несмотря на сложные условия жизни, русские живописцы конца XIX — начала XX в. создали величайшие по своей красоте и художественной ценности произведения, до наших дней оказывающие влияние на мировую культуру.

Примечания

¹ См., напр.: *Антипина В.* Повседневная жизнь советских писателей, 1930—1950-е годы. М., 2005 ; *Григорьев Б.* Повседневная жизнь царских дипломатов в XIX в. М., 2010 ; *Григорьев Б., Колоколов Б.* Повседневная жизнь российских жандармов. М., 2007 ; *Елисеева О.* Повседневная жизнь благородного сословия в золотой век Екатерины. М., 2008 ; и др.

² *Бокова В.* Повседневная жизнь Москвы в XIX в. М., 2009 ; и др.

³ *Пастернак Б. Л.* Собрание сочинений. М., 1991. Т. 4. С. 301.

⁴ *Русакова А. А.* Виктор Эльпидифорович Борисов-Мусатов. Л. ; М., 1966. С. 97.

⁵ *Прахов Н. А.* Страницы из прошлого : очерки-воспоминания о художниках. Киев, 1958. С. 112.

⁶ *Лейкина-Свирская В. Р.* Русская интеллигенция в 1900—1917 гг. М., 1981. С. 163.

⁷ *Крамской И. Н.* Письма. Статьи. М., 1966. Т. 2. С. 99.

⁸ *Гиляровский В. А.* Москва и москвичи. М., 1979.

- ⁹ Вся Москва : адресная и справочная книга, 1902 год / ред. А. С. Суворин. М., 1902. С. 772, 798—799.
- ¹⁰ Лейкина-Свирская В. Р. Указ. соч. С. 168.
- ¹¹ Там же. С. 169—170.
- ¹² Прахов Н. А. Указ. соч. С. 175—176.
- ¹³ Гиляровский В. А. Указ. соч. С. 125.
- ¹⁴ Там же. С. 125.
- ¹⁵ Там же. С. 124.
- ¹⁶ Там же. С. 428.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Лейкина-Свирская В. Р. Указ. соч. С. 173.
- ¹⁹ Там же. С. 165.
- ²⁰ Киселева Е. Г. Гиляровский и художники. Л., 1961. С. 68.

ББК 63.3(2)532-283.2

А. В. Зябликов

ПРАВЫЕ КАДЕТЫ И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В 1905—1907 ГОДАХ

Одну из влиятельных политических сил дореволюционной России — партию конституционалистов демократов нельзя рассматривать как идеологически однородное явление. «Линия» П. Н. Милюкова, линия «правоверных» кадетов-рационалистов, нашедшая свое оформление в крупнейшей кадетской газете «Речь», и «линия» П. Б. Струве, сплотившая кадетов-идеалистов, имеют множество мировоззренческих различий.

Именно «линию» П. Б. Струве имел в виду Н. А. Бердяев, писавший, что партия народной свободы «как будто бы понимает, что внутреннее воспитание общества есть самое важное дело, что механически никакого переворота нельзя создать, что народ

© Зябликов А. В., 2012

Зябликов Алексей Вячеславович — доктор исторических наук, профессор кафедры культурологии и филологии Костромского государственного технологического университета. (4942) 31-48-14 доб. 169

— раб в душе, не может стать свободным от экспериментов политической алхимии»¹. Выступая 20 сентября 1906 г. в московском клубе партии народной свободы, П. Б. Струве формулировал основную идею партии как «политическое воспитание общественного человека»². Разграничивая эволюционизм и революционизм по признаку воспитание—принуждение, П. Б. Струве замечал, что с этой точки зрения к категории революционизма должна отойти фигура В. К. Плеве, а к категории эволюционизма — Л. Н. Толстой, считавший основой всякого политического устройства воспитание личности. Кроме того, в отличие от П. Н. Милюкова, П. Б. Струве подчеркивал не всесловный, а национальный характер партии кадетов³.

Свое отражение культурно-философская концепция «линии» П. Б. Струве нашла в журналах «Полярная звезда»⁴ и «Русская мысль», редактирование которого перешло в руки П. Б. Струве после смерти 18 ноября 1906 г. В. А. Гольцева. Первый в 1907 г. номер «Русской мысли» потряс читательскую публику своей художественной и интеллектуальной мощью: в одной книжке была представлена беллетристика Н. И. Тимковского, Д. Н. Мамина-Сибиряка, К. И. Чуковского, К. Д. Бальмонта, А. С. Серафимовича, публицистика П. Д. Боборыкина, В. О. Ключевского, П. И. Новгородцева, Н. А. Бердяева, А. А. Кизеветтера, С. Н. Булгакова, В. Д. Набокова, Ю. И. Айхенвальда, А. С. Изгоева, Н. Ф. Езерского, С. А. Котляревского, Ф. К. Арнольда и самого П. Б. Струве.

Журнал «Полярная звезда», насмешливо названный А. В. Луначарским «клочком чада помещичьих вожделений, смешанным с фимиамом интеллигентских кадилъниц и поднятым ветром народного движения на некоторую высоту»⁵, объявлял себя наследником К. Ф. Рыльева и А. И. Герцена. Еженедельник, философию которого можно охарактеризовать как гуманистический индивидуализм, предоставлял свои страницы публицистике столь разных политиков, мыслителей и художников, как Д. В. Философов, Д. Н. Овсянко-Куликовский, Н. А. Бердяев, В. В. Розанов, И. И. Петрункевич, Л. Шестов, Л. Е. Галич, В. И. Вернадский, Д. С. Мережковский. Авторы «Полярной звезды» объединяло общее беспокойство за судьбы русской культуры

и представление об осуществлении прав личности и прав народа как о высшей задаче политического строительства.

В отличие от П. Н. Милюкова, П. Б. Струве не подчинял процесс культурного развития нации задачам политического и государственного устройства. По мнению публициста, псевдодемократические веяния 1905—1907 гг. несли с собой новую угрозу культуре; в противокультурном альянсе с давним врагом — бюрократией выступала неожиданно окрепшая «сектантская партийность», имевшая в своем арсенале два смертоносных для культуры оружия — аскетизм и утилитаризм. «Самый образ “профессионального революционера” есть отражение в мозгах русской “революционной” интеллигенции нашего бюрократического строя, с воспитанным им вкусом к приказам сверху, к насаждению березовых аллей губернаторскими циркулярами», — писал П. Б. Струве⁶.

«Полярная звезда», как и «Московский еженедельник», объединил либеральные силы, остро понимавшие существование угрозы для культуры не только со стороны реакции, но и со стороны революции. «Правоверные» кадеты во главе с П. Н. Милюковым продолжали уповать на оппозиционный союз с левыми партиями и противокультурные наклонности последних считали преувеличенными. Торжество утилитаристских требований к искусству, владычество политики в учебных и научных заведениях, на страницах периодической печати, сопровождавшееся грубой партийной конфронтацией, до предела идеологизировало общество, убивало восприимчивость людей к подлинным культурным и духовным ценностям.

П. Б. Струве в 1906—1907 гг., в условиях, названных им «гниением революции»⁷, главной задачей интеллигенции считал создание широкого народного демократического движения, не скованного узкопартийными рамками, и демократическое устройство русской конституционной монархии. К числу практических шагов предлагалась «проповедь порядка» и культурное противостояние левому радикализму и черносотенству. И. А. Покровский выступил в «Полярной звезде» с обращением ко всем партиям заключить своего рода «женевскую конвенцию» и, во имя культуры, водрузить над учебными заведениями «красный крест», запрещающий «лагерную стоянку» политическим партиям⁸.

По мысли П. Б. Струве, культура, с присущей ей широтой и терпимостью, где мирно соседствуют «языческая Венера» и «католическая мадонна»⁹, должна была подсказать скорейший путь к преодолению умственного сектантства партий, к общественному примирению, — тем более что П. Б. Струве считал пусть небольшую, но вполне осязаемую цель революции достигнутой (Манифест 17 октября 1905 г.). Однако вера П. Б. Струве в самодостаточность русской культуры была шаткой: он видел с какой быстротой и охотой усваивались в обществе «элементарные» идеи классовой борьбы, ставившие российскую интеллигенцию в ряд представителей «продажной» буржуазной культуры.

Своего рода самоуспокоением, по нашему мнению, была для П. Б. Струве мысль о том, что отсутствие прочных культурных и консервативных традиций благоприятствует развитию демократии. Ближайший его единомышленник С. Л. Франк замечал: «Именно молодость и культурная наивность нашего народа не только ускорит его политическое развитие, но и приветствует грядущей русской демократии великую страсть к еще неизведанным культурным ценностям — страсть, которая заменит ей господствующее на Западе вековое движение к культуре»¹⁰. На культуру возлагалась двойная трудно исполнимая задача: силой своей противостоять левому и правому радикализму, слабостью своей способствовать зарождению демократии.

Следствием этих метафизических и исторических противоречий стало состояние, охарактеризованное Л. Е. Галичем как «тяжба между свободой и культурой»¹¹. П. Б. Струве объявлял огромным культурным переворотом и знаком рождения нации победу кадетов на первых думских выборах: большевики звали к войне классов, к диктатуре пролетариата и, соответственно, к ущемлению свободы классов, декларируя в качестве одной из целей расцвет культуры; заботой о должной культуре и просвещенности депутатов объясняло правительство урезание избирательных прав в пользу образованного сословия законом от 3 июня 1907 г. Озабоченность культурой становилась неизменным козырем в партийно-политической игре. В нее, чаще помимо своей воли, вовлекалась художественная интеллигенция, лучшие представители которой были обеспокоены навязыванием ей прежней служебной роли.

Историческая реальность 1906 г., особенно после «выборгского» воззвания, убеждала образованное общество в том, что страна проскочила свою демократическую фазу, и в этом повинны все противоборствующие стороны. Политические партии становились одним из осязаемых источников общественной конфронтации. В это время в публицистике П. Б. Струве благодушные восторги в адрес кадетской партии уступают место размышлениям о консервативной сущности культуры, об опасности проведения социальных экспериментов в государствах с хрупким культурным слоем. «Консерватизм без традиций, — писал П. Б. Струве в январе 1907 г., — без идейных скреплений обратился в революционную стихию без творческой идеи и без организационной дисциплины, но с тем же прежним огромным упором — вот формула превращения самодержавной России в Россию революционную»¹². Позже П. Б. Струве не единожды подчеркивал, что главной причиной извращения освободительных идей в 1905—1907 гг. было стремление «делать» революцию в тот момент, когда более всего требовалось политическое воспитание и самовоспитание¹³. В статье «Из размышлений о русской революции» П. Б. Струве говорил о «согласовании воли» как о главной цели общественного устройства¹⁴.

Важной идеологической задачей момента П. Б. Струве считал исключение из понятия компромисс «презренного» смысла: по П. Б. Струве, компромисс является нравственной основой любого общежития. Задачу воспитать в обществе уважение к компромиссу могли взять на себя только культура и религия — два начала, одухотворяющие политику. П. Б. Струве был убежден, что художники в состоянии ярко воплотить трагический смысл общественной розни и ненависти. В этом плане П. Б. Струве особенно восторгался стихотворением М. А. Волошина «Ангел мщения», опубликованным в декабрьском 1906 г. номере журнала «Перевал». «Художественное произведение есть то, которое заряжает людей, приводит их всех к одному настроению», — в этом высказывании Л. Н. Толстого¹⁵, касающегося, в сущности, главных критериев художественности, П. Б. Струве был дорог его обратный, политический смысл. Настоящий художник должен был, по мнению публициста, способствовать приведению общества к единому настроению, пронизанному «национальной стра-

стью»¹⁶, неприятием противокультурных, противоправных и противообщественных тенденций. В конечном счете, П. Б. Струве вел речь об общегуманной, нравственной основе художественного творчества.

Либерал-консерватор П. Б. Струве и его единомышленники были обеспокоены, что под влиянием радикальных доктрин родовые, общегуманные начала художественного творчества стали подвергаться ревизии со стороны самих художников. Н. А. Бердяев, один из соратников П. Б. Струве по «Полярной звезде», в декабре 1905 г. упрекал М. Горького во взгляде на человеческую личность как на средство и орудие в пропаганде социального бунта и хулиганства¹⁷.

Особое недоумение вызывала позиция литераторов-модернистов, сотрудников большевистской «Новой жизни». «Как мог допустить г. Минский... человек во всяком случае культурный и умный, чтобы в газете, подписанной его именем, совершалось надругательство над тем, что, казалось, было ему всю жизнь дороже всего?» — вопрошал Н. А. Бердяев¹⁸. Н. М. Минский, называвший себя социал-гуманистом (он принимал практическую программу социал-демократов за вычетом идеи классовой борьбы), был настроен более оптимистично. Он, напротив, считал, что идея русской революции направлена на преодоление личного и классового соперничества и утверждение новой культуры на фундаменте социал-гуманитарного единства¹⁹.

Свою уверенность Н. М. Минский объяснял присущим русским общественным группам «социальным альтруизмом», в частности, он отмечал полное отсутствие личного и классового расчета в деятельности политических партий. «Нигде в мире нельзя представить себе, чтобы землевладельцы требовали принудительного отчуждения земли у себя же — в пользу крестьян», — писал поэт о кадетах²⁰. По мнению Н. М. Минского, огромную роль в повороте общества к социал-гуманизму сыграл русский символизм, сливший «культ красоты с любовью к человеку и религиозной настроенностью»²¹. Однако, обличая классовую теорию, Н. М. Минский призывал интеллигенцию встать на сторону рабочих на том основании, что интересы последних «приближаются к общечеловеческим»²². Даже в 1906—1907 гг., после полного разрыва с большевиками, Н. М. Минский, совершенно оче-

видно, находился под впечатлением той самой доктрины, непримиримым врагом которой себя объявлял.

Фигура Н. М. Минского подтверждала опасения П. Б. Струве и Н. А. Бердяева, однако она не была характерной для русской художественной интеллигенции. Судьба Н. М. Минского в 1905—1907 гг. показательна: никто из политиков не принимал всерьез идеологических построений поэта, аналогичным было отношение художников. Пострадала даже писательская репутация Н. М. Минского, бывшего неплохим поэтом, но слишком громогласно вторгавшегося в чуждую искусству сферу политического теоретизирования.

П. Б. Струве, напечатавший в «Русской мысли» статью Н. М. Минского «Рабочая партия и рабочий класс», в которой ответственность за дискредитацию социал-демократической идеи возлагалась на социал-демократическую партию, выразил полное несогласие с автором. Неожиданно сходились П. Б. Струве и Н. М. Минский в оценке толстовского учения, признавая его цельным и осуществимым.

По терминологии З. Н. Гиппиус, П. Б. Струве принадлежал к категории ищущих пути — пути эволюционного, реально приемлемого для большинства общества и в то же время освященного великой нравственной и культурной целью. В 1907 г. такой целью стала для П. Б. Струве «Великая Россия»²³. В конце 1907 г. платформа национал-либерализма объединила таких разноплановых деятелей, как П. А. Столыпин и А. И. Гучков, А. С. Суворин и П. Б. Струве — для последних характерна постановка на первый план вопросов культурного процветания державы. Этой обеспокоенностью было продиктовано участие П. Б. Струве в деятельности национал-либерального Общества славянской культуры, а также основанного в 1907 г. Н. А. Бердяевым Религиозно-философского общества, объединившего ярких представителей российской творческой элиты: А. Н. Бенуа, С. Н. Булгакова, И. М. Гревса, Н. А. Котляревского, Н. О. Лосского, А. Д. Оболенского, М. М. Пришвина, А. С. Пругавина, А. Е. Преснякова, М. И. Туган-Барановского, В. Г. Черткова и др.²⁴

В 1905—1906 гг. в «Полярной звезде» закладывались основы «веховской» идеологии. Отстаивая приоритет культурных, национальных, демократических ценностей, журнал брал на себя

важную миссию поиска путей к общественному согласию, призывал враждующие политические партии к «искренним культурным стремлениям», выходящим за пределы политики.

13-й номер «Полярной звезды» оказался для журнала воистину несчастливый: за напечатание статей Г. Н. Штильмана «Самодержавие» и «Божья милость» еженедельник был приостановлен. Вышедший ему на смену журнал «Свобода и культура» просуществовал только два месяца. П. Б. Струве дважды, 12 июля и 5 ноября 1906 г., выступал ответчиком на «литературных» процессах по делам «Полярной звезды».

Несмотря, а точнее сказать, вопреки участию в журнале видных кадетов, в 1905—1906 гг. еженедельник занимал открыто внепартийную позицию, являясь органом воинствующих защитников культуры и свободы личности, в чем сказалась немалая заслуга самого П. Б. Струве.

К наиболее радикальным материалам «Полярной звезды» следует отнести знаменитую статью Д. С. Мережковского «Грядущий хам», опубликованную 30 декабря 1905 г.

Поэт, один из апостолов «нового религиозного сознания», Д. С. Мережковский не был явным сторонником какой-либо политической доктрины и государственного строя. «Социализм, капитализм, республика, монархия — только разные положения больного, который ворочается на постели, не находя покоя», — заявлял писатель²⁵. Гораздо менее лояльно, нежели П. Б. Струве, относившийся к самодержавию и официальной церкви, Д. С. Мережковский выступил со статьей, по недоразумению долгие годы рассматривавшейся как апофеоз антипролетарских, антидемократических устремлений реакционного крыла литературы.

Д. С. Мережковскому удалось удивительно точно обрисовать культурный облик и вождедения главных противоборствующих в революции сторон. Писатель назвал три лица «хама»: лицо самодержавия, лицо официального православия и самое страшное — лицо «хулиганства, босячества, черной сотни»²⁶. В 1906 г. определение «черная сотня» имело вполне конкретный адресат: круги наиболее ревностных сторонников самодержавной монархии. То, что под «грядущим хамом» Д. С. Мережковский разумел не пролетария, а именно «черносотенца», доказывается целым рядом работ писателя. В статье «Страшный суд над рус-

ской интеллигенцией» (1906) он писал: «...мысль вернуть Россию к старине допетровской, оторвав от участия в западноевропейской культуре, есть нечто гораздо более разрушительное для существующего порядка, нежели самые крайние мысли наших революционеров»²⁷. Другое дело, что Д. С. Мережковский считал социал-демократию, так же как и самодержавие, повинной в том, что «хам» явил свой лик. Безрелигиозной социал-демократии отказывалось в способности противостоять «грядущему хаму». Самое радикальное творение Д. С. Мережковского было объявлено средоточием реакционности, но симптоматично, что с момента появления статьи ее формулировки принимались и левыми, и правыми кругами на свой счет. Грань между горьковским полупролетарием и активистом союза русского народа была чрезвычайно зыбкой.

Как и Л. Н. Толстой, Д. С. Мережковский скептически относился к «внешним» формам общественного устройства, однако определенно питал интерес к политической партийности, не отказывал революции в созидательных возможностях, при условии «примирения с Богом»²⁸. Здесь Д. С. Мережковский был оптимистом. В статье «Революция и религия» он вспоминал свой разговор с поэтом-символистом А. М. Добролюбовым, ставшим странником, и беглым севастопольским матросом А. Б., утверждавшим, что участники бунта считали декадентов своими духовными братьями и зачитывались журналами «Мир искусства», «Весы», «Новый путь». «Александр Добролюбов и А. Б. — две противоположные и сходящиеся крайности, два полюса единой силы, — писал Д. С. Мережковский, — в одном движении сверху вниз, от высшей культуры в стихию народную; в другом — снизу вверх, от стихии в культуру»²⁹. Увлеченный, как и А. А. Блок, поиском согласительной черты между интеллигенцией и народом, Д. С. Мережковский с чисто художническим максимализмом выдавал нетрадиционное, исключительное явление за знак глобального духовного переворота в обществе.

В 1905—1907 гг. важным шагом на пути общественных преобразований Д. С. Мережковский считал лишение самодержавия его религиозной санкции. С этой целью, по инициативе Д. С. Мережковского, З. Н. Гиппиус и Д. В. Filosofova, 17 октября 1906 г. в Петербурге предполагалось собрать митинг с

участием духовенства. На митинге планировалось провозгласить «Воззвание к церкви», содержащее признание самодержавного правительства отступившим от «духа христианства», и призывы к деятелям церкви избавить общество от духовных обязательств перед царем³⁰. Митинг не состоялся: попытка предать и царя, и Синод своего рода религиозной анафеме не имела большого числа сторонников. К тому же это было связано с «техническими» трудностями: с весны 1906 г. Мережковские жили за границей.

«Полярной звезде» был чужд проповеднический тон статей Д. С. Мережковского, но, в конечном счете, его общественные воззрения также основывались на признании первоочередности воспитательных задач, на утверждении безусловного приоритета личности, индивидуальности.

З. Н. Гиппиус признавала, что социал-демократическая доктрина была особенно чужда им стремлением подчинить всего человека экономическим законам, и, напротив, одним из факторов, определивших увлечение Мережковских эсерами, называлось признание последними роли личности в истории³¹.

П. Б. Струве, так же как и Д. В. Filosofova, можно считать человеком, приведшим Мережковских в политику — литературное сотрудничество П. Б. Струве и Д. С. Мережковского в «Полярной звезде» и «Русской мысли», несмотря на несовпадение партийных симпатий, в полной мере согласовалось со стремлением лидера правых кадетов предоставлять место «всякому искреннему и оригинальному слову в защиту свободы и культуры»³². Что касается Д. С. Мережковского, то, на наш взгляд, идея политического центризма не могла пробудить его глубоких симпатий как слишком «пресная». Как конституционные демократы на определенном этапе уверовали в свое политическое «избранничество», так Д. С. Мережковский уверовал в свое предназначение религиозного реформатора. Серьезный мыслитель и писатель, Д. С. Мережковский отталкивал людей его круга назойливостью идеологического конструктивизма и своего рода интеллектуальным «фальцетом»³³. Поэт обладал всеми задатками доктринера и «партийного» человека, и его временное сближение с кадетами выглядит вполне закономерным.

Таким образом, позиция правых кадетов имела шанс стать платформой для объединения здоровых национал-либеральных

сил. Глубокий эстетический вкус П. Б. Струве, его идеологическая терпимость, тактичный подход к вопросам искусства, сближали позицию публициста в отношении художественной интеллигенции с позицией мирнообновленцев и Е. Н. Трубецкого, считавшего, что художник лучше всего исполняет свою «общественную» миссию, находясь на своем месте, занимаясь художественным творчеством.

Увы, П. Б. Струве был склонен, особенно в первые месяцы существования кадетской партии, идеализировать ее культурный потенциал и реальные возможности. Кадеты так и не стали национальной партией, как о том мечтал публицист. Даже симпатизировавший кадетам Н. А. Бердяев находил, что людям, «жаждущим религиозной общности, органического воссоединения, преодоления отвлеченной политики»³⁴, нет места в этой партии. Того же мнения придерживался С. Н. Булгаков, отказывавший кадетам в способности стать всенародной партией. «Линия Милюкова» в кадетизме оказалась представленной более энергичными и практичными людьми и, в конечном счете, возобладали она, с присущим ей культом партии, отсутствием должной самокритики, революционным кокетством, несерьезно-снисходительным отношением к политическому дилетантизму и «самодеятельности», в том числе и к политическим сентенциям художественной интеллигенции.

Примечания

¹ Бердяев Н. А. К психологии революции // Русская мысль. 1908. № 7. С. 126.

² Вестник партии народной свободы. 1906. № 36. С. 1871.

³ Там же. С. 1863.

⁴ Первый номер вышел 15 декабря 1905 г. С 1 апреля 1906 г. журнал выходил под названием «Свобода и культура».

⁵ Луначарский А. В. Заметки философа // Образование. 1906. № 3. С. 89.

⁶ Струве П. Б. Заметки публициста // Полярная звезда. 1906. № 4. С. 285.

⁷ Струве П. Б. Консерватизм интеллигентской мысли // Русская мысль. 1907. № 7. С. 176.

⁸ Покровский И. А. Во имя культуры // Полярная звезда. 1906. № 5. С. 328—329.

- ⁹ *Струве П. Б., Франк С. Л.* Очерки философии культуры // Там же. 1905. № 2. С. 116.
- ¹⁰ *Франк С. Л.* Молодая демократия // Свобода и культура. 1906. № 2. С. 81.
- ¹¹ *Галич Л. Е.* Порода и культура // Речь. 1907. 6 июня.
- ¹² *Струве П. Б.* Из размышлений о русской революции // Русская мысль. 1907. № 1. С. 128.
- ¹³ *Струве П. Б.* Интеллигенция и революция // Вехи : сборник статей о русской интеллигенции. М., 1909. С. 163.
- ¹⁴ *Струве П. Б.* Из размышлений о русской революции. С. 128.
- ¹⁵ *Толстой Л. Н.* Что такое искусство? М., 1985. С. 520.
- ¹⁶ *Струве П. Б.* Исторический смысл русской революции и национальные задачи // Из глубины : сборник статей о русской революции. М. ; Пг., 1918. С. 476.
- ¹⁷ *Бердяев Н. А.* Революция и культура // Полярная звезда. 1905. № 2. С. 148—151.
- ¹⁸ Там же. С. 152.
- ¹⁹ *Минский Н. М.* Идея русской революции // Перевал. 1907. № 3. С. 24.
- ²⁰ Там же. С. 13.
- ²¹ Там же. С. 19.
- ²² Там же.
- ²³ *Струве П. Б.* Великая Россия // Русская мысль. 1908. № 2. С. 146—157.
- ²⁴ См.: *Савельев С. Н.* Д. С. Мережковский и З. Н. Гиппиус // Мережковский Д. С. Большая Россия. Л., 1991. С. 258.
- ²⁵ *Мережковский Д. С.* В обезьяньих лапах // Русская мысль. 1908. № 1. С. 96.
- ²⁶ *Мережковский Д. С.* Грядущий хам // Мережковский Д. С. Большая Россия. С. 43.
- ²⁷ *Мережковский Д. С.* Страшный суд над русской интеллигенцией // Там же. С. 78.
- ²⁸ *Мережковский Д. С.* В обезьяньих лапах. С. 98.
- ²⁹ *Мережковский Д. С.* Революция и религия // Русская мысль. 1907. № 3. С. 29.
- ³⁰ См.: *Савельев С. Н.* Указ. соч. С. 253—254.
- ³¹ *Мережковский Д. С.* 14 декабря : роман ; *Гиппиус З. Н.* Дмитрий Мережковский : воспоминания. М., 1991. С. 410.
- ³² Полярная звезда. 1905. № 1.
- ³³ *Степун Ф. А.* Портреты. СПб., 1999. С. 138.
- ³⁴ *Бердяев Н. А.* О путях политики // Свобода и культура. 1906. № 2. С. 120—121.

С. А. Величко

**ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ, ПЕРЕСТРОЙКА
И ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ТРАНЗИТ В РОССИИ
(1985—1991 гг.)**

С точки зрения большинства ученых, изучающих политические процессы второй половины XX в., в этот период во всем мире начинается третья волна демократизации¹. Волна демократизации — это группа переходов от недемократических режимов к демократическим, происходящих в определенный период времени, количество которых значительно превышает количество переходов в противоположном направлении в данный период². Первая и вторая волны демократизации имели место соответственно после Великой французской революции и войны английских колоний за независимость, и после Второй мировой войны (деколонизация стран третьего мира и демократизация бывших фашистских или милитаристских государств).

Процессы демократизации во время третьей волны особенно усилились в последнюю четверть XX в., когда более 30 стран начали движение от авторитаризма к демократии. В конце 80-х гг. модернизация началась в СССР и странах Восточной Европы. Отличительной чертой этого перехода стало распространение основной процедуры демократии — соревновательных выборов с заранее неизвестным результатом.

В начале 80-х гг. наша страна продолжала оставаться тоталитарной (от лат. *totalitas* — всеобщий, полный), т. е. страной с таким государственным строем, который осуществлял абсолютный контроль над всеми областями общественной жизни. Для тоталитарного режима было характерно: существование единственной партии (КПСС), возглавляемой узкой группой людей,

---

© Величко С. А., 2012

Величко Светлана Анатольевна — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и международного права Омского юридического института. velichko01@mail.ru

чрезвычайно развитая идеология, мобилизующая массы на построение коммунистического общества, власть и контроль государства над средствами массовой информации и всеми общественно-политическими организациями.

Однако в последней четверти XX в. годами отлаженный государственный механизм столкнулся с системным кризисом. Советская система не могла далее прогрессивно развиваться. В 30—40-е гг. она уже исчерпала присущий ей потенциал саморазвития, а кризисные явления в экономике, политике, социальной сфере начиная с 50-х гг. постоянно нарастали. Назрела необходимость коренных изменений во всех сферах жизни советского общества.

Как отмечают некоторые исследователи³, расшатывание советской социально-политической системы началось еще со смерти Сталина. Хотя часть историков считает, что кризис начался в годы застоя — во времена правления Л. И. Брежнева. Хотелось бы с этим не согласиться — после смерти И. В. Сталина практически ни одна реформа, проводимая Н. С. Хрущевым и его последователями, до конца успешной не была. Потерпели провал попытки перевода ряда предприятий на хозрасчет в 60-х гг. Централизованная плановая экономика не обеспечивала удовлетворения возросших потребностей советского человека. Система перестала адекватно реагировать на практические запросы жизни. Политическая жизнь становилась все более формальной.

В верхах партийного руководства страны уже к 1985 г. была осознана необходимость перемен. Причем причинами преобразований стали не только социально-экономические трудности, хотя именно они сыграли главную роль в зарождении идей перестройки, но и целый спектр следующих предпосылок:

1. Годовой среднедушевой доход в СССР уже в 70-е гг. составлял свыше 2000 \$ США. С точки зрения теории модернизации и транзитологии страны именно с такими доходами попадают в зону демократического транзита, то есть в них созревают предпосылки для демократических преобразований⁴;

2. Рост образовательного уровня населения, появление относительно многочисленного слоя интеллектуалов, осознающих свое бесправное политическое положение;

3. Ускоренные темпы урбанизации — уже в 1958 г. более 50 % населения СССР проживало в городе (в Сибири в 1959 г. городское население превысило сельское, в 1979 г. в Западной Сибири удельный вес городского населения составил 67,7 %, в 1989 г. — 72,8 %)⁵;

4. Появление латентного среднего класса: все большую роль в обществе стали играть специалисты с высшим образованием, государственные служащие, учителя, врачи, торговые и канцелярские работники;

5. Международные коммуникационные связи и туризм, несмотря на политику железного занавеса, развивались, особенно в 70—80-е гг., что способствовало распространению в СССР демократических идей, превалирующих во всем мире, и давало возможность сопоставить уровень жизни в СССР и развитых западных странах.

Именно по этим причинам в СССР начинаются такие преобразования, когда правящая элита берет на себя инициативу в проведении реформ. На апрельском 1985 г. Пленуме ЦК КПСС по инициативе М. С. Горбачева был взят курс на перестройку.

Политика перестройки вызвала небывалый всплеск активности гражданской общественности в нашей стране. В первую очередь начавшиеся преобразования оказали влияние на интеллигенцию. Именно представители интеллигенции восприняли перестройку как небывалую возможность высказывать свое мнение, не опасаясь последствий. Те разговоры, которые в советское время велись на кухнях, вылились на площади и улицы городов. В поддержку перестройки стали проводиться многочисленные митинги, в организации которых интеллигенция играла ведущую роль. Все чаще стали обсуждаться «белые пятна» истории — репрессии, культ личности Сталина. Причиной обсуждения этих тем было желание интеллигенции разобраться: в чем причины торможения в развитии советского общества, с чем связано вступление СССР в период застоя? Во многих городах и поселках создавались Союзы содействия перестройке, общества поддержки перестройки, дискуссионные и политические клубы, в которых руководящая роль принадлежала интеллигенции. Создавались они стихийно, под влиянием перестроечных идей. В обществе преобладало желание поддержать начавшиеся преобразова-

ния, влиться в единый фронт поддержки перестройки. В некоторых регионах создавались Народные фронты. Не везде они были эффективны, т. к. не хватало объединяющих идей. Наиболее успешными стали Народные фронты в национальных районах, например в Прибалтике, где объединяющей идеей стала национальная.

Постепенно из объекта перестроечных преобразований интеллигенция становится активным субъектом политики перестройки. Этот феномен активно проявился на первых свободных советских выборах в марте 1989 г., когда независимые кандидаты-интеллигенты становились соперниками в предвыборной борьбе кандидатам от КПСС и советско-хозяйственных органов. Именно интеллигенция в ходе предвыборной борьбы возродила ленинский лозунг «Вся власть Советам!», вложив в него новое содержание. Этот лозунг в перестроечное время понимался как призыв к изъятию власти у КПСС и передаче всей полноты власти Советам. Многие представители интеллигенции победили в предвыборной борьбе своих соперников — представителей партийного и советско-хозяйственного аппаратов и стали народными депутатами СССР. Причины победы интеллигенции на выборах 1989 г. исследователями оцениваются по-разному. Хотелось бы согласиться с мнением политолога Б. И. Зеленко, что такие сферы деятельности, как наука, искусство, космонавтика и т. п., были в СССР романтизированы в общественном мнении⁶. При отмене обязательных разрядок на выборах (в отношении рабочих, крестьян, женщин и молодежи), граждане предпочли представителей интеллигенции, творчество которой было связано именно с этими романтизированными областями.

Воодушевленная успехами своих представителей на выборах, интеллигенция в 1989 г. начала выдвигать более радикальные лозунги, которые по своему содержанию выходили за рамки перестроечной программы М. С. Горбачева. Эти лозунги: введение многопартийности, разрешение всех видов собственности, включая частную, возможность введения частной собственности на землю. Самым популярным становится, конечно, видоизмененный лозунг «Вся власть Советам!», который в исторических условиях 1989 г. трансформируется в призыв: «Долой монополию КПСС на власть!» или же в еще более конкретное воззвание:

«Требуем отмены 6-й статьи Конституции СССР!». В условиях митинговой демократии благодаря особенностям психологии толпы все эти призывы, выдвинутые первоначально интеллигенцией и повторенные многократно, становятся уже собственными лозунгами народных масс. Шахтеры Донбасса, Кузбасса и Воркуты, Народные фронты Прибалтики, неформальные движения всей страны все активнее стали требовать отказа КПСС от монопольной власти.

Отмена 6-й статьи Конституции СССР, которая закрепляла руководящую и направляющую роль КПСС, не входила в планы М. С. Горбачева. Но под напором народного движения, возглавляемого интеллигенцией, он и высшее партийное руководство страны были вынуждены пойти на уступки. В марте 1990 г. 6-я статья Конституции СССР была отменена, провозглашена многопартийность. Сам М. С. Горбачев и весь ЦК КПСС все более теряли контроль над процессами, происходившими в стране.

Интеллигенция же, наоборот, стала ведущей силой перестроечных процессов и продолжила еще больше раскачивать лодку, требуя уже отставки М. С. Горбачева и Верховного Совета СССР. Поддерживая Б. Н. Ельцина, представители интеллигенции видели в нем народного героя, борца за народное счастье, за демократию, безусловно, романтизируя эту историческую фигуру, делая его привлекательным для народных масс. Психология толпы мифологична, ей нужен кумир, которым и стал Б. Н. Ельцин, не благодаря своим заслугам, а вопреки всему — стал популярным, потому что пострадал от власти (импрессионный тип лидерства), т. к. М. С. Горбачев предпринимал в 1988 г. попытку отстранить его от власти.

В команде Б. Н. Ельцина оказалось много представителей интеллигенции. В Межрегиональную депутатскую группу, сформированную на I Съезде народных депутатов СССР, вошли такие ученые, писатели, педагоги, врачи, юристы, как А. Д. Сахаров, Ю. Н. Афанасьев, Ж. И. Алферов, Г. Х. Попов, А. А. Собчак, А. М. Адамович, С. Н. Федоров, Г. Э. Бурбулис, Ш. А. Амонашвили, А. И. Казанник — и это еще далеко не полный список известных людей, поддержавших Б. Н. Ельцина. Его фигура была необычайно популярна. В своей борьбе с М. С. Горбачевым Б. Н. Ельцин опирался на интеллигенцию, максимально используя ее поддержку в

своих интересах. Это обеспечило ему победу на выборах 1990 г. и избрание народным депутатом РСФСР, а затем и победу на президентских выборах 1991 г. Интеллигенция поддерживала и пропагандировала в широких народных массах указ Б. Н. Ельцина от 14 июля 1991 г. «О прекращении деятельности организационных структур политических партий и массовых общественных движений в государственных органах, учреждениях и организациях РСФСР», направленный против КПСС. И, конечно, интеллигенция оказала бесценную поддержку Б. Н. Ельцину в августовских событиях 1991 г., во время прихода к власти ГКЧП. Б. Н. Ельцин в основном также опирался на своих верных сторонников, назначая представителей Президента в регионах после поражения ГКЧП. По данным ноября 1991 г., 70 % из них — интеллигенты, многие — народные депутаты СССР или РСФСР, прославившиеся своими яркими выступлениями против коммунистического режима. Трансляция съездов народных депутатов СССР и РСФСР по телевидению еще больше способствовала популярности депутатов из интеллигенции и назначению их представителями Президента⁷.

Поддерживающая Б. Н. Ельцина интеллигенция не предполагала, какими будут последствия всех ее действий. Отстранив от власти М. С. Горбачева и КПСС, интеллигенция по существу расчистила дорогу для новой российской буржуазии — «новых русских». Для многих представителей интеллигенции не оказалось места во вновь созданных структурах власти. Период перестройки — это время своеобразных романтических иллюзий, когда интеллигенция надеялась, что еще чуть-чуть и без каких-либо существенных потерь и экономических кризисов мы будем жить в демократическом обществе с развитой политической культурой. Не все так гладко и быстро оказалось в процессе демократического транзита, который переживала наша страна в годы перестройки. Не во всех странах демократический транзит успешен до конца, в некоторых случаях возможно возвращение к авторитаризму. Например, из 27 стран постсоветского пространства и Восточной Европы, в которых демократический транзит начался в конце 80-х гг., лишь в 16 выборы в законодательные органы власти в 90-е гг. прошли несколько раз⁸. В 11 странах возможно возвращение к авторитарному режиму, т. к. утрачивается главное составляющее демократического транзита — выборы с заранее неизвестным результатом.

Во всех без исключения странах, переживших демократический транзит в последней четверти XX века, непосредственно после перехода к демократии наступал период некоторого разочарования в ней, усталости от политики, от политических реформ. Затем должен идти закономерный этап либо консолидации демократии, либо возврата к авторитаризму. Иного не дано.

По оценкам большинства экспертов, Россия все-таки далеко продвинулась по пути утверждения демократии. У нас действуют (с разной степенью эффективности, конечно) и стали привычными следующие демократические институты: разделение властей, парламент, выборы с заранее неизвестным результатом, свобода слова, печати, собраний и организаций. В России сформировалась плюралистическая многопартийная система, правда, весьма отличная от той, которая действует в странах с развитой демократией. Следует отметить, что демократические институты в России пока слабы, не очень прочно прижились и нуждаются в совершенствовании. Демократические трансформации в России продолжаются, в общество внедряются демократические принципы и нормы политического поведения граждан, «создавая условия стабильности и необратимости демократических перемен»⁹.

Интеллигенция, пережившая период разочарования в результатах перестройки, экономически тяжелые 90-е гг., опять становится политически активной. Об этом говорят многочисленные митинги разной политической направленности осени и зимы 2011—2012 гг., на которых главными ораторами и «трибунами» были интеллигенты, призывавшие к дальнейшему развитию демократических начал — к настоящим выборам с непредсказуемым результатом.

Интеллигенция, сомневающаяся, мятущаяся, но всегда думающая и переживающая за судьбу своей Родины, была и будет ведущей силой демократического транзита в России. Процессы консолидации демократии в стране еще не завершены, и, по видимому, России предстоит еще долгий путь к демократии. В целом вывод оптимистичен: демократические процессы продолжаются, при ведущей роли интеллигенции в общество постепенно внедряются основные демократические нормы и принципы. Многие из них уже закреплены юридически. Все это придает уверенность в необратимости демократических перемен в России.

Примечания

- ¹ Хантингтон С. Третья волна : демократизация в конце XX века. М., 2003. С. 13.
- ² Там же. С. 26.
- ³ Косолапов Н. А. Что это было? : (Размышления о перестройке в свете ее когнитивных итогов) // *Общественные науки и современность*. 2005. № 1. С. 12 ; *Сорос Дж.* Советская система: к открытому обществу. М., 1991. С. 118 ; *Смирнов В. С.* Экономические причины краха социализма в СССР // *Отечественная история*. 2002. № 6. С. 105 ; *Соловьев Б. С., Соловьев С. Б.* О причинах поражения социализма в СССР. URL: http://www.met_sol.htm ; *Кара-Мурза С. Г.* Советская цивилизация. Т. 2. URL: http://www/kara_murza/situation_gusnarod.ru
- ⁴ *Карл Т. Л., Шмиттер Ф.* Демократизация: концепты, постулаты, гипотезы : (Размышления по поводу применимости транзитологической парадигмы при изучении посткоммунистических трансформаций) // *Полис*. 2004. № 4. С. 6—27 ; *Хантингтон С.* Указ. соч. С. 72—75.
- ⁵ Подсчитано по: *Население Западной Сибири в XX веке*. Новосибирск, 1997. С. 35.
- ⁶ *Зеленко Б. И.* Демократический транзит в России : социально-политические аспекты. М., 2007. С. 191.
- ⁷ Там же. С. 150.
- ⁸ *Dawisha K.* Electorates and the hobbesian fishbowl of postcommunist politics // *East European politics and societies*. Berkley : Univ. of Calif. Press, 1999. Vol. 13 (2). P. 20—45.
- ⁹ *Зеленко Б. И.* Указ. соч. С. 262, 268.

ДИСКУССИЯ

В данном номере публикуется статья А. А. Краузе, в которой сделана попытка выявить различные модели субъектности в постиндустриальном обществе. Позиция, высказанная автором в статье, представляется редколлегии интересной, но спорной, поэтому было принято решение опубликовать авторский текст без изменений и пригласить читателей к дальнейшему обсуждению данной работы на страницах нашего журнала.

ББК 63.3.(2)64-283.2:60.033.141

А. А. Краузе

РАЗЛИЧНЫЕ МОДЕЛИ СУБЪЕКТНОСТИ В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ

Рассмотрение субъектности очень часто идентифицируется с понятием интеллигенция. Данный аспект не утратил актуальности и применительно к постиндустриальному обществу. В научных исследованиях последних лет справедливо указывается на общность понятий «интеллигенция» и «интеллектуалы»¹. Между тем, в их трактовке были и остаются существенные различия, которые можно рассмотреть в русле философской концепции субъектности.

В философском понимании субъектность выражает социальное качество личности, общности, которые рассматриваются в

© Краузе А. А., 2012

Краузе Александра Анатольевна — кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой философии Пермского государственного педагогического университета. krauze@pspu.ru

конкретно-исторических условиях. Субъектность выступает как субъективный фактор по отношению к этим условиям и характеризуется тем, в какой степени она может формировать и формирует представления о своих коренных экономических и иных интересах, своем месте в социальной структуре и политической организации общества, а также путях и методах преобразования действительности. Специфика субъективного фактора во многом определяется тем, в каком формате методологических предпосылок структурируется модель социальной общности, а значит, и субъекта. Конкретно-исторические условия показывают нам, что универсальной структурированности социума пока не получается даже при использовании общеметодологической базы построения социальной реальности.

Исторически сложилось так, что субъектность западного общества в основном формировалась на ценностях техногенной цивилизации. Среди главных ценностей техногенной культуры, повлиявших на специфику субъективного фактора, можно выделить преобразовательную деятельность, понимание природы как сферы, в которой человек себя реализует, автономию личности и ее суверенную творческую индивидуальность, ценность власти, силу и господство над природой и, наконец, ценность научной рациональности, научно-технический взгляд на мир. Знание этой общей идеологии культуры западного общества помогает проанализировать глубинные корни различных по направленности социальных процессов, в том числе процесс вызревания субъективного фактора.

Социальная структура современного западного общества такова, что по численности и по влиянию средний класс продолжает играть существенную роль. В последнее время, как показывают многочисленные исследования, с ним происходят глобальные трансформации. Значительная часть среднего класса переориентируется на неэкономические виды деятельности. Прежде всего, это связано со снижением темпов экономического роста, потерей интереса к промышленной и сельскохозяйственной деятельности. «Постиндустриальная волна», по определению Э. Тоффлера, неизбежно ведет к окончанию эпохи великого перехода и началу перманентных изменений в условиях жизни человека. Важнейшим таким условием становится социальный фак-

тор, в основе которого лежат интеграционные задачи. Они вызваны объективными причинами, в частности повышением производительности труда, что, по замечанию социолога Г. Канна, приводит к сокращению числа промышленных рабочих и переходу их в сферу нематериального производства².

Новая ситуация требует от индивида необходимого образовательного уровня, которого рабочий не всегда может достичь. Отсюда, как предполагает американский социолог П. Бергер, «отличительной чертой современного западного общества является длительный конфликт между двумя классами: старым средним классом (занятым производством и распределением товаров и материальных услуг) и новым средним классом (занятым производством и распределением символических знаний)»³. П. Бергер полагает, что класс людей знания — «это достаточно крупная группа, не ограниченная только теми, кого обычно называют “интеллектуалами”. Они, являясь основными производителями символических знаний, составляют своего рода верхний слой этого класса... но вместе с ними к данному классу принадлежит и значительно более обширный контингент простых практикующих врачей, патронажных сестер, воспитателей»⁴.

Таким образом, как и в старом классе, в новом среднем классе имеются верхние и нижние слои, в отношениях между которыми наблюдается напряженность. Но у них есть общие классовые интересы и общая классовая культура. Они не приемлют привилегий и заинтересованы в усилении роли государства, так как существование значительной части «класса людей знания» зависит от дотаций или жалованья, выплачиваемых правительством. Эта разноликая по социальному положению масса людей превращается в субъектную силу, ориентированную на «государство всеобщего благосостояния», и предъявляет претензии не к производственной структуре, а к распределительному механизму.

В связи с этим в западной социологии с подачи Э. Левинаса появился новый феномен — «субъективность субъекта»⁵. В смысловое содержание этого феномена вложена безграничная ответственность за других. Человек встраивает в себя субъект как необходимость. При этом повышаются требования к субъекту как со стороны общества, так и со стороны самого человека по отношению к себе. В то же время положение современного субъекта тако-

во, что ему приходится маневрировать в различных ситуациях, которые сменяют одна другую довольно быстро. Порой от него требуется участие сразу в несколько проектах, в которых необходимо выполнять широкую палитру профессиональных и иных функций. Это, в свою очередь, обедняет качественную составляющую участия субъекта, что, по замечанию Э. Тоффлера, сознательно или неосознанно приводит, в конечном счете, к построению отношений с другими людьми по функциональному принципу.

Субъектом сегодняшнего дня становится «модульный человек»⁶. Он не претендует на целостность, он ограничен функцией, которая и определяет степень его вовлеченности в ту или иную ситуацию. Мир другого человека воспроизводится уже не как мир целостной личности, а как набор конфигураций модулей, из числа которых мы востребуем только необходимый для себя. В российском общественном сознании, особенно среди интеллигенции, данная трансформация западного общества вызывает отчуждение.

И все же формат «модульной» субъектности имеет некоторые преимущества. Среда существования современного индивида представляет собой систему уже проинтерпретированных значений и прописных истин. Сама возможность нашей жизни обеспечивается воспроизводством сложившихся структур, форм, институтов, где всякое настоящее в действительности оказывается лишь копией прошлого. «Модульному» человеку проще приспособиться к предлагаемым обстоятельствам, в случае необходимости он мобилен в переключении на новые функции. В отличие от лично ориентированного человека, перед ним не встает проблема индивидуализированного существования, ведь последнее проецируется через творчество, а в нем все труднее конкурировать с артефактами прошлого, не повторяясь. Индивидуализация же «модульного человека» — это способность решать задачи в диапазоне, невероятном по своему разнообразию. От человека в формате классической субъектности он отличается даже большей ответственностью за общее дело, конкретную ситуацию, принятые обязательства в корпоративных рамках, которые он реализует субъективно и в меру возможностей индивидуализированно.

Поскольку современные проекты в основном имеют социальную направленность, для модульного человека идентификация собственной индивидуальности связана не с материальным

производством, а реализуется лишь в отношениях с другими людьми. Личный опыт, который приобретен через решение широкого спектра общественных задач, и самоосуществление — вот что дает самоудовлетворение современному субъекту. Это, в свою очередь, требует социального выравнивания субъектов, общих правил и одинакового статусного положения для всех. Мобильность субъекта обеспечивает и мобильность всего общества.

В России вопрос о роли субъекта, его вовлеченности в социальную стратегию общества, ответственности перед обществом — то, что на Западе называется интерсубъективностью, — отведен от проблемы социальной стратификации и классового подхода и помещен в особый сегмент российской культуры под названием «интеллигенция». Традиционный подход рассматривает интеллигенцию как универсум российской жизни. Социальная функция интеллигенции в России сводилась в основном к духовно-этической сфере жизни общества, что дало отличие от западной, личностной составляющей направленности данного типа субъекта. Следовательно, современные трансформации в сторону «монокласса» для нее менее болезненны и воспринимаются как необходимая социально-политическая практика, целью которой является общество с развитыми гражданскими институтами.

В то же время, как духовная, так и политическая составляющие русской интеллигенции оказались (как показывает история, не в первый раз) невостребованными государственными институтами и приобрели, в конечном счете, маргинальный характер. Классическое определение маргиналов — «слабо связанный по отношению к государственным инстинктам конгломерат индивидов, преследующих чисто личные, корыстные цели и легко подражающих влиянию различных, в том числе реакционных политических сил»⁷ — не вполне подходит для интеллигенции России как нестандартного маргинального слоя. Однако образованные слои российского общества в ходе реформ последних двадцати лет не обрели черт современной субъектности, оставаясь приверженцами архаичной отчужденности и оппозиционности по отношению к государственным институтам и государственной стратегии.

Кризис субъектной идентичности рождает большие социальные противоречия, поскольку субъектная активность приобретает форму неорганизованной стихийности. В сложившихся

условиях формируется адаптационная направленность индивида, общности, что присуще личностям с низким уровнем осознания и участия в стратегических проектах общества посредством государства. В конечном счете это притупляет способность человека ориентироваться в изменяющихся условиях.

Сложность ситуации заключается и в том, что несовершенство в России базовых структурных элементов (в частности, невостребованность наукоемких технологий и богатейшей сырьевой базы), а главное, утрата возможности для индивида реализовывать свои сущностные силы, ставят серьезный барьер на пути страны к пику очередного социального роста. Россия теряет шанс обеспечить себе представительство на уровне планетарной, общечеловеческой субъектности. Новые социальные задачи требуют субъекта действия, ориентированного на общность. В современной западной науке как раз это и называется интерсубъективностью. Общность предполагает сопричастность индивидов по устойчивым социальным признакам. В доперестроечные времена советское общество в определенном смысле выражало себя как общностная субъектная сила. Современная расстановка социальных сил демонстрирует нам обратную картину.

Коллективная субъектность утратила свои осязаемые возможности из-за социальной атомарности общества. Наоборот, возросли возможности индивидуалистской социальной активности, ориентированной на «корыстные» цели. В современных российских условиях это и составляет основу политической и экономической маргинальности. На этом пути вряд ли можно надеяться на вызревание социальной субъектной силы, осознающей свою социальную стратегию и включенность во все сегменты жизни общества. На появление в российской истории социально зрелого субъекта действия можно рассчитывать лишь в здоровом взаимодействии коллективного и индивидуального. Только через общностное «мы» и признание общности интересов, через интерсубъективность возможны устранения социальных противоречий и установление социальных идеалов.

Среди значительной части российской интеллигенции степень осознания исторических реалий достаточно высока. Однако следует учитывать два обстоятельства: во-первых, идентификация социальной действительности протекает в основном на уровне ин-

дивидуалистской модели, во-вторых, социально-экономическое и политическое положение интеллигенции объективно не способствует тому, чтобы личные переживания субъекта трансформировались в современную интерсубъективную форму.

В этом процессе огромную нагрузку несет ментальная составляющая. Известно, что в формировании российской ментальности особо важными были две тенденции: духовный фактор и коллективистская ориентация при выборе способа удовлетворения материальных потребностей. Это послужило становлению особого российского архетипа, безусловно, способствующего при благоприятных социальных условиях появлению исторической субъектности, соответствующей современным требованиям и реалиям. Российская ментальность уже сегодня может обеспечить, как минимум, две важные субъектные составляющие: способность интегрироваться и универсализацию архетипной коллективности. Это предполагает социально-ценностную, психологическую включенность индивидов в стратегию общественной жизни при условии взаимосвязи коллективности, социальной защищенности и свободы индивидов.

С позиции сказанного в настоящее время ни российская, ни западная субъектность не могут рассматриваться как сложившиеся адекватно. В первом случае недостает технократической культуры, во втором — общностной, коллективистской основы. И Запад, и Россия в одинаковой мере находятся в ситуации переходного периода к новому формату субъектности, но вот сможет ли она сложиться в синтезе предыдущих — покажет время.

Примечания

¹ См.: Интеллигенция: вопросы теории и методологии / под ред. В. С. Меметова. Иваново, 2010. С. 36—38.

² *Канн Г.* Грядущий подъем: экономический, политический, социальный // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986. С. 171.

³ *Бергер П.* Капиталистическая революция : (50 тезисов о процветании, равенстве и свободе). М., 1994. С. 87.

⁴ Там же.

⁵ *Левинас Э.* Трудная свобода // Левинас Э. Избранное. М., 2004.

⁶ *Тоффлер Э.* Шок будущего. М., 2002. С. 111.

⁷ *Парамонова С. П.* Динамика морального сознания. Пермь, 1997. С. 209.

Д. А. Смирнов

ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ КАК ОСНОВА СУБЪЕКТНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

Вопрос о различном понимании субъекта в западной и российской цивилизациях не раз становился предметом острых дискуссий представителей гуманитарных наук. А. А. Краузе также полагает, что такой вопрос обоснован, поскольку каждая из цивилизаций формирует собственную модель субъектности. При этом проблема субъекта рассматривается автором преимущественно с экономических позиций, поскольку она оперирует марксистскими категориями, тяготеющими к политэкономии, такими как класс или индустриальное общество. Однако в работе ни разу не упоминается и тем более не применяется одна из самых характерных экономических категорий, которая также раскрывает положение и поведение субъекта в окружающем его мире, а именно категория собственности. Данное обстоятельство, на наш взгляд, заметно обедняет представленное Краузе мнение, поскольку именно собственность традиционно трактуется как «исторически развивающиеся общественные отношения по поводу распределения (присвоения), описывающие принадлежность субъекту, у которого имеется исключительное право на распоряжение, владение и пользование объектом собственности»¹. В этом плане собственность согласуется со стремлением автора статьи выявить модели субъектности.

С нашей точки зрения, отнюдь не широкое понятие «техногенная цивилизация», о котором пишет Краузе, а именно категория частной собственности помогает понять как особенный характер взаимоотношений субъектов, так и их отношения к обществу и государству в западной цивилизации. Поскольку к «реали-

---

© Смирнов Д. А., 2012

Смирнов Дмитрий Александрович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник НИИ интеллигентоведения при Ивановском государственном университете. d-smirnov@mail.ru

зации, автономии личности и ее суверенной творческой индивидуальности»², на которые указывает Краузе как на конкретные ценности «техногенной цивилизации», ведет не что иное, как частная собственность. Акцент на технике, и даже эстетизация техники, доведение человека, как верно подчеркивает Краузе, до значения функции в процессе, отнюдь не является однозначным и единственным направлением развития западной цивилизации. Пагубность такого пути была ясно осознана самими западными странами в середине XX века, когда они оказались перед угрозой победы фашизма над свободным миром. Именно фашизм доводил человека до значения функции или создавал «модульного человека», отказавшегося от частной собственности в обмен, как точно пишет Краузе, на «воспроизводство сложившихся структур, форм, институтов, где всякое настоящее в действительности оказывается лишь копией прошлого» (с. 53).

О незрелости имущественных отношений, отношений собственности, в середине XX века проявившей себя в искусстве, писал в 1936 г. в своей знаменитой работе «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости» немецкий мыслитель Вальтер Беньямин. Свидетельство этому он находил в характере войны, «диалектике современной войны»: «Если естественное использование производительных сил сдерживается имущественными отношениями, то нарастание технических возможностей, темпа, энергетических мощностей вынуждает к их неестественному использованию. Они находят его в войне, которая своими разрушениями доказывает, что общество еще не созрело для того, чтобы превратить технику в свой инструмент, что техника еще недостаточно развита для того, чтобы справиться со стихийными силами общества. Империалистическая война в своих наиболее ужасающих чертах определяется несоответствием между огромными производительными силами и их не полным использованием в производственном процессе (иначе говоря, безработицей и недостатком рынков сбыта). Империалистическая война — это мятеж: техники, предъявляющей к “человеческому материалу” те требования, для реализации которых общество не дает естественного материала»³.

В конечном итоге, по мнению Беньямина, через эстетизацию техники общество движется к эстетизации политики, что

ярко проявляется в фашизме: «Вместо того, чтобы строить водные каналы, она отправляет людской поток в русла траншей, вместо того, чтобы использовать аэропланы для посевных работ, она осыпает города зажигательными бомбами, а в газовой войне она нашла новое средство уничтожения ауры. “Fiat ars — pereat mundus”, — провозглашает фашизм и ожидает художественного удовлетворения преобразованных техникой чувств восприятия, это открывает Маринетти, от войны. Это очевидное доведение принципа *l'art pour l'art* до его логического завершения. Человечество, которое некогда у Гомера было предметом увеселения для наблюдавших за ним богов, стало таковым для самого себя. Его самоотчуждение достигло той степени, которая позволяет переживать свое собственное уничтожение как эстетическое наслаждение высшего ранга. Вот что означает эстетизация политики, которую проводит фашизм. Коммунизм отвечает на это политизацией искусства»⁴.

Для Беньямина коммунизм выступает общественным строением, позволяющим преодолеть противоречия имущественных отношений, ведущих к войне. Незрелость имущественных отношений в Германии, на фоне более высокого уровня развития в других странах, не позволяла оценить ему преимущества отношений частной собственности. Поэтому он писал о коммунизме как выходе из ситуации, которая привела Германию к фашизму.

Однако в понимании Беньямином коммунизма и кризиса имущественных отношений важное значение имеет тезис о «пролетаризации» масс. Эта мысль была им также высказана в работе «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости». Коммунизм и фашизм — «две стороны одного и того же процесса». Только «фашизм пытается организовать возникающие пролетаризированные массы, не затрагивая имущественных отношений, к устранению которых они стремятся», а коммунизм отвечает «все возрастающей пролетаризацией современного человека»⁵.

При этом, как считают исследователи Беньямина, понятие «пролетариат» в его понимании несет иную смысловую нагрузку, чем в привычном марксистском идейном контексте. Немецкий философ Вернер Фулд отмечал спустя четыре десятилетия: «Беньямин не был марксистом. Он сам называл себя “историческим материалистом” <...> Кто стремится сегодня односторонне обо-

значить Бенямина революционным политиком, не замечает, что примером выступало понятие не “пролетарских”, а “пролетаризированных масс”⁶. Фулд подчеркивал, что «в отличие от ортодоксально-марксистского понятия пролетариата дефиниция Бенямина охватывает все слои, которые были лишены национал-социализмом своих демократических прав и своего прямого действия, например средний слой в качестве интеллектуалов»⁷.

В связи с этим можно с уверенностью сказать, что именно частная собственность, являющаяся основой существования среднего слоя, обуславливает его «пролетаризацию», или иначе говоря, политизацию в борьбе за свои права и становление политического субъекта; частная собственность помогла и помогает человеку сохранить свободу и способствует индивидуализации личности, чего, собственно, на самом деле нет в «модульном человеке», о котором пишет А. А. Краузе.

Понимание частной собственности как основы субъектности позволило западной цивилизации сохранить свободу человека, ставшую важнейшей ценностью для современного западного мира. Но этого нельзя сказать о российской цивилизации, где нет традиции понимания частной собственности как основы субъектности. И в данном случае действительно показательно место и значение в российской цивилизации, как характеризует его Краузе, «особого сегмента российской культуры под названием “интеллигенция”» (с. 54). Российская интеллигенция, на которую автор указывает как на «универсум российской жизни» в рамках традиционного подхода, действительно отличается от «западной, личностной составляющей направленности данного типа субъекта» (там же).

Отсутствие в российской цивилизации представления и понимания частной собственности как основы социальной жизни ведет и интеллигенцию, и российское общество в целом к тому, что внимание уделяется, как точно отмечает Краузе, «личностям с низким уровнем осознания и участия в стратегических проектах общества посредством государства» (с. 55). Преобладает коллективная, подконтрольная государству собственность, а это приводит к зависимости интеллигенции от государственных инициатив, прикрываемых некими значимыми, по мнению автора, «способностью интегрироваться и универсализацией архетипной коллективности» (с. 56), а на самом деле к неспособности и отсут-

ствию возможностей в принятии самостоятельных решений. Попытка обрести свободу оборачивается у интеллигенции, при отсутствии понимания частной собственности как условия свободы, не созидательными действиями, а, как точно отмечает автор, «архаичной отчужденностью и оппозиционностью по отношению к государственным институтам и государственной стратегии» и «субъектной активностью, приобретающей форму неорганизованной стихийности» (с. 54). Это характерно для развития всей общественной жизни в России.

В связи с этим нам представляется спорным утверждение А. А. Краузе, что такие «две тенденции в формировании российской ментальности», как «духовный фактор и коллективистская ориентация при выборе способа удовлетворения материальных потребностей» (с. 56), способствуют «при благоприятных социальных условиях появлению исторической субъектности, соответствующей современным требованиям и реалиям» (там же). Именно отсутствие в России у общества в целом и конкретно у интеллигенции представления о частной собственности как необходимом условии свободы человека не создает пространства для благоприятного развития такой субъектности. В свою очередь стремление сохранить частную собственность является объединяющим фактором, способствующим возникновению различного рода взаимосвязей между людьми в современном западном мире.

Примечания

¹ Собственность // Большой энциклопедический словарь. URL: <http://www.dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/275678#sel=>

² Краузе А. А. Различные модели субъектности в постиндустриальном обществе // Интеллигенция и мир. 2012. № 2. С. 51. Далее в тексте ссылки на эту статью указываются в скобках.

³ Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости // Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости : избр. эссе. М. : Медиум, 1996. С. 64.

⁴ Там же. С. 65.

⁵ Там же. С. 62.

⁶ Fuld W. Berühmt und unbekannt // Die Zeit. 1972. 24. Nov.

⁷ Ibid.

О. В. Шимельфениг, Л. Я. Солодовниченко

**РОЛЬ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИХ
ПАРАДИГМ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ
В СИТУАЦИИ ГЛОБАЛЬНОГО КРИЗИСА**

Однажды журналист спросил Мастера: «Что наиболее характерно для современного мира?»

Мастер тотчас ответил: «Ежедневно люди узнают все больше о Космосе и все меньше о себе».

Энтони де Мелло. Притча «Мелочи»

Работа начинается с рассмотрения некоторых идей известного российского исследователя национальных образов мира Георгия Дмитриевича Гачева, которые привели его к понятию «КОСМО-ПСИХО-ЛОГОС», охватывающему целостность бытия того или иного народа. Наш сюжетно-игровой подход, также разрабатываемый в течение десятков лет, привел и нас к аналогичному понятию «**духовно-психофизическая целостность**», применяемому нами не только по отношению к отдельным народам и культурам, но и к образу мира в целом.

Во многих своих работах мы достаточно подробно рассматривали материалистическую картину мира и глобальные последствия ее бытия в обществе. Фиксируя наличие и других

© Шимельфениг О. В., Солодовниченко Л. Я., 2012

Шимельфениг Олег Владимирович — кандидат физико-математических наук, доцент Саратовского государственного университета, вице-президент регионального отделения Академии проблем качества РФ. Shim.OV@mail.ru

Солодовниченко Лилия Яковлевна — кандидат философских наук, президент Саратовского регионального фонда «Фонд научных и культурных инициатив межконфессионального сотрудничества». angelinalvidas@yandex.ru

«усеченных» представлений о мире и их негативные последствия, мы показываем, как в рамках целостной картины мира могут гармонично сочетаться религиозные и научные аспекты осмысления мира. В заключение рассматриваются два конкретных примера: непонимания и притягивания сюжетно-игровой картины мира.

* * *

Духовное развитие России и мира в целом, на наш взгляд, все в большей и большей степени, определяется представлениями о мире каждого человека и, прежде всего, тех социальных групп, в руках которых сосредоточены основные властные, информационные, технические и экономические ресурсы. Эффективность картины мира, которая определяет трансформацию реальности, во многом зависит от системности и целостности этой картины и того, какой смысл вкладывается в понятие духовности, присутствующее в любом полноценном образе реальности.

Г. Д. Гачев посвятил значительную часть своей жизни созданию многотомной серии сравнительных описаний культур и миропониманий разных народов. Он пришел к выводу, что подобно тому как человек есть троичное единство тела, души и духа, так и каждый национальный мир представляет собой единство местной природы (Космос), характера народа (Психея) и его ума, ментальности (Логос). В своих работах он выявляет единый стержень всего разветвленного древа каждой национальной культуры в его проявлениях на разных уровнях: в быту, нравах, религиях, образности литературы и искусства, философских системах, теориях естествознания и т. д., показывая, что у каждого народа есть свое призвание на земле, своя идея, своя энтелехия (целевая причина) как Божий замысел о нем; и лишь в сопоставлении этих голосов можно услышать голос единого человечества.

Развитая этим выдающимся разносторонним исследователем методология применима к воссозданию ментальности любой этнической группы, что убедительно демонстрируется им в одной из своих обобщающих монографий-дайджестов¹. Суть его подхода заключается в работе с Целым — комплексным представлением о ментальности того или иного народа, где органично соединяются рассудочное и образное мышление на языке «мыслеобра-

зов». В упомянутой работе автор отмечает, что и в наше время идет единый диалектический процесс ассимиляции-диссимилиации народов и национальных культур, поэтому «задача познания национальных особенностей тройко важна: и практически, для взаимопонимания народов при контактах; для самопознания народа: что есть “я” в отличие от “другого”; наконец, теоретически: что есть “мы”, человек вообще, по истине и существу, и что ему подлинно нужно, то есть через варианты — познать Инвариант. Он не дан нам в прямом опыте, а даны конкретные народы, так что добираться до него приходится косвенным путем. И человечество — целостность, и народ — целостность. Каждый видит всю Вселенную, материальные и духовные в ней явления, но в особом аспекте, повороте. Возникает спектр национальных понятий мира и представлений о “человеке вообще”. Логика, философия исходят из точки НОЛЬ и дедуцируют части Единого Целого, “атрибуты” “субстанции”. Но эта точка НОЛЬ нам не дана. Она невольно сдвигается и сливается у каждого народа со своим центром. Уразумение этого факта и было для меня исходным — я наткнулся на проблему национальных логик: что даже великая немецкая классическая философия, претендующая на универсальность мирообъяснения, локальна и носит отпечаток германского образа мира. И стал я искать определителей его»².

Важнейший **принцип целостности** — «Все — во всем!» — Г. Д. Гачев проводит сквозь все свои исследования, где каждая деталь национальной целостности соотнесена с другой, далекой, и они объясняют друг друга. Поэтому в работе такого типа «не могут действовать запреты сравнивать разноуровневые вещи, как это принято в строго тектоническом структурализме. Именно перескок с этажа на этаж (как электрона с орбиты на орбиту) и дает силовое поле Целого испытать-измерить. Все же перебрать нельзя, потому и приходится прыгать с отсека на кусок. Никогда строгой логике не удавалось зачерпнуть национальные отличия, дать их строгое описание (именно потому, что она не в силах работать с разнородным и разнорядным материалом), а вот анекдот — пожалуйста, берет курьез, а из него Целое просвечивает.

Образ, способный связывать разнородное, оказывается адекватной гносеологической формой для познания национальной целостности. Но тогда исследователь сам в первую голову

должен снять с себя строго логические заклятия и запреты — и позволить себе самому прибегать к образному мышлению. Но тогда он теряет логическую обязательность, формальную принудительность выводов своих и положений. Да — но зато выигрывает в содержании. Он *показывает*, а не *доказывает*, и убеждает не “де-юре”, а “де-факто”: тем, что как можно в более разнородных элементах национальной целостности обнаруживает связь и взаимное лицезрение. Тем больше полнота и резче глубина изображения, чем смелее проложенные там просеки и борозды.

И главный элемент, и фокус, и инструмент такой работы — это мгновенный перенос (=мета-фора) от субтильно-духовных явлений к грубо материальным вещам, минуя опосредствующие звенья, в которых велит увязнуть логика»³.

В конечном счете, содержание всякой национально-территориальной целостности, в том числе и Российской, складывается в ходе исторического диалога (или полилога) действующих в ней сил. «Но это силовое поле — уже сверх или под логикой: оно истекает из всего бытия данного народа, включая и особый склад природы (материю, вещество), быт, язык и историю (культуру), этнос и характер (психику)»⁴. Так Г. Д. Гачев выходит к понятию КОСМО-ПСИХО-ЛОГОСА как единства тела (местной природы), души (национального характера) и духа (языка, логики). «Следовательно, чтобы проступила особая логика, надо целостность бытия одного народа сравнить с аналогичной целостностью другого. На этом фоне национальные логики, как вершушки сих айсбергов, отличимы и понятны станут»⁵.

Теперь уже можно показать определенную параллельность и сходство методологии целостности Г. Д. Гачева в его исследованиях национальных менталитетов с методологией сюжетно-игрового подхода, разрабатываемого О. В. Шимельфенигом с 1970 года (в целом более 100 работ по этой тематике) и обоими авторами данной статьи совместно. То, что Гачев называет КОСМО-ПСИХО-ЛОГОС, в наших работах определяется как ДУХОВНО-ПСИХО-ФИЗИЧЕСКАЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ (те же аспекты единого мира, только в обратном порядке — КОСМО соответствует ФИЗИЧЕСКОМУ, а ЛОГОС — ДУХОВНОМУ). Разумеется, есть и определенные отличия в сюжетах наших исследований. Так, в текстах нашей коллективной монографии «Что

есть реальность?»⁶ специально анализируются традиционные объективистские посылки естествознания.

Исходная установка естествознания — открывать «объективную реальность», «объективную истину», «объективное знание». Под объективностью подразумевается прежде всего **независимость** природы от исследователя. Таким образом, ученый из картины мира просто выкинул **себя**, то есть автоматически, наивно и непреднамеренно, устроил себе алиби, снял с себя ответственность за то, **как** он осмысливает восприятия окружающего, с помощью **каких** часто неререфлексируемых им программ переработки информации, одновременно избавившись при этом от ответственности за то, **как** он действует, **что** творит — на основе этой своей, во многом скрытой от самого себя, ментальности. Очевидно, такая «методология» основана на образе мира как бездушной машины, так как духовно-психические, творческие аспекты, по сути, исключены из естественно-научной картины мира. При этом и сам исследователь также рассматривается как стандартный заменяемый аппарат с типовым логическим устройством и блоком памяти, регистрирующий лишь машиноподобные закономерности природы. И такой мир-автомат мы и создаем для себя, сами превращаясь в его деталь, его придаток.

Именно эта позиция, на наш взгляд, выражена в книге И. В. Черниковой: «В идеальной модели научного знания не допускается, чтобы научное знание зависело от личностных характеристик и пристрастий субъекта, оно должно обладать общеобязательным, объективным, устойчивым характером, содержать определенные критерии его оценки и степени соответствия реальности. К любому явлению, будь то механизм, живой организм, человек, текст и т. д., наука подходит как к объекту, функционирующему по своим собственным законам, открыть которые пытаются ученые»⁷.

К каким духовным потерям приводит следование такой объективистско-«научной» парадигме хорошо выражено в книге Ошо: «Реалист отрицает самость: он говорит, что внутренней самости не существует, субъекта не существует; существует только объект, вещь, мир. Это его способ избегания внутреннего путешествия. Внутреннее путешествие опасно. Вам придется все потерять! <...> Реалист не может пойти на риск. Он прибегает к объяснениям. Он говорит: “Душа не существует, самость не су-

ществует. Все это принадлежит миру объектов». Поэтому он обращается к познанию объектов. Он забывает о субъективности и имеет дело с объективностью. Этим и занималась наука на протяжении трехсот лет. Это путь бегства от самого себя»⁸.

Однако считаем необходимым отметить, что критическая констатация «машинного» подхода отнюдь не означает отрицание того, что Вселенная в своем физическом аспекте подобна механизму. Просто этот аспект **не главный** в целостной картине Универсума — более существенными являются **психическая и духовная** составляющие, более тонкие, глубокие, творческие, но потому и определяющие всё происходящее.

И вот теперь интегральная сложность и мощь создаваемой нами же мегамашины, без глубокого учета психической компоненты и рефлексии собственной деятельности, уже превзошла порог человеческих возможностей управления ею. Катастрофы должны бы быть все более невероятными с точки зрения наших прогнозов на основе многократно защищенных технологий, однако их число ежегодно увеличивается в разы, тем самым неумолимо втягивая человечество в воронку глобальной катастрофы. Где выход-спасение?

Во всяком случае, не в очередном чудесном изобретении — «кунштштюке» — инженерном, биологическом или экономическом. Зачастую они только приближают трагическую развязку, делая ее исполнение лишь более изощренным. Ибо эти «игрушки» попадают в руки все тех же великовозрастных «детей», не видящих духовно-психо-физическую динамическую структуру Целого, тотальность его тонких связей. Известный философ Вадим Розин утверждает: «Если не разомкнем связь, объятия естествознания и социальных институтов, технологии и т. д., — вообще ничего сделать невозможно. Эта ситуация, как в кошмарном сне, будет воспроизводиться бесконечно»⁹.

Увы, конец-то как раз явно приближается. И выход может быть только один — менять базовую «научную» парадигму, соблазнившую нас поверхностными материальными прелестями, объявившую материю основой и смыслом Бытия. Наивность позиции «объективного материализма» следует уже из того, что даже вся совокупность научных знаний далека от полного представления о мире в целом. Поэтому научная картина мира неиз-

бежно опирается на **свои** варианты **веры**: нет никого, кто ни во что бы не верил, — писал великий русский философ И. А. Ильин, — большинство просто не задумывается над тем, во что верит. Главное, в чем боится признаться «объективный материалист», — в убийстве живой души в мире и в себе, превращении всего в машину, хотя и сложную, логическую.

Какая же картина мира может сменить парадигму «объективной реальности», которая оказалась опасным и коварным мифом, потому что из него выпали все действующие лица, ответственные за происходящее? Кроме того, «объективная реальность», равно как и логически симметричная ей «субъективная реальность», — абстрактные химеры, которым ничего не соответствует в действительности, порожденные наивной верой в возможность «отпилить» один из полюсов магнита, всегда восстанавливающего свою целостность («нет объекта без субъекта» — классика истинной философии). Поэтому естественная картина — это модель «межсубъектной реальности», смысл которой в том, что мир творится всеми своими участниками, из которых он и состоит. При таком подходе системообразующей фундаментальной парой понятий является модификация привычного бинера «субъект — объект» в «субъект — другие субъекты» («я» и «не-я»), где элементы базисной пары уже равноправны и симметричны в отличие от дискриминационного акцента, подразумеваемого в понятии «объект» по сравнению с субъектом.

Эта общая (но не одинаковая!) для нас всех межсубъектная реальность существует, проявляясь в режиме ежесекундной пульсации Вселенной как «равнодействующая» попыток всех участников реализовать свои стратегии. Очередной полученный коллективный результат отражается в психике каждого «игрока», влияя на формирование его замысла о следующем «ходе». То есть действительность разворачивается как последовательная «зашнуровка», переход друг в друга **«сценарного»** воображаемого внутреннего психического потока индивида и как бы внешнего — межсубъектного, **«сюжетного»** потоков, но воспринимаемого каждым опять же по-своему. Подобную картину мира естественно назвать **сюжетно-игровой**. Современные модели математической теории игр отражают в принципе именно такую структуру. В рамках этой модели решается неразрешимая для материалисти-

ческого естествознания проблема связи психики и тела, равно как и более фундаментальная проблема, скрытая за ней: откуда приходят и как формируются программы поведения любых существ, в частности, сценарии деятельности людей, сообществ и их лидеров¹⁰. А от знания этого «механизма» напрямую зависят наши настоящее и будущее, интерпретация прошлого, то есть вся наша жизнь в целом — ее многоуровневый, многоплановый, иерархический сюжет, включающий в итоге всех «действующих лиц» Вселенского Спектакля.

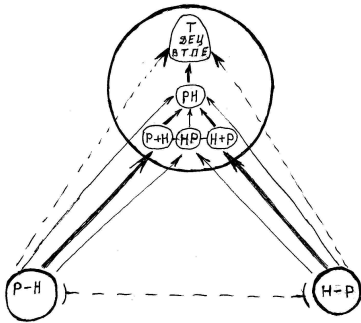
Итак, мы обсудили, в том числе, недостатки и надвигающиеся катастрофические последствия трансформации общества и природы под влиянием материалистической картины мира. Однако не менее пагубными могут быть последствия от массового применения других «усеченных» образов реальности, которые, на первый взгляд, вроде бы даже учитывают психологический и духовный аспекты мироздания. Одна из них, широко распространившаяся в XX столетии, — управленческая манипуляционная парадигма, которая использует достижения психологии для изощренной эксплуатации сотрудников разнообразных организаций. Другой вариант, якобы учитывающий еще и духовный аспект (включая и психологические приемы воздействия), — тоталитарные секты, — на самом деле, зомбирует людей, своими методами тоже превращая их в роботов.

Но даже и в традиционных конфессиях имеет место искажение гармонии материального, психического и духовного. Например, осужденная в свое время и ранее широко практиковавшаяся продажа индульгенций в католической церкви и существующий и ныне целибат (обет безбрачия), который, не имея разумных ограничений, приводит к серьезным проблемам и нарушениям общечеловеческой нравственности и морали.

Взаимоотношение духовности и целостности в картине мира ярко проявляется в способах интерпретации научного и религиозного аспектов мировоззрения. Считаю целесообразным для раскрытия этой темы в первом приближении привести фрагмент дискуссии профессора А. Г. Рокаха (далее **А. Р.**, высказывания которого набраны курсивом) с О. В. Шимельфенигом (далее **О. Ш.**) из упомянутой выше книги «Что есть реальность?»:

«**А. Р.:** ...если религиозность удастся превратить в символ нравственности, то я “за”, хотя и не в научных вопросах. А то ведь и в мракобесие власть недолго!

О. Ш.: Противопоставление науки и религии, ее отождествление то с нравственностью, то с мракобесием, — слишком упрощает ситуацию. Саратовский философ Николай Николаевич Слонов в своих исследованиях (которые находятся пока еще в печати) пришел к необходимости изучения более глубокой и интересной оппозиции: **религия в союзе с наукой или наука без религии.**

Сейчас я несколько разовью идею этой более плодотворной (и не столь примитивной, как религия-наука) оппозиции. Сначала ситуацию можно представить как треугольник, “стоящий” на своем основании. В его левой нижней вершине пусть будет позиция, соответствующая религии, отрицающей науку (как бы “мракобесная” религия): **р-н** (“религия” минус “наука”).

В правой нижней вершине — позиция воинствующей атеистической науки, отрицающая Бога и религию: **н-р** (н минус р). (В качестве примера можно взять группу академиков (Гинзбург, Садовский и др.), подписавших “Открытое письмо” Президенту России против “клерикализации” образования в России). А в его верхней вершине находится позиция союза науки и религии в двух разделенных по вертикали вариантах. (Примером (пока без дифференциации) союза науки и религии может служить ответное письмо другой группы академиков (Мальцев, Голицын и др.) в поддержку религии).

Рассмотрим первый нижний уровень верхней вершины треугольника **(Р+Н)-(НР)-(Н+Р)**. Позиция **Р+Н** — это позиция религиозного человека, рассматривающего науку как необходимый вспомогательный аспект духовного мировоззрения. Позиция **Н+Р** в определенном смысле симметрична предыдущей, так как здесь ученый-материалист толерантно относится к религии, учитывая ее культурную и воспитательную функцию в обществе.

НР обозначена некая странная позиция, соответствующая как бы “тихой шизофрении” — расщепленному состоянию сознания, которое многие ученые, имея в виду концепцию реальности Бора, называют “взаимодополнительным” отношением науки и религии: то мир воспринимается, по существу, с материалистической позиции (как появившийся и развивающийся “сам собой”), то после “перескока” установки — как творение Господа...»¹¹

Но существует и другое понимание мироздания на основе органически целостной картины мира, которому соответствует целостное состояние психики, истинно монистическое, когда Творец осознанно включен в интегральную религиозно-научную картину мира, очевидно, теистическую по главному признаку; такую позицию можно обозначить как религиозная наука — **РН**, которая, по оценке АГ, *«мало изменилась за тысячелетия, не имеет заметных достижений даже в области духа»*. Надеюсь, что подобный стиль мышления в большей степени является характеристикой не столько АГ, сколько нашей «фельетонистической эпохи» (по меткому выражению Германа Гессе в «Игре в бисер»), в которой принято специалисту в какой-то области безапелляционно судить о вещах, с которыми он познакомился достаточно поверхностно.

А сюжетно-игровой подход, утверждая в своей основе **индивидуальность восприятия мира внутри межиндивидуальной общей реальности** (отнюдь не «субъективной», но и не «объективной» — они обе — химеры-обрубки старой целостной философской дихотомии, в свою очередь, не слишком удачной), как раз настраивает на серьезное отношение к таким достаточно эксклюзивным позициям — глубоко теистическому отношению к миру.

Как я рискну предугадать, здесь у воспитанного нашей «фельетонистической» культурой ученого тут же возникнет вопрос, не без ехидцы: а Творца какой религии надо включать в такую органически-интегральную научно-религиозную картину мира? Ведь наука — интернациональна, вне границ государств, да и времен в широком смысле, — она же пытается, в конечном счете, постичь реальность как неограниченное во времени и пространстве Космическое Целое. Поэтому будет странно, если она вдруг ограничит себя каким-то «местным» образом Создателя.

Полагаю, что образ Творца, кроме специфических, связанных с той или иной религией черт, имеет общепризнанную ими всеми главную характеристику — именно как Творец всего, скажем, Своей Божественной Космической Игры, говоря языком этой древнейшей концепции, которая столь созвучна нашему динамичному, на глазах трансформирующемуся бытию — со все более явным участием человека и чреватому самыми разными последствиями. Эта тема специально обсуждалась в нашей Беседе-3: «**Есть ли инварианты для различных религий?**». Напомню, на мой взгляд, очень вразумительные рассуждения в процессе этой Беседы — Николая Николаевича Васильева:

«Но прежде хотелось бы в качестве небольшого замечания к прекрасному выступлению Юлии Михайловны Дуплинской (профессор Саратовского технического университета. — *О. Ш., Л. С.*) сказать, что с самого начала мне бросилась в глаза некая логическая неправильность, состоящая в том, что она часто говорила о **не тождественности**, в то время как речь шла об **общности** религий. Общность и тождественность — это вещи не тождественные. (*Смеется и все тоже*). Вот это надо иметь в виду и сделать небольшую поправку.

Но, с другой стороны, что мне кажется самым важным и ценным, — это то, что, во-первых, общность, наверное, действительно есть не тождественность, а общность. Потому что если мы признаем разные религии истинными верованиями, то мы должны признать их общий источник, то есть Творца и сотворенный им общий единый мир. Это общий источник и общая основа, содержание всех монотеистических религий. А если мы этого общего источника не признаем, то мы какую-то веру вынуждены объявить авантюрой, лжерелигией. То есть, если мы достойно относимся к какой-то вере, мы вынуждены признать эту ее общность с другими религиями».

Я бы добавил только, что почти в каждой религии есть духовные традиции, связанные с большой работой над собой, познания мира вместе с собой — как органичного целого, рефлексии своих привычек и стереотипов мышления, что, в конце концов, приводит к апофатическому пониманию Бога — как Вечного Бесформенного Источника, творящего все формы мироздания. О таком понимании Творца можно почитать, например, в четвертой

главе «Живой Вселенной» и во многих публикациях, там упомянутых: это традиции исихазма в православии, суфизма в исламе, чань (по-китайски) или дзен (по-японски) в буддизме и т. д. В древнекитайских духовных учениях — это даосизм.

Поэтому, не случайно, известный ученый Ф. Капра назвал свою знаменитую книгу «Дао физики», где уже в названии отражен союз научного и религиозного подхода к реальности. Нобелевский лауреат Чарльз Таунс утверждает: «Я сам не разделяю науку и религию, а рассматриваю наше исследование Вселенной как часть **религиозного** опыта»¹². И, наконец, протянутая навстречу рука из другого симметричного лагеря — выдающегося теолога, магистра гуманитарных наук, доктора философии Джона Кобба: «Сам путь переосмысления физики становится намного более религиозным, и я также думаю, что в изучении религий нам следует осознать, что нельзя отделить религию от понимания совокупности всего сущего. Поэтому их просто следует соединить»¹³.

Теперь, надеюсь, хоть в каком-то смысле будет понятна третья высшая позиция в верхней вершине нашего треугольника (**Т/ДЕЦ/ВТПЕ**), то есть — (Творец / Дух Единого Целого / Все-творящая Пустота Единого). Этой позиции соответствует уже не столько какая-либо наукообразная теория или концепция мироздания, сколько постоянное внутреннее состояние человека, осознающего свою внутреннюю единственность с мировой духовно-психо-физической Целостностью. Соответствующий такому состоянию образ мироздания, конечно, обычно имеется, но он служит лишь «пальцем», указывающим на неуловимого, невидимого, неопределяемого, не имеющего формы — Творца всех форм Вселенной. Скажем, сюжетно-игровая картина мира — вариант такого вспомогательного указателя-инструмента. К сожалению, подобный «палец-образ» обычно и принимается за сущность, за Бога.

В то время как человек, постоянно находящийся в таком состоянии осознания тотального присутствия в мире Творца, чувствует, мыслит и действует иначе, хотя может заниматься самыми обычными делами: «До просветления носил воду и колол дрова, и после него делаю то же самое» («то же самое», очевидно, только для внешнего поверхностного наблюдателя). Выращивать

в себе такую, никогда не теряемую, «пропитку» Творцом, очевидно, весьма не просто и не скоро.

Напомню, в качестве иллюстрации, дзенскую историю, в которой мастер спрашивает своего бывшего ученика, уже ставшего учителем и навестившего его в дождливый день: куда ты поставил в прихожей зонтик — справа или слева от башмаков; а тот, поняв, что еще не достиг такой степени осознанности всех своих действий, вернулся учеником к мастеру еще на шесть лет.

И последний комментарий — к стрелкам на треугольнике позиций: жирные стрелки соответствуют наиболее вероятным переходам из позиции в позицию, а пунктирные — наименее вероятным, связанным с каким-то сильным необыкновенным потрясением.

Каким же должно быть общество, которое может обеспечить человеку полноценное развитие? Казалось бы, прежде чем говорить о духовном развитии личности, ей надо обеспечить как минимум еду, крышу над головой, заботливую семью, многогранное воспитание, образование и работу. На нашей памяти тоталитарные режимы вроде бы и пытались обеспечить этот общественный идеал, но приоритет материальной сферы и оттеснение духовных институтов на задворки жизни, вплоть до их уничтожения, рано или поздно приводили эти режимы к краху. Причиной возможного краха всей нашей цивилизации, на наш взгляд, является не только и не столько тоталитарность общественного строя, сколько ориентация на решение всех проблем в материальной плоскости. Так, доктор филологических наук Валентин Непомнящий в речи, посвященной творчеству А. С. Панарина, говорит: «...Во все времена все религиозные, нравственные, идеологические учения исходили из того и направлены были на то, каким надобно бы быть человеку, — представления могли быть разными, но сам импульс был поступательным, **человек призывался к труду над самим собой**; в нынешнем мире человек должен улучшить **не себя**, а лишь условия, в которых он живет; душа не “обязана трудиться”, поступательность заменена проворством, главная святыня — удобства»¹⁴.

Известный философ и культуролог Г. С. Померанц считает, что восстановление «контакта с собственной глубиной» в сочетании со свободой мысли обещает Европе и России новую роль — центра

встречи мировых религий, центра диалога, в котором, возможно, будет создаваться общее небо над процессами глобализации.

«Субглобальные цивилизации опирались на имперско-конфессиональное единство. Мыслимая глобальная цивилизация может опираться на общее признание священного, открывающегося только в тишине созерцания. По мере осознания этого станет возможным переход цивилизации к равновесию с природой и сосредоточенности на духовном росте (вместо роста материального, разрушающего биосферу)»¹⁵.

Мы полагаем, что реализация такой глобальной стратегии человечества возможна через «собрание» всех институтов социума (религий, науки, системы образования, форм искусства, политических и экономических структур) для решения единственной, главной, определяющей судьбу человечества задачи — воспитание каждого человека в гармонии духовного и материального, в понимании целостности Мироздания, своего места в нем и личной ответственности за общее настоящее и будущее.

Рассмотрим в заключение два конкретных примера: непонимания и прития сюжетно-игровой картины мира, которые подарила нам жизнь во время дискуссии на презентации книги «Живая Вселенная» 5 июня 2005 года в Доме работников искусств города Саратова. Известный не только в регионе математик, логик и художник, профессор университета пытался проанализировать и понять причины своего многолетнего мировоззренческого расхождения с автором книги О. В. Шимельфенигом, несмотря на их 50-летнюю дружбу и профессиональное сотрудничество. Он справедливо заметил, что не понимает как совмещается в потоке мировых событий его непрерывность и бесконечность с как бы ниоткуда возникающими дискретными и конечными объектами и явлениями. И, хотя его первая профессия — художник, с которой он никогда не расставался и имел много персональных выставок в рамках работы Союза художников России, он пришел к выводу, что его логика, система понятий и модели восприятия мира более жесткие, ограниченные и формализованные, чем метафорический язык и модели автора презентуемой книги. В качестве иллюстрации непреодолимости и «замороженности» этой ситуации разнопонимания, он привел знаменитую притчу Джалалидина Руми «Спор о слоне» (спор слепых — в

другой редакции притчи), где люди в темном помещении, шупая разные части слона, спорили о том, на что он похож (державшийся за ногу сравнивал слона с бревном, прикасавшийся к уху — с опухалом и т. д.). Но, к сожалению, наш уважаемый профессор и коллега не обратил внимания на мысль, ясно выраженную в финале этой притчи:

*Все представляли это существо
По-разному, не видевши его.
Их мнения — несуразны, неверны —
Неведением были рождены.
А были б с ними свечи — при свечах
И разногласья не было б в речах.*

Как мы видим, выступающий своим толкованием, пониманием этой притчи о слоне и слепых постулировал для всех и каждого невозможность выйти из положения слепца, способного воспринимать лишь ближайшую к нему часть целого. Пафос же этой истории у древних мудрецов как раз и состоит в призыве — открыть глаза, пробудиться и обрести возможность видеть как слона (читай — мир, Вселенское Действо) целиком, так и всевозможные, но, в соответствии с замыслом Творца, действительно ограниченные позиции персонажей, соучастников этого Действа, его «подельников», принимающих свои специфические картины мира за нечто «объективное», «как на самом деле происходящее», а потому не видящих своей неизбежной специфической включенности в **общее** коммунальное действо, а значит, не осознающих и своей тотальной ответственности за происходящее. Этот сюжет из жизни перекликается с 95-м фрагментом из Гераклита: «Для бодрствующих существует единый и всеобщий Космос (из спящих же каждый отвращается в свой собственный)».

Разделяемый же нами древнейший образ мира как Божественной Космической Игры отражает как раз именно эту сценаристско-режиссерскую позицию по отношению к миру в целом, к которой и должно подтолкнуть глубокое осмысление притчи о слоне. То есть, сюжетно-игровой подход — это не позиция одного из множества слепцов-игроков с частичным, односторонним восприятием, а установка на «открытие глаз», пробуждение от «Гераклитова сна» и попытка увидеть мир именно как многообразие

позиций, глазами каждого «игрока», неизбежно соучаствующего в формировании целостного потока мировых событий, но, как правило, не осознающего своего вклада и своей ответственности. Позиция же сценаристско-режиссерская не исключает, а напротив, предполагает одновременно и исполнение какой-то «роли» в жизни, подобно играющему тренеру. Все остальные «игроки» тоже, конечно, пытаются схватывать, по мере возможности, в единый сюжет все, что их окружает, но они **неосознанно** «деформируют», «сплющивают» позиции других под рамку своей картины, своего «сна» о единой реальности. Сюжетно-игровой подход предлагает, в отличие от такого бессознательного «сплющивания» всего воспринимаемого, вживаться в каждого «игрока» Вселенского Действия *per se* — в чистом виде — как он есть (не насилуя его, не впихивая его в чужую для него, «усеченную» картину мира), что отнюдь не мешает, а только помогает строить и эффективно реализовывать свою собственную стратегию поведения, исходя из понимания **своей** роли и ответственности в происходящем.

На этой же презентации книги «Живая Вселенная» прозвучало глубокое выступление известного саратовского художника Владимира Мошникова, озабоченного судьбами России и человечества в целом. Он обратил внимание на две тенденции в современном обществе: негативную и позитивную. Первая заключается в том, что представления людей о мире распадаются на множество атомарных, индивидуальных и мелкогрупповых образов, что при отсутствии глубины рефлексивного, осознанного понимания порождает конфликтность и провоцирует на агрессивные вооруженные действия. Позитивная же тенденция состоит в увеличении числа людей, становящихся на путь духовного поиска, осмысления и выбора среди мировых традиций своей картины мира.

В. Мошников высказал мысль о том, что как презентуемая книга, так и возможный курс лекций на ее основе могли бы помочь и студентам творческих профессий, и всем другим — в осмыслении и выборе собственной картины мира, что и сделает их более ответственными и деятельными членами общества. Гибкость мышления и образность понятий сюжетно-игрового подхода будет, по его мнению, способствовать решению этой важной социальной проблемы.

Закончим нашу работу второй половиной притчи «Мелочи» Энтони де Мелло (первая половина была в эпиграфе):

Астроном хотел поразить Мастера чудесами современной науки. Слушая его, тот вдруг сказал: «Из миллионов загадочных явлений Вселенной — черных дыр, квазаров и пульсаров — самое загадочное, самое невообразимое — человеческое “я”!»

Примечания

- ¹ Гачев Г. Д. Космо-Психо-Логос : национальные образы мира. М., 2007.
- ² Там же. С. 11.
- ³ Там же. С. 13.
- ⁴ Там же. С. 21.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Что есть реальность? : беседы о реальности: Саратовская интеллигенция в «INTELLECT GAME SESSION» / О. В. Шимельфениг, Л. Я. Солодовниченко. Саратов, 2009.
- ⁷ Черникова И. В. Постнеклассическая наука и философия процесса. Томск, 2007. С. 19.
- ⁸ Ошо. Истина суфиев : священники и политики. М., 1999. С. 36—37.
- ⁹ См.: Независимая газета. 2000. 16 февр.
- ¹⁰ Шимельфениг О. В. Живая Вселенная : сюжетно-игровая картина мира : XXI век. «Самозавет» или «Самоапокалипсис». Саратов, 2005. С. 240—258.
- ¹¹ Что есть реальность? С. 564—567.
- ¹² См.: Материалы Всемирного Конгресса «Синтез науки и религии». Бомбей, 1986. С. 59.
- ¹³ Там же. С. 23.
- ¹⁴ Непомнящий В. Реванш истории как явление русской культуры // Наш современник. 2004. № 9. С. 248.
- ¹⁵ Померанц Г. С. Живучесть древних основ // Знамя. 2004. № 8. С. 184.

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

ББК 63.3(2)532

Э. О. Сагинадзе

С. Ю. ВИТТЕ — ПРЕМЬЕР-МИНИСТР В ВОСПРИЯТИИ РОССИЙСКОЙ ОППОЗИЦИОННОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ В 1905—1906 гг.

Примечательной чертой политической жизни Российской империи в смутные дни революции 1905 года был острый интерес общественного мнения к первому премьер-министру и бывшему министру финансов Сергею Юльевичу Витте (1849—1915). Это явление нельзя назвать случайностью. Большинство представителей государственно-бюрократического мира поздней империи, даже занимавших высокие посты, были в первую очередь чиновниками — безликими (во всяком случае, для «внешнего» мира), скованными в повседневном поведении множеством формальностей, мало общавшимися с публикой. С. Ю. Витте олицетворял совершенно новый тип государственного деятеля, чуждого бюрократическому формализму и открытого общественному мнению. Высокопоставленный сановник для обретения популярности был готов использовать методы, нетипичные для представителя имперской бюрократии: он активно стремился обосновывать в печати свои взгляды, выступал как инициатор заказных статей. Витте полагал, что с общественным мнением в пережива-

---

© Сагинадзе Э. О., 2012

Сагинадзе Элла Отаровна — аспирантка Санкт-Петербургского института истории РАН. lelya-rus@mail.ru, esagინadze@eu.spb.ru

емую Россией бурную эпоху невозможно не считаться и правительству в своих действиях «необходимо опереться на образованные классы»¹.

Общественное мнение — явление неоднозначное и весьма дискуссионное. Заметим, что под «общественным мнением» понимаются не суждения совокупного населения Российской империи, а мнение представителей «образованного общества», «публики», так называемой «общественности», часто определяемой также как «интеллигентное общество»², «интеллигенция»³.

Из трудов, посвященных феномену российской интеллигенции, можно составить целую библиотеку. Однако на вопрос о том, какой смысл содержит в себе это слово, до настоящего времени не найден ответ, который бы примирил разногласия среди исследователей⁴. В данной статье понятие «интеллигенция» трактуется достаточно широко и включает в себя слой образованных людей, претендовавших на участие в политической жизни страны. Выделение этой группы происходит путем противопоставления ее «простому народу» и официальной власти. Одной из базовых характеристик общественности была ее активная политическая позиция. Руководствуясь интересами «общества» в его борьбе с самодержавием, общественное мнение было критически настроено по отношению к государственной власти, противопоставлялось официальной точке зрения. Показательно, что видный представитель столичной бюрократии В. И. Гурко озаглавил свои мемуары «Черты и силуэты прошлого: правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника». Гурко выделил несколько этапов, характеризующих противоборство двух сфер власти — власти государства и авторитета общества (сферы общественного мнения)⁵. Таким образом, в этом вопросе мы следуем за представлением, бытовавшим в конце XIX — начале XX века.

Известно отношение императора Николая II к общественному мнению. Витте замечал в своих мемуарах: «Ранее, когда мне приходилось при докладе говорить: таково общественное мнение, то государь иногда с сердцем говорил: “А мне какое дело до общественного мнения!” Государь *совершенно справедливо* (курсив наш. — Э. С.) считал, что общественное мнение это есть мнение “интеллигентов”, а что касается его мнения об интеллигентах, то Мирский

мне говорил, что <...> раз за столом кто-то произнес слово “интеллигент”, на что государь заметил: “Как мне противно это слово”, — добавив, вероятно, саркастически, что следует приказать Академии наук вычеркнуть это слово из русского словаря»⁶.

В данной работе предполагается проанализировать восприятие С. Ю. Витте на посту премьер-министра в обществе в 1905—1906 гг. Его деятельность во главе кабинета министров подробно исследована в литературе⁷. Постараемся выяснить, как оппозиционно настроенная общественность воспринимала С. Ю. Витте на посту премьер-министра. Важно также рассмотреть, какие факторы влияли на формирование его репутации и, наконец, как действовал премьер-министр в борьбе за общественное мнение в условиях революции.

В работе привлекаются источники различного происхождения. В первую очередь, материалы прессы Санкт-Петербурга и Москвы, поскольку в это время печать выполняла функции как формирования, так и отражения общественного мнения⁸. Исключительно важен материал сатирических журналов 1905—1906 гг., которые дают некоторое представление о том, какие отличительные черты сановника осмеивались российской публикой и какие карикатурные образы наиболее часто тиражировались прессой⁹. Также мы обращаемся к мемуарной литературе и оригинальному архивному материалу: дневникам современников и переписке, принадлежавшим не только представителям «общественности», но и высшей бюрократии (министрам, сенаторам и пр.). Предупреждая вопрос о том, насколько правомерно рассматривать позицию представителей бюрократии как общественное мнение, уточним, что нас интересует, во-первых, личностное отношение к премьер-министру, вне зависимости от социального и служебного положения человека, во-вторых, наблюдения за поведением и реакцией других — знакомых, родственников, «публики» в целом.

* * *

В сентябре 1905 года Витте вернулся из Портсмута (США), где ему удалось заключить мирный договор с Японией. В награду за выполнение возложенного на него поручения император пожаловал ему графский титул, что не осталось незамеченным.

А. А. Половцов записал 15 сентября в дневнике: «Витте пожалован в графы. Это известие очень волнует петербургскую публику, не исключая моих товарищей по государственному совету...»¹⁰. В обществе заговорили о том, что вскоре его ждет новое назначение. Московский голова князь В. М. Голицын занес в тот же день запись в свой дневник: «Все более говорят о том, что он станет во главе Кабинета Министров с министерством внутренних дел. Как бы и где бы то ни было, а он еще себя покажет»¹¹.

Подобные настроения появились еще до сентября 1905 года. Незаменимость С. Ю. Витте стали осознавать, по всей видимости, уже в смутные дни января 1905 года: «Из всего внутреннего хаоса выплывает... хитрая, вероломная и умная фигура Витте», — писал в январе 1905 года в своем дневнике сенатор А. А. Бобринский¹². Аналогичных взглядов придерживался и П. А. Буланже, известный публицист и переводчик, который в частном разговоре в доме Л. Н. Толстого отмечал, что «Витте честолюбивый, но он единственный, который годится к этой должности. Тут нужно сочетание ума, смелости, хитрости»¹³.

Таким образом, имеется ряд источников, в которых суждения о личности Витте схожи: основным критерием при оценке сановника являлись исключительный масштаб его личности и выдающиеся способности. Вместе с тем, многие считали, что государственного деятеля отличают крайние честолюбие и вероломство.

21 октября 1905 года, практически сразу после издания Манифеста 17 октября, министр решает провести переговоры с оппозицией, и пригласить наиболее авторитетных ее представителей в правительство. В переговорах со стороны общественности участвовали видные деятели либерально-земских кругов — председатель Московской губернской земской управы Ф. А. Головин, будущий лидер партии «Союз 17 октября» А. И. Гучков, профессор Московского университета Ф. Ф. Кокосин, один из лидеров земского движения М. А. Стахович и др.

Витте имел все основания надеяться на поддержку ими своего политического курса, рассматривая Манифест как серьезную уступку со стороны власти. К своему удивлению, он не услышал от делегации ничего, кроме неосуществимых в тех политических условиях лозунгов. Наиболее радикальные либеральные деятели требовали созвать Учредительное собрание на основе всеобщего избиратель-

ного права для выработки конституции и применить политическую амнистию. Встреча разочаровала и делегатов: премьер дал понять, что власть считает осуществление этих требований преждевременными. Впоследствии один из лидеров кадетов, В. А. Маклаков, высказывал сожаление: «Понимала ли делегация, что она сделала? Помню гордость, с которой Кокошкин осипшим от повторения голосом рассказывал о победе земцев над Витте...»¹⁴.

В те же дни состоялась встреча С. Ю. Витте с П. Н. Милюковым, в ходе которой лидер кадетов объяснил премьеру причину сдержанности общественных деятелей: «Общество знает ваше прошлое, и общество вам не верит, — заявил он. — Оно не знает того, на что вы имеете полномочия и на что не имеете. Но оно, естественно, опасается, что известные обществу деятели будут использованы только для прикрытия, как ширмы, за которыми будут делаться дела, которые общество одобрить не может». «Но как добиться доверия общества? — возражал граф Витте. — Ведь доверие это может быть получено только делами, а для того, чтобы дела эти были, уже нужно иметь общественное доверие и общественное действие?»¹⁵ Милюков порекомендовал премьеру образовать временный кабинет, «деловое министерство», что граф и сделал¹⁶.

Главная причина отказа от сотрудничества с С. Ю. Витте либерально настроенных представителей общественности была в том, что они были недовольны неопределенностью и зыбкостью его политической программы, репутация же позволяла выражать критические замечания в адрес сановника более рельефно и отчетливо.

Были, впрочем, в обществе и те, кто полагал, что нужно постараться достигнуть согласия с правительством, невзирая на лица. В ноябре 1905 года на земско-городском съезде октябрист А. О. Немировский провозглашал: «Когда вспыхнул пожар, его надо тушить, не раздумывая над средствами. Не время заниматься оценкой деятельности графа Витте. Важно его положение, а не его личность. Нужно знать, что ему приходится вести войну на два фронта — и против реакции, и против крайних партий. Ему нужна поддержка со стороны общества, и мы должны ему дать эту поддержку»¹⁷.

Таким образом, сложившаяся репутация Витте как человека беспринципного и не заслуживающего доверия, как видно, меша-

ла ему на новом посту и не давала шансов достигнуть взаимопонимания с общественностью. Вместе с тем, нужно иметь в виду и особенности российского либерализма: лидеры кадетской партии неизменно отказывались входить в какой-либо коалиционный кабинет с бюрократами. Практически все политические инициативы о вхождении либералов во власть, по мнению Ф. А. Гайды, срывались именно по их вине¹⁸.

Недоверие к Витте испытывали и представители столичной бюрократии. Показательны воспоминания И. И. Толстого, которого Витте пригласил в свой кабинет на должность министра просвещения. Принять это предложение оказалось для И. И. Толстого совсем нелегко — он колебался и из-за своего отношения к премьер-министру: «Сам Витте внушал мне мало доверия: отдавая дань справедливости его уму и ловкости, мне казалось, что он должен быть человеком беспринципным, фальшивым и честолюбивым»¹⁹.

Положение премьера осенью 1905 года действительно было критическим. Князь В. М. Голицын 24 октября записал в дневнике: «Желающих помогать Витте не оказывается, а врагов много <...> и я не удивлюсь, если на ближайших же днях все начнет падать. Руками разводишь»²⁰.

В конечном итоге, граф был вынужден составить свой кабинет из представителей бюрократии, министром внутренних дел был назначен крайне непопулярный в обществе П. Н. Дурново.

Ситуация в стране была очень беспокойной. Параллельно с официальным правительством действовал Петербургский Совет рабочих депутатов, призывавший к неповиновению власти. В стране ширилось забастовочное движение, не прекращались беспорядки. Однако до конца ноября премьер не предпринимал энергичных мер по подавлению революционных волнений. По этому поводу в обществе существовали самые разные мнения.

Многие полагали, что граф растерялся. А. С. Суворин в «Новом времени» затронул болезненный для премьера вопрос о противостоянии его правительства с Советом рабочих депутатов, возглавляемым Г. С. Хрусталёвым-Носарем: «Завтра эти “молодцы” арестуют графа Витте и посадят его в казематы Петропавловской крепости... я нимало не удивлюсь»²¹. Статья явно задела Витте за живое, потому что он говорит о ней и на страницах своих воспоминаний²². Интересно мемуарное свидетельство при-

ближенного к премьеру журналиста И. И. Кольшко: «Когда Суворин написал: “Кто кого арестует — Хрусталёв Витте или Витте Хрусталёва”, Витте затрясся гораздо сильнее, чем от корректного вопроса Николая II: “Когда же Вы покончите с революцией?”»²³

Причину столь резкого отклика на злободневные политические события Суворин объяснил в одном из последующих фельетонов: «Меня спрашивают... как я мог похвалить г. Хрусталёва-Носаря... когда он из кожи вон лез, чтобы разорить и пустить по миру Россию. Отвечаю. Потому что я не вижу на противной стороне людей, которые “из кожи вон бы лезли” для того, чтобы спасти Россию»²⁴.

Высказался в беседе с великим князем Николаем Николаевичем по поводу этих статей Суворина и сам император: «Плохая у Витте печать... Даже “Новое время” и то поносит и отказывает ему в доверии». Суворин, узнав об этих словах Николая II, был уязвлен, и передал Витте через его секретаря: «Мы ничего от правительства и его главы графа Витте, ничего, решительно ничего не требуем <...> пусть требуют разные там Милюковы, Гесены, Винаверы и Пропперы. Мы только высказываем наши сомнения в результатах нерешительности действий правительства...»²⁵ В начале декабря публицист вновь разъяснил свою позицию публике: «Победит только сильный. Вот моя тема. Кто сильный, тот и победит»²⁶.

К обсуждению этой темы подключился в ноябре 1905 года и М. О. Меньшиков: «Ропот против графа С. Ю. Витте слышишь теперь в большом обществе. Рассчитывали в его лице найти человека сильной воли, решительной, активной, между тем продолжается все та же эра казенных бумаг и казенных слов, и даже тон последних потерял остатки прежней уверенности. <...> Так или иначе, общество изумлено и напугано параличом власти, похожим на содействие ее врагам». Далее Меньшиков прибегает к ловкому тактическому приему: выразить мнение, широко распространенное в обществе, но при этом не задеть Витте лично, смягчить удар, нанесенный Сувориным. Заверяя публику, что он продолжает верить в «государственный ум» премьер-министра, публицист пишет: «Позволю себе в качестве догадки приписать ему хитроумный план, который, если удастся, назовут, может быть, гениальным, если не удастся — безумным»²⁷.

Действия графа как следствие его растерянности и нерешительности расценивал и император. Николай II писал своей матери 10 ноября 1905 года: «...Не могу скрыть от тебя некоторого разочарования в Витте. Все думали, что он страшно энергичный и депотичный человек и что он примется сразу за водворение порядка, прежде всего. Между тем действия кабинета Витте создают странное впечатление какой-то боязни и нерешительности»²⁸.

В. А. Маклаков видел разгадку поведения Витте в его надеждах на активную поддержку либеральной общественности²⁹. По мнению В. В. Леонтовича, Витте искренне искал соглашения с представителями общественности. Он придавал этому настолько большое значение, что разработку ясной и четкой правительственной программы принес в жертву усилиям достигнуть соглашения с общественностью. «Конечно, это была ошибка, — писал В. В. Леонтович. Четко выработанная программа облегчила бы соглашение с оппозицией, так как определенность всегда обладает притягательной силой»³⁰. Такие мысли существовали и в окружении С. Ю. Витте, где, по утверждению чиновника министерства П. П. Менделеева, считали, что «сокровенным желанием» С. Ю. Витте «было остаться главным исполнительным органом сильной, возможно менее ограниченной верховной власти, и вместе с тем пользоваться доверчивой поддержкой русской общественности», и именно в этом была «его ошибка», ибо он хотел «примирить непримиримое»³¹.

Чрезмерные надежды Витте возлагал на периодическую печать. Уже на следующий день после издания Манифеста 17 октября он пригласил в свой особняк на Каменноостровском проспекте группу ее лучших представителей, «находя, что пресса может оказать наиболее существенное влияние на успокоение умов»³². Не углубляясь в детали этой встречи, которая не только подробно описана в воспоминаниях Витте, но и зафиксирована на страницах столичных газет, отмечу, что она не оправдала ожиданий премьер-министра. Признавая «какой-то особый вид помешательства масс», Сергей Юльевич сделал малоутешительный вывод: «...для меня было ясно, что опереться на прессу невозможно и что пресса совершенно деморализована. Единственные газеты, которые не были деморализованы — это крайние левые, но пресса эта открыто проповедовала архидемократическую рес-

публику... вся же правая (пресса. — Э. С.) поджала совсем хвост... замолкла и ожидала, куда судьба направит Россию. Итак, — резюмирует Витте, — ожидать помощи от помутившейся прессы я не мог»³³.

С Витте в оценке периодической печати в условиях революции был согласен и один из самых либеральных министров его кабинета граф И. И. Толстой. Отмечая подчас беззастенчивое передергивание фактов и лихость оценок, он вспоминал: «Как “Русские ведомости” не стесняются правдой, когда нужно доказать превосходство кадетских предвзятых теорий, так “Новое время” лжет на каждом шагу, когда нужно окатить помоями инородцев...» Российские периодические издания И. И. Толстой сравнивал с помойными ямами, в которых «только и делают, что подливают нечистоты»³⁴.

Витте продолжал пользоваться испытанными уже им ранее методами работы с прессой, которые в условиях существенных цензурных послаблений уже не были столь эффективными. Начальник Главного управления по делам печати А. В. Бельгард вспоминал, что Витте в середине октября обратился к нему с просьбой запретить одну из газет, в которой была помещена статья, порочащая честь правительства. Тогда, пишет Бельгард, я понял, насколько граф не ориентируется в новой ситуации, когда прессу практически невозможно было контролировать³⁵.

В январе 1906 года на одном из заседаний правительства Витте жаловался Совету министров, что всегда, когда он желает напечатать извещение или разъяснение существующих законов, ему приходится приложить немало усилий, чтобы найти, кто бы это напечатал³⁶.

В этих условиях как никогда стала ясной необходимость создания официальной газеты, которая бы разъясняла публике точку зрения правительства. Скучный официальный «Правительственный вестник» для этих целей явно не подходил. В результате долгих обсуждений было решено издавать газету «Русское государство» под редакцией верного премьеру А. Н. Гурьева³⁷. Уже в январе 1906 года выход «Русского государства» анонсировался практически во всех официальных изданиях Империи. Несмотря на широкую рекламу и серьезную подготовительную работу, с первых же дней выхода газеты возникли серьезные про-

блемы с ее распространением. 3 февраля 1906 года Гурьев докладывал Бельгарду о том, что «за первым номером газеты никто из газетчиков не явился, несмотря на неоднократные предупреждения о предстоящем выходе. Несомненная злоумышленность явствует уже из того, что газетчики не брали издания даже даром, ссылаясь на отсутствие разрешения со стороны своих контор и старост»³⁸.

По настоянию Витте в каждом министерстве и ведомстве был определен чиновник, который должен был следить за материалами печати, требующими немедленного опровержения. Эти опровержения печатались в «Русском государстве». Николай II добавил газету к числу читаемых им изданий. За период с 1 февраля по 1 мая 1906 года на «Русское государство» подписалось всего 1259 человек на общую сумму 2722 рублей³⁹. Популярность правительственной газеты в обществе была крайне низкой⁴⁰. В феврале 1906 года А. В. Богданович записала в своем дневнике: «Новую газету “Русское государство” все считают безобразной газетой. Ее ведет Гурьев, протеже Витте; ассигновано, чтоб ее поставить, 600 тысяч рублей, сотрудники там — Колышко, Мамонов — все клеветы Витте»⁴¹.

Степень участия Витте в издании этой газеты действительно не была секретом — многие, в их числе и В. И. Ленин, справедливо оценивали «Русское государство» как «виттевский орган»⁴².

В оппозиционной печати «Русское государство» подвергалось язвительным нападкам: особенно подчеркивалось, что создание газеты потребовало огромных казенных средств — 609 тысяч рублей, в том числе 9 тысяч на завтраки для сотрудников («бутерброды», по выражению, встречающемуся в сатирических журналах). Впоследствии бюджет правительственной газеты был увеличен до 900 тысяч рублей. Одно из стихотворений А. В. Амфиатрова, имевших широкое хождение, было посвящено «Русскому государству» и называлось «Стихира бутербродная»:

Хвален еси, сочинивший ны «Русское государство»!
Девять тысяч на завтраки, — что может быть слаше?
Восписуем же, братие, что — несть власти аще!
Девятьсот тысяч бюджета! — пляшите, зовите:
Славься сим, болярин, граф Сергей Юльевич Витте!⁴³

Эти стихи были, судя по всему, весьма популярны: в 1906 году их даже выпустили в Париже отдельной книгой⁴⁴.

Все же Витте продолжал работать с крупной печатью. По воспоминаниям его секретаря Спасского-Одынца, он внимательно следил за текущей печатью — российской и иностранной: «В сводках обзора иностранной печати, которые подавались мною графу два раза в неделю, красный карандаш графа изображал то знаки вопроса, то восклицания, то пометку на газете: “необходимо опровергнуть!”»⁴⁵

Разуверившись в возможности мирного пути успокоения страны, Витте перешел к жесткому подавлению революции. В конце ноября 1905 года был арестован Петербургский Совет рабочих депутатов, а в декабре подавлено московское вооруженное восстание.

Подобный переворот тактики министра был воспринят либеральной общественностью как двуличность и лицемерие. Эта тема становится центральной для сатирических журналов конца 1905—1906 гг.

Умом Вам Витте не понять,
Аршином чести не измерить...
Но время, кажется, сказать
Он может только лицемерить⁴⁶.

Нужно заметить, что в период революции сатирические издания буквально наводнили столицу. По сведениям «Петербургской газеты», только в январе 1906 года в столице вышло 35 политико-сатирических журналов, 14 из которых к февралю были запрещены, а 9 прекратились сами по себе⁴⁷.

В общественном мнении главными чертами Витте оказывались лукавство, лицемерие, беспринципность и отсутствие чекой политической позиции. В популярном сатирическом журнале «Спрут» была напечатана эпиграмма на Витте, характеризующая его политический облик:

Когда господь тебя творил,
Он миссию твою предвидел:
Стыдом тебя он не обременил,
Но языком лукавым не обидел⁴⁸.

Достаточно ясно репутация Витте как беспринципного политика запечатлена в стихотворении известного журналиста А. В. Амфитеатрова «Акафист смутителю неподобному Сергею Каменноостровскому» (дом графа С. Ю. Витте находился на Каменноостровском проспекте в столице. — Э. С.):

Радуйся, на два фронта играние всегдашнее!
Радуйся, забвение сегодня про вчерашнее!
Радуйся, готовность лгать в ежеминутие!
Радуйся, Хлестакова за пояс заткнутие!
Радуйся, друзей своих и сотрудников предательство!
Радуйся, новоиспеченное сиятельство!
Неподобный отче Сергие Каменноостровче,
Радуйся!⁴⁹

«Акафист» получил широкое нелегальное распространение во многих городах России, а за его хранение привлекали к судебной ответственности⁵⁰. Очевидно, данное стихотворение основывалось на его уже сложившейся к тому времени репутации и уж, во всяком случае, подпитывало ее.

Рис. 1. Карикатура на С. Ю. Витте в «Альбоме революционной сатиры»

Стремление Витте угодить одновременно и старым порядкам и приноровиться к новым обыгрывалось в известной карикатуре «Отставка и с левой и с правой», помещенной в журнале «Жупел». Граф изображался держащим в руках по флагу: в правой — российский трехцветный, а в левой — красный. Подпись под карикатурой гласила: «Его двуличная политика репрессий и побряжек не удовлетворяла левых, а после подавления революции не нужна стала и правым (самодержавию)»⁵¹. Рисунки в журнале поместили как анонимный, но согласно более поздним исследованиям, его ав-

тором был начинающий тогда художник Б. А. Кустодиев (рис. 1)⁵².

Как лицемерие расценивались и отдельные действия премьер-министра. В ноябре 1905 года Сергей Юльевич обратился к Петербургскому Совету рабочих депутатов с воззванием, которое начиналось со слов: «Братцы рабочие!»⁵³. Оно не имело успеха, а Совет откликнулся на этот призыв телеграммой, выражая «крайнее изумление бесцеремонности царского временщика, позволяющего себе называть петербургских рабочих “братцами”». Пролетарии ни в каком родстве с графом Витте не состоят»⁵⁴. По мнению камергера И. И. Тхоржевского, это обращение было одной из «политических безвкусиц» Витте⁵⁵.

Этот эпизод дал повод для критики многим оппозиционным изданиям, и в частности, на него откликнулся и Саша Черный:

В свет пустил святой синод
Без цензуры святы,
Витте-граф пошел в народ...
Что-то будет, б р а т ц ы?..⁵⁶

Примечательна карикатура «Я знаю, как спасти Россию» (рис. 2)⁵⁷. В цитируемом издании под рисунком имеется подпись: «Карикатура изображает графа Витте, за спиной которого находятся П. Н. Дурново в жандармской шапке, а также пушки и плетки, символизирующие карательные отряды»⁵⁸. В карикатуре обыгрывается беседа, якобы состоявшаяся между премьер-министром и делегацией «Союза 17 октября», в ходе которой Витте обронил фразу «Я знаю, как спасти Россию», усматривая рецепт спасения в союзе общественных сил с правительством. Как утверждал

Рис. 2. Карикатура на С. Ю. Витте в газете «Зарница»

один из делегатов, «вопрос этот остался невыясненным»⁵⁹. По поводу того, произносил ли премьер эту фразу, или это не более чем выдумка оппозиционной печати, мнения разделились. Так, об этой фразе пишет в своих мемуарах и И. В. Гурко, не ставя под сомнение, что она принадлежит Витте⁶⁰. А. С. Суворин в одном из своих «Маленьких писем», напротив, утверждал: «Я имею основание утверждать, что граф Витте никому не говорил этой фразы...»⁶¹ Сам Сергей Юльевич в одном из недатированных писем А. С. Суворину убеждал своего корреспондента: «Я вопреки газетным уверениям никогда и никому не говорил, что знаю как спасти Россию»⁶².

Так или иначе, эта фраза неоднократно цитировалась на страницах либеральных газет, и даже использовалась в откликах на смерть государственного деятеля в нескольких провинциальных газетах: «О графе Витте, когда он оказался главою русского правительства, говорили: “Он знает секрет спасения России”. И, кажется, говорили это со слов самого графа Витте», — писал журналист «Киевской мысли» в марте 1915 года⁶³. На мой взгляд, это свидетельствует о широкой известности обыгрываемого сюжета.

Назначение на пост министра внутренних дел П. Н. Дурново было очень непопулярной мерой и настроило общественность против правительства: «Мы не понимаем лишь одного, — вопрошали “Русские ведомости”, — как граф Витте не видит, что при таком управляющем министерством внутренних дел, как Дурново, призывы к успокоению теряют всякий смысл. Нельзя успокаивать страну, когда ежедневно, по непониманию или с общей целью, создается новый запас раздражения даже в тех кругах населения, которые сознают опасность господствующей анархии»⁶⁴. Сходным образом объяснил отказ сотрудничать с правительством лидер октябристов А. И. Гучков: «Мы в этом отношении бесполезны (в качестве членов правительства Витте. — Э. С.), потому что тот капитал, на который вы рассчитывали, будет в пять минут растрочен, если противник всякой общественности становится во главе министерства»⁶⁵. Репутация членов кабинета распространялась неизбежно и на графа.

Солидарны с либеральными оценками были и некоторые представители крайних течений. Л. Д. Троцкий, который в 1905 году был фактически лидером столичного Совета рабочих

депутатов, писал в одной из своих работ, посвященных революции: «Подлейший представитель подлых нравов русской бюрократии, проворовавшийся чиновник... Дурново был теперь извлечен из мусорного ящика, чтобы в качестве министра внутренних дел образовать противовес “либеральному” премьеру»⁶⁶.

В целом ряде сатирических произведений С. Ю. Витте и П. Н. Дурново выступают вместе. В одном из стихотворений П. Н. Дурново называется «пулеметным сродником» премьер-министра, а сам Сергей Юльевич величается «Его карательством»⁶⁷.

Вместе с тем, выступая как единомышленники, они выполняли разные функции:

Их только два,
Их всякий знает.
О них молва не умолкает.
Один, встречая,
Вас очарует,
Наобещает и поцелует.
Другой же в «стиле»
Совсем отличном
Не любит пыли
Пускать публично.
Глазком заметит,
Гонца спровадит,
Без шуму встретит
Да и посадит⁶⁸.

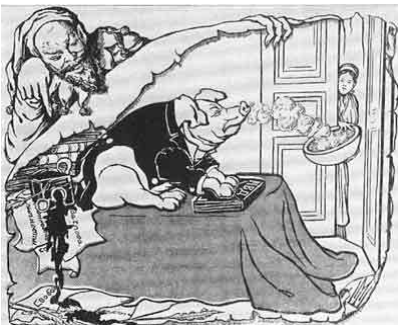

Рис. 3. Карикатура на С. Ю. Витте и П. Н. Дурново

Примечательна карикатура М. Л. Шафрана «Министр-клоун и свинья» (рис. 3)⁶⁹. В виде свиньи изображен П. Н. Дурново, что адресует к известной истории с его любовными похождениями, после которой Александр III наложил резолюцию: «Отправить эту свинью в Сенат!»⁷⁰. «Клоуном» же представлен Сергей Юльевич, при этом карикатура воспринимает закрепившуюся за

ним к этому времени репутацию. В частности, «министром-клоуном» назвал Витте В. И. Ленин в одной из своих статей уже в октябре 1905 года. Расценивая его действия как беспринципность и оппортунизм, будущий лидер большевиков заявлял: «Витте потирает от удовольствия руки, видя “великие” успехи своей удивительно хитрой игры. Он сохраняет невинность либерализма. <...> А в то же время он приобретает вместе с невинностью и капитал, ибо он остается главой царского правительства, сохраняющего в своих руках всю власть и выжидающего лишь наиболее удобного момента для перехода в решительное наступление против революции. Это — министр-клоун по своим приемам, “талантам” и по своему назначению»⁷¹.

Оценка Витте как «клоуна» (или «жонглера»⁷²) была наиболее общей для критиков премьер-министра «слева». Его прагматизм рассматривался не иначе, как «вилание хвостом»⁷³ и политиканство: «Граф Витте поправел! Граф Витте полевел! То и другое делается с помощью языка»⁷⁴.

В доступных нам материалах перлюстрации переписки Витте и Дурново часто воспринимаются как представители ненавистного правительства и действуют заодно. Один из воинственно настроенных представителей общества писал в перехваченном послании: «Реакция победила. И подлая компания Витте-Дурново и проч. сволочи, во главе со своим коронованным ослом (имеется в виду Николай II. — Э. С.), восторжествовала»⁷⁵. Автор частного письма, датированного 1907 годом, называл Витте «всероссийским мошенником», при этом отмечая его «бравых сотрудников Трепова и Дурново»⁷⁶. Такие оценки правительства «Витте—Дурново» в просмотренных документах не единичны⁷⁷.

Вряд ли эти нападки на С. Ю. Витте были главной причиной падения его популярности, но одно ясно наверняка: уже с начала 1906 года премьер стал одиозной в общественном мнении фигурой. В январе 1906 года Николай II писал своей матери императрице Марии Федоровне: «Витте после московских событий резко изменился, теперь он хочет вешать и расстреливать. Я никогда не видел такого хамелеона или человека, меняющего свои убеждения, как он. Благодаря этому свойству почти никто больше ему не верит; он окончательно потопил самого себя в глазах всех, может быть, исключая заграничных жидов»⁷⁸. Император

верно оценивал ситуацию: уже с начала 1906 года, как свидетельствуют материалы перлюстрации, градус недоверия к Витте в обществе достигает предела. В одном из перехваченных писем читаем: «Настроение в Петербурге подавленное <...> Вообще, тучи сгущаются. Витте ненавидим всеми»⁷⁹. Отправитель другого анонимного послания убеждал своего корреспондента, что «шансы Витте остаться у власти невелики»⁸⁰.

2 апреля 1906 года, после сложных и длительных переговоров Витте удалось получить французский займ в 10 млн рублей, спасший от краха финансы России, ослабленной войной и революцией. Дни Витте на посту премьер-министра были сочтены.

Таким образом, среди либеральной общественности за С. Ю. Витте закрепились репутация «министра-клоуна» и политика неоправданного компромисса. Восприятие С. Ю. Витте представителями оппозиционной интеллигенции в 1905—1906 гг. высветило важные изменения в общественно-политической жизни России, произошедшие после издания Манифеста 17 октября 1905 года. Долгое время основным ресурсом в борьбе бюрократа за власть в Российской империи была поддержка именитых сановников, приближенность к влиятельным политическим салонам. После 17 октября 1905 года, приведшего к некоторой либерализации общественно-политической жизни и свободе печати, ситуация существенно меняется. Борьба за симпатии общественного мнения становится важнейшей частью карьерной стратегии бюрократа, претендующего на политическое влияние.

Примечания

- ¹ Цит. по: *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* С. Ю. Витте и его время. СПб., 1999. С. 121.
- ² *Флоринский В. М.* Заметки и воспоминания // Русская старина. 1906. № 6. С. 606.
- ³ Письма Победоносцева к Александру III. М., 1925. Т. 1. С. 248 ; *Воллан Г., де.* Свободное слово о современном положении России. Берлин, 1881. С. 84.
- ⁴ Об истории и современном понимании понятия см.: *Смирнов Н. Н.* Российская интеллигенция: к вопросу о дефинициях // Историк и революция : сб. ст. к 70-летию со дня рождения О. Н. Знаменского. СПб., 1999. С. 41—52.

- ⁵ Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого : правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 22—27. См. также мемуары одного из лидеров кадетской партии В. А. Маклакова: *Маклаков В. А. Власть и общественность на закате старой России*. Париж, 1936.
- ⁶ См.: Из архива С. Ю. Витте : воспоминания : в 3 т. СПб., 2003. Т. 2. С. 112.
- ⁷ *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* Указ. соч. С. 231—346 ; *Ганелин Р. Ш.* Российское самодержавие в 1905 году : реформы и революция. СПб., 1991 ; *Тютюкин С. Ю.* Сергей Юльевич Витте и революция 1905—1907 гг. в России. URL: <http://www.ecsocman.edu.ru/data/956/680/1219/006Tyutyukin.pdf> (дата обращения: 3.05.2011) ; *Островский А. В.* С. Ю. Витте, М. А. Ушаков : к истории манифеста 17 октября 1905 г. // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX—XX века. СПб., 1999. С. 364—374 ; и др.
- ⁸ К 1900 г. грамотное население в столице составило 70,5 %, а в Москве — 66 % (*Лихоманов А. В.* Борьба самодержавия за общественное мнение в 1905—1907 годах. СПб., 1997. С. 19).
- ⁹ Используются издания: Альбом революционной сатиры / под ред. *С. И. Мицкевича*. М. ; Л., 1926 ; Стихотворная сатира первой русской революции (1905—1907). М., 1985 ; *Исаков С.* 1905 год в сатире и карикатуре. М., 1928. Привлекается также ряд сатирических произведений из фондов Государственного архива РФ (далее — ГАРФ).
- ¹⁰ Дневник А. А. Половцова. Запись 15 сентября 1905 г. // Красный архив. 1924. Т. 4. С. 63.
- ¹¹ Дневник В. М. Голицына. Запись 15 сентября 1905 г. // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее — ОР РГБ). Ф. 75. Кн. 26. Л. 32.
- ¹² Цит. по: *Ганелин Р. Ш.* Указ. соч. С. 38.
- ¹³ См.: *Маковицкий Д. П.* [Дневник]. Запись 9 января [1905] // *Маковицкий Д. П. У Толстого, 1904—1910* : в 5 кн. М., 1979. Кн. 1 : 1904—1905. С. 130.
- ¹⁴ *Маклаков В. А.* Указ. соч. С. 439.
- ¹⁵ *Милюков П. Н.* Воспоминания : в 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 361.
- ¹⁶ Там же. С. 325.
- ¹⁷ Цит. по: *Власть и оппозиция : российский политический процесс XX столетия*. М., 1995. С. 54.
- ¹⁸ *Гайда Ф. А.* Кадеты и власть: горе от ума? // *Вопросы истории*. 2001. № 3. С. 91.
- ¹⁹ Мемуары И. И. Толстого. М., 2002. С. 36.

- ²⁰ Дневник В. М. Голицына. Запись 24 октября 1905 г. // ОР РГБ. Ф. 75. Кн. 25. Л. 64.
- ²¹ Суворин А. С. Маленькое письмо // Новое время. 1905. 8 нояб.
- ²² Из архива С. Ю. Витте. Т. 2. С. 266.
- ²³ Кольшико И. И. Великий распад : воспоминания / сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. И. В. Лукоянова. СПб., 2009. С. 328.
- ²⁴ Суворин А. С. Маленькое письмо // Новое время. 1905. 29 нояб.
- ²⁵ См.: Ганелин Р. Ш. С. Ю. Витте — первый председатель Совета Министров Российской империи в воспоминаниях А. А. Спасского-Одынца // Английская набережная, 4 : ежегодник. СПб., 1997. С. 325—342.
- ²⁶ Суворин А. С. Маленькое письмо // Новое время. 1905. 8 дек.
- ²⁷ Меньшиков М. О. Письма к ближним. Два врага // Новое время. 1905. 11 нояб.
- ²⁸ Цит. по: Мартынов С. Д. Государственный человек Витте. СПб., 2008. С. 415.
- ²⁹ См.: Из архива С. Ю. Витте. Т. 2. С. 526.
- ³⁰ Леонтович В. В. История либерализма в России, 1769—1914 гг. М. ; СПб., 1995. С. 486.
- ³¹ Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. Указ. соч. С. 71.
- ³² Из архива С. Ю. Витте. Т. 2. С. 251.
- ³³ Там же. С. 253.
- ³⁴ Мемуары И. И. Толстого. С. 50—51.
- ³⁵ Бельгард А. В. Воспоминания. М., 2009. С. 259—260.
- ³⁶ Дейли Дж. Пресса в России (1906—1917) // Вопросы истории. 2001. № 10. С. 28.
- ³⁷ Деятельность Витте в борьбе за общественное мнение подробно изучена; см., напр.: Лихоманов А. В. Указ. соч. С. 32—56.
- ³⁸ Там же. С. 46.
- ³⁹ Там же. С. 51.
- ⁴⁰ Газета П. А. Столыпина «Россия», выходявшая в годы его премьерства, также не пользовалась популярностью у читающей публики.
- ⁴¹ Богданович А. В. Три последних самодержца. М., 1990. С. 368.
- ⁴² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 311.
- ⁴³ Амфитеатров А. В. Стихира бутербродная // Стихотворная сатира первой русской революции. С. 123.
- ⁴⁴ Изначально эти стихи вместе с «Акафистом Сергею Каменноостровскому» были опубликованы в газете «Русь» 19 марта 1906 г. и вызвали недовольство власти. Газета была закрыта, а главный редактор «Руси» арестован (см. подробнее: Стихотворная сатира первой русской революции. С. 507).

- ⁴⁵ Цит. по: *Ганелин Р. Ш.* С. Ю. Витте — первый председатель Совета министров Российской империи... С. 329.
- ⁴⁶ Гвоздь. 1906. № 2. Цит. по: *Исаков С.* Указ. соч. С. 116. См. также: *Неизвестный автор.* Подражание Тютчеву // Стихотворная сатира первой русской революции. С. 427.
- ⁴⁷ Петербургская газета. 1906. 2 февр.
- ⁴⁸ Спут. 1906. № 2. Цит. по: *Исаков С.* Указ. соч. С. 116.
- ⁴⁹ *Амфитеатров А. В.* Акафист смутителю неподобному Сергию Каменноостровскому, во графех сущу и славу вселенскую вельми приывшему государственной магии профессору, всего Петрограда оберкувыркателью и, префокусная колена творяй, царедворцу // Стихотворная сатира первой русской революции. С. 118—122.
- ⁵⁰ Стихотворная сатира русской революции. С. 506—507.
- ⁵¹ Альбом революционной сатиры. С. 117.
- ⁵² *Сидоров А. А.* Русская графика начала XX века. М., 1969. С. 127.
- ⁵³ «Братцы рабочие! Станьте на работу, бросьте смуту, пожалейте ваших жен и детей, не слушайте дурных советов. <...> Дайте время, — все возможное будет для вас сделано. Послушайте совета человека, к вам расположенного, желающего вам добра» (цит. по: Русские ведомости. М., 1905. 4 нояб.).
- ⁵⁴ Цит. по: Новая жизнь. 1905. 7 нояб.
- ⁵⁵ *Тхоржевский И. И.* Последний Петербург : воспоминания камергера. СПб., 1999. С. 79.
- ⁵⁶ *Саша Черный.* Чепуха. 1905 г. // Саша Черный. Собр. соч. : в 5 т. М., 1996. С. 56.
- ⁵⁷ Зарница. 1906. № 1.
- ⁵⁸ Альбом революционной сатиры. С. 53.
- ⁵⁹ У графа Витте // Молва. СПб., 1905. 29 дек.
- ⁶⁰ *Гурко И. В.* Указ. соч. С. 464.
- ⁶¹ *Суворин А. С.* Маленькое письмо // Новое время. СПб., 1906. 15 янв.
- ⁶² Письма С. Ю. Витте А. С. Суворину. 11 июня. [после 1906 г.] Гамбург // Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 459. Оп. 1. Д. 719. Л. 158.
- ⁶³ *Иванов Н.* Секрет // Киевская мысль. 1915. 7 марта. См. также: Тень прошлого // Астраханский листок. 1915. 1 марта ; Граф Сергей Юльевич Витте // Заря. Киев, 1915. 8 марта.
- ⁶⁴ Русские ведомости. М., 1905. 22 нояб.
- ⁶⁵ Александр Иванович Гучков рассказывает... // Воспоминания председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства. М., 1993. С. 40—41.

- ⁶⁶ *Троцкий Л. Д.* Наша революция. Ч. 2. URL: <http://www.magister.msk.ru/library/trotsky> (дата обращения: 25.05. 2011).
- ⁶⁷ *Леший.* Его карательству (Прощальная ода) // Ерш. Томск, 1906. № 4. Цит. по: *Исаков С.* Указ. соч. С. 121. См. также: *Кауфман М. С.* Захочу-полюблю // Стихотворная сатира первой русской революции. С. 269.
- ⁶⁸ *Неизвестный автор.* Кто они? // Стихотворная сатира первой русской революции. С. 276—277. См. также: *Неизвестный автор.* Родственники // Там же. С. 438—439; *Соболев Д.* У думских ворот // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 35. Л. 45.
- ⁶⁹ Паяц. 1906. № 2.
- ⁷⁰ *Тхоржевский И. И.* Указ. соч. С. 66.
- ⁷¹ *Ленин В. И.* Между двух битв. 15 ноября 1905 // Полн. собр. соч. Т. 12. С. 50; *Он же.* Планы министра-клоуна // Там же. Т. 16. С. 313.
- ⁷² *Неизвестный автор.* Жонглер // Стихотворная сатира первой русской революции. С. 474—475.
- ⁷³ *Ленский Вл.* Сказанье о лисьем хвосте // Там же. С. 289—290.
- ⁷⁴ Цит. по: *Исаков С.* Указ. соч. С. 117.
- ⁷⁵ Выписка из письма с подписью «Саша», Казань, от 6 января 1906 г., к Анисии Малининой, в Женеву, ул. Каруж, 91, у г-жи Шилт // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 45. Л. 11.
- ⁷⁶ Выписка из письма с подписью С. Л. Кобылинский // Там же. Д. 156. Л. 60 об.
- ⁷⁷ Там же. Д. 45. Л. 4; Д. 71. Л. 2, 34; Д. 75. Л. 36.
- ⁷⁸ Письмо императора Николая Александровича к императрице Марии Федоровне, 2 ноября 1905 г. (цит. по: Воспоминания: из бумаг С. Е. Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской империи. СПб., 2009. С. 87).
- ⁷⁹ Выписка из письма с подписью Маруся, С. Петербург, от 1 января 1906 г., к Т. И. Троицкой, в Зубцов, Тверской области // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 45. Л. 27.
- ⁸⁰ Выписка из письма С. Петербург, от 15 января 1906 г., к В. С. Григоровой, в Рузу, Московской губернии, им. Лихачево // Там же. Л. 41.

ББК 63.3(2)531

В. В. Шабунин

ОЦЕНКА МИССИОНЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ОБЩЕСТВЕННОМ МНЕНИИ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ НА РУБЕЖЕ XIX—XX вв.

Исторический опыт показывает, что отношения между интеллигенцией и Русской православной церковью (РПЦ), выражая различные типы мировосприятия и мироощущения, составляют в целом тот стержень, который придает внутреннее единство национальной культуре. По мнению, бытующему среди значительной части современной интеллигенции, православная вера, носителем и распространителем которой выступает РПЦ, может обеспечить развитие общества на принципах нравственности и возрождения России как уникального духовного конгломерата. В этой связи очевидно, что плодотворному сотрудничеству современного образованного общества и РПЦ будет способствовать анализ опыта взаимоотношений интеллигенции и Русской церкви на рубеже XIX—XX вв. Этот опыт, который учитывает как положительные, так и отрицательные моменты миссионерской деятельности РПЦ, свидетельствует о том, что в результате диалога русской интеллигенции и православного духовенства была сформирована определенная нравственная основа, которая помогала разрешить часть проблем в социокультурной сфере развития российского общества.

© Шабунин В. В., 2012

Шабунин Вадим Владимирович — аспирант кафедры истории и политологии Государственного университета управления (Москва). vadin.shabunin@bk.ru

Анализ источников и литературы по избранной проблематике позволяет исследователю условно выделить пять основных направлений во взглядах представителей русской интеллигенции, обсуждавших проблему миссионерской деятельности РПЦ. К первому — относятся консерваторы, поддерживающие политику Синода в деле распространения православия среди населения Российской империи, подчеркивающие значимость такой работы и предлагающие новые пути развития миссионерства. Представители второго направления, стоя на позициях либерализма, подвергали резкой критике формы, методы и способы пропаганды православия и выступали за конфессиональную свободу. К третьему — следует причислить выразителей славянофильства, которые видели подлинную самобытность России в православии, признавая только эту веру за единственно истинное христианство. В особую дефиницию можно выделить специфические воззрения на рассматриваемую проблему Л. Н. Толстого, чье авторитетное мнение послужило причиной возникновения нового самостоятельного религиозно-нравственного течения — толстовства. И, наконец, к последнему направлению можно отнести особую группу представителей русской интеллигенции рассматриваемого периода — религиозных философов конца XIX — начала XX в.

Детально анализируя эти направления общественной мысли русской интеллигенции рубежа XIX—XX вв., следует учитывать тот факт, что их диалог с властью формировался в условиях кризиса РПЦ, проявляющегося в следующих противоречиях и деформациях:

- Российская империя в конце XIX — начале XX в. представляла собой целый клубок противоречий (экономических, политических, социальных, этических и религиозных);
- политический союз церкви и самодержавной власти часто подрывал доверие к миссионерам, что приводило к снижению их авторитета среди жителей страны;
- в пореформенное время само духовенство как сословие «размылось» и только небольшая часть сыновей священников продолжали дело отцов. Так, по данным Б. Н. Миронова, в Москве в 1882 г. из 6 319 лиц духовного сословия отправлением культа были заняты всего 40 %, остальные служили чиновника-

ми, педагогами, врачами, представляли творческие профессии, 450 человек работали наемной прислугой и 134 человека являлись деклассированными элементами¹. Это обстоятельство негативно отражалось на авторитете священников среди прихожан; нарастающая маргинализация крестьянства и предреволюционное «брожение» народных масс приводили к развивающейся тенденции изменения этических православных ценностей, втягивая часть населения в орбиту атеистического влияния.

Одним из «столпов» консервативных кругов рубежа XIX—XX вв. являлся руководитель Священного синода, крупный ученый-юрист К. П. Победоносцев. Он неоднократно подчеркивал значимость миссионерской деятельности РПЦ для русского народа, ибо только православие, с его точки зрения, способно оставаться стабильным духовным ориентиром для населения Российской империи в условиях существующих социально-политических противоречий. «Верую народ наш держится донныне посреди всех невзгод и бедствий, — полагал обер-прокурор, — и если что может поддержать его, укрепить и обновить в дальнейшей истории, так это — вера, и одна только вера церковная»². Поэтому в народной среде существовали все предпосылки для плодотворной работы православных миссионеров. Для повышения эффективности такого рода работы, с точки зрения К. П. Победоносцева, необходимо, чтобы пастыри РПЦ «не отделялись» от народа, а стремились к единению с ним во всех сферах жизни людей. Он полагал, что основным стержнем, скрепляющим РПЦ и народ, должна быть: «любовь народа к Церкви, свободное сознание полного общения в Церкви, понятия о Церкви, как общем достоянии и общем собрании, полнейшее устранение сословного различия в Церкви и общение народа с служителями Церкви, которые из народа вышли и от него не отделяются в житейском быту, ни в добродетелях, ни в самих недостатках, с народом и стоят и падают»³. Обер-прокурор предлагал совершенствовать миссионерскую деятельность РПЦ на качественном уровне, традиционно уделяя особое внимание профилактике отпадения верующих от православия. «Это такое поле, на котором можно взрастить много добрых плодов, — отмечал К. П. Победоносцев, — если работать вглубь, заботясь не столько об улучшении быта, сколько об улучшении духа, не столько о

том, чтобы число церквей не превышало потребности, сколько о том, чтобы потребность в Церкви не оставалась без удовлетворения»⁴.

Следует отметить тот факт, что глава Священного синода всегда очень внимательно относился к миссионерству: входил в мелкие подробности, касающиеся миссионерского дела, интересовался различными его деталями, погружался в нужды православной миссии, оказывал ей постоянную денежную помощь из имеющихся в его личном распоряжении средств, а также привлекал благотворительные пожертвования. Так, например, в письме к епископу Томскому от 5 февраля 1890 г. К. П. Победоносцев писал: «По телеграмме Вашей Вам отправляю 488 рублей, а по нынешнему Вашему письму следует лишь 288. Оказывающиеся излишними 200 рублей не трудитесь возвращать. Эта сумма... пусть будет обращена на нужды Миссии, коих у Вас не мало»⁵.

Известный публицист 70—80-х гг. XIX в. М. Н. Катков, стоящий на позициях русского консерватизма, видел в миссионерстве РПЦ, прежде всего, средство для достижения государственных задач, а именно: активизацию процессов ассимиляции народов, недавно вошедших в пределы Российской империи. По его мнению, связь между православием и русской нацией несомненна. «Россия есть носительница православия, и вселенское православие исповедуется в России как русская вера»⁶. Из этого он делает вывод: «С чисто государственной точки зрения на приращение паствы православной церкви никак нельзя смотреть как на дело второстепенной важности... Деятельность православных миссионеров, особенно на окраинах России и в Сибири, имеет значение не только церковное, но и государственное. Миссия трудиться над “внутренним слиянием” различных элементов, входящих в состав Русского государства, и тем самым как бы довершает работу устроения земли русской, завещанную нам предками. В этом отношении миссионерство или, вернее сказать, православие, как орудие его действия, надежнее, как мы уже говорили раз, всех средств»⁷. М. Н. Катков предлагал государству более энергично способствовать миссионерской деятельности РПЦ и прежде всего путем финансовой поддержки миссионеров и предоставления различных преференций и льгот для лиц, перешедших в православие.

Оппонентами М. Н. Каткова в конце XIX — начале XX в. выступали многие представители интеллигенции. В печати появляется все больше работ, конструктивно критикующих государственную политику по отношению к малым народам России. Так, этнограф и писатель, исследователь русского Севера К. Д. Носилов в своем рассказе «Батя» дал крайне отрицательную оценку миссионерскому делу РПЦ. Причем любопытен тот факт, что он, в отличие от многих представителей русской интеллигенции рассматриваемого периода, прямо возлагает вину за неудачи в деле распространения христианства на действующее правительство. Так, главный герой его книги старый священник-миссионер, служащий в бедном вогульском приходе, не может эффективно вести свою проповедническую работу по причине катастрофически низкого социального, экономического и интеллектуального уровня местного населения. «Веры как-то нет у этого дикаря в самого себя, теряется он перед каждою случайностью: тресни в лесу дерево, он уже убежден, что это шайтан; ударь молния в дерево и расщепи его, он уверен, что это нарочно дает о своем гневе понятие ему нечистый; случись что-нибудь с ружьем, дай оно осечку, лопни струна лука, — он уже бежит вон из лесу в ужасе и рассказывает всем, что его преследует нечистая сила, и так рассказывает, что не поверить ему нельзя, потому видишь, по лицу его видишь, что он сам убежден, что это так и было, и даже ужас на вас наведет своими таинственными повествованиями, — вот как. И поди убеди его, что все это пустое, — заканчивает свой рассказ миссионер, — он замотает головой и убежит прочь»⁸. По мнению Носилова, решением подобного рода трудностей в миссионерском деле РПЦ должна стать систематическая государственная политика в области улучшения социально-экономического положения населения страны. «Только накормивши досыта голодного, отогревши его и, одним словом, поставивши инородца в условия человеческого существования — только тогда и надо предлагать ему “небесное”; до этого же времени подобные стремления, при всей даже искренности их, будут совершенно безрезультатными попытками»⁹.

Нельзя обойти стороной мнение и другого выдающегося русского писателя и этнографа — П. И. Мельникова (Печерского). Он на практике был хорошо знаком с миссионерским делом

РПЦ, так как длительное время служил чиновником особых поручений Министерства внутренних дел по искоренению церковного раскола. В силу этого обстоятельства, его позиция наиболее важна для правильного понимания миссионерства РПЦ. Он предлагал модернизировать методы распространения христианства. С его точки зрения, не нужно препятствовать пропаганде старообрядческого учения, а наоборот, чем больше населения узнает о расколе, тем проще его будет осудить и искоренить в народной среде. Именно в бесконфликтности и гласности в деле миссии РПЦ П. И. Мельников видел залог успеха такого дела. «Желать напечатания всех раскольнических сочинений, как бы дерзко ни отзывались они о церкви и правительстве, — подчеркивает он, — значит желать блага и преуспевания этому самому православию и этому самому правительству. Православию ли бояться тьмы и наветов невежества, которые имеют силу лишь до той поры, пока они не выйдут на свет божий? Кто думает противное, тот оскорбляет достоинство православия. Все, все вышедшее из-под пера расколоучителей непременно следует напечатать, а потом все дело подвергнуть строгому анализу и выставить на страшный, неподкупный суд общественного мнения. Гласность, народные школы и совершенное отсутствие даже мало-мальских религиозных преследований — вот единственно верные средства к тому, чтобы раскол пал сам собою. Не надо забывать, что все эти средства не только допускаются, но даже проповедаются православием»¹⁰.

Выдающийся дипломат и переводчик, публицист и поэт, умеренный консерватор, входивший в круг лиц, приближенных к царю Николаю II, находившийся ряд лет на дипломатической службе на Дальнем Востоке, князь Э. Э. Ухтомский настойчиво рекомендовал РПЦ обратить особое внимание на нравственный облик православного миссионера. Именно в этом он видел самую действенную меру усиления миссионерства. «Нравственными качествами и вообще сознанием долга... отличаются редкие проповедники, — писал он, — большинство невежественно до крайней степени, ожесточено и лишено малейшего такта»¹¹. Хорошо знакомый с деятельностью православной миссии в Забайкалье Э. Э. Ухтомский считал полезным связать дело распространения православия с реальной помощью представителям других кон-

фессий, а для этого необходимо увеличение финансирования деятельности православных миссионеров.

Рассматривая либеральное направление предложенной нами классификации, следует отметить тот факт, что его представители призывали к переходу от «закостенелой» системы официальной миссии РПЦ к прогрессивным методам распространения православия в условиях свободной «конкуренции» в миссионерском деле всех вероисповеданий. Так, известный русский историк, член кадетской партии С. П. Мельгунов полагал, что миссионерская деятельность РПЦ носит «нездоровый» характер, так как зависима от государства и ущемляет свободу религиозного выбора населения Российской империи. Осуждая негуманные методы распространения христианства, Мельгунов призывал церковь и государство к радикальным изменениям в деле миссионерства, отмечая, что сложившееся положение дел лишь обостряет общественные противоречия внутри страны. «А что из себя представляли в огромном большинстве случаев наши миссионеры еще в недавнюю пору, — задавал риторический вопрос С. П. Мельгунов, — в те победоносцевские времена, когда официально числилась эра расцвета казенного православия? Стоит лишь в уме перелистать скорбные страницы летописей религиозных гонений на рубеже XX века, чтобы нарисовать себе яркую картину. Духоборческая эпопея, павловские сектанты, священные черемисские рощи, бесчисленные сектантские процессы, отобрание детей, провокаторство, архиепископ харьковский Амвросий, распространяющий брошюру “Проклятый штундист” с призывом к избиению сектантов, епископ Исидор, разрывающий старообрядческие могилы и сжигающий трупы, и мн. др., — вот что невольно приходит на память»¹². Факты, взятые из архивных источников, в значительной степени подтверждают правоту позиции Мельгунова. Так, 11 февраля 1894 г. миссионер архимандрит Исидор Колоколов, прибыв с полусотнею казаков в старообрядческий Никольский скит-приют (близ станции Кавказ Кубанской области), самовольно объявил скит отобранным у старообрядцев вместе со всем его имуществом. Живших в этом ските иноков, не согласившихся изменить старообрядчеству, выгнали из келий и приказали им покинуть скит. Старообрядческого епископа Силуана, проживавшего в Никольском скиту, по распоряжению архи-

мандрита Колоколова, атаман станицы Кавказской арестовал и препроводил под конвоем казаков на ближайшую железнодорожную станцию. Силуан был заключен в тюрьму и сослан в станицу Урюпинскую. А 7 февраля 1896 г. архимандрит Исидор в отбранном ските пошел на открытое глумление над покойными. Он приказал разрыть могилы старообрядческих епископов Иова и священника Григория, достать оттуда их тела, оказавшиеся не разложившимися, изрубить гробы, облить их керосином и сжечь на них тела епископов Иова и Григория¹³.

Развивая свои либеральные взгляды, С. П. Мельгунов доказывает причинно-следственную связь между нетолерантной миссионерской политикой церкви и государства и обострением межконфессиональных противоречий среди населения Российской империи. Он отмечал, что «тысячи фактов свидетельствуют между тем о полной веротерпимости, присущей народной массе. И странно, в этих редких, единичных даже явлениях враждебного отношения к сектантам в деревне, мы почти всегда встречаем определенное указание на воздействие со стороны, — мало того, мы видим, как население, жившее в течение долгого ряда лет в полном согласии и в ладу с сектантами, без всякого видимого повода настраивается неожиданно враждебно по отношению к сектантству»¹⁴.

И сегодня не утратила своего значения оценка миссионерской деятельности РПЦ писателем и этнографом А. Я. Максимовым, хорошо знавшим быт дальневосточного региона России. В своей работе «Два миссионера», он показывал два противоположных образа современных ему миссионеров, которые отражают истинное положение миссионерского дела «на местах» в рассматриваемый период. Так, с одной стороны, описан портрет иеромонаха отца Николая миссионера-подвижника, который своим личным примером выражает православные идеалы аскезы и толерантного отношения к представителям иных конфессий, при этом распространяя христианство путем мирной проповеди. С другой стороны, Максимов изображает совершенно иной тип миссионера-иеромонаха отца Петра, нередко встречавшегося в церковной среде. Миссионерская работа осуществляется им на «скорую руку», «из-под палки», из-за боязни перед архиерейским руководством. По мнению А. Я. Максимова, результаты такой работы приводят лишь к временному количественному увеличе-

нию числа православных и не приносят существенных плодов. В связи с этим, он призывает руководство РПЦ обратить внимание на данную проблему и осуществлять миссионерскую деятельность с большей готовностью и подвижничеством¹⁵.

Самый «народный» из русских писателей рубежа XIX—XX вв., Н. С. Лесков, прекрасно знавший быт крестьян-раскольников, имел свое особое мнение о миссионерстве РПЦ. Он отмечал, что неудачи в деле распространения христианства, прежде всего, связаны с низким образовательным уровнем народных масс. Это обстоятельство является, с его точки зрения, основной причиной малоэффективной работы православных миссионеров. Их работа, проводящаяся с малограмотным, интеллектуально и религиозно «зашоренным» населением, была безрезультативной. Единственный выход из сложившейся кризисной ситуации Лесков видит в том, чтобы миссионеры стали «показывать христианство от своего жития доброго». Развивая этот тезис, он создает литературный образ такого идеального миссионера-иеромонаха Кириака. Последний приводил людей к православию лишь благодаря своим нравственным качествам, окружая постоянной заботой и вниманием свою паству. Осознавая сложность практической реализации такого типа миссионерства «на местах», автор крайне скептически оценивает усилия церкви в миссионерском деле. «В миссионерстве, — подчеркивает Лесков, — если и делается что-то, то как-то само делается...»¹⁶. Тем самым автор намекает на отсутствие последовательной централизованной политики РПЦ в деле миссии, а следовательно, малопродуктивность ее работы, потому что региональное миссионерство часто базируется только на активности местных миссионеров-энтузиастов.

Один из выдающихся представителей славянофильства рубежа XIX—XX вв., Ю. Ф. Самарин, критически относился к миссионерской деятельности РПЦ, решительно осуждая сотрудничество миссионеров с полицией. По его мнению, никакие формы принуждения, тем более полицейского принуждения, не допустимы в миссионерстве, и, более того, РПЦ тем самым дискредитирует себя в лице населения страны, поэтому дело распространения христианства проходит с трудом. Самарин отмечал, что «вера не палка, и в руках того, кто держит ее как палку, чтобы защищать себя и пугать других, она разбивается в щепы. Вера

служит только тому, кто искренне верит, а кто верит, тот уважает ее, тот поможет смотреть на нее как на средство. Требование от веры какой бы то ни было полицейской службы есть не что иное, как своего рода проповедь неверия, может быть, опаснейшая из всех по ее общепонятости...»¹⁷. Необходимо отметить тот факт, что позиция Самарина не беспочвенна. Так, в справке о фактах преследования старообрядцев, имевших место в различных губерниях за 1894—1899 гг., обнаруженной автором данной статьи в архиве, упоминаются следующие факты реальной действительности. В 1897 г. в домовый молельне старообрядческого священника Григория Максимова (в деревне Полушино Семеновской волости Гжатского уезда Смоленской губернии) миссионер о. Клитин с приставами и понятыми забрал богословские книги, свечи, иконы и другие церковные принадлежности. После многих хлопот собранные вещи были возвращены. А 27 июня 1900 г. в старообрядческой молельне деревни Елохиной Вятской волости Ярославской губернии чины полиции и православного духовенства изъяли церковные вещи и облачения, а алтарь в ней запечатали. Церковная утварь была возвращена только через месяц (26 июля), благодаря жалобам прихожан администрации губернии¹⁸.

Председатель киевской археографической комиссии М. В. Юзефович идет в своих воззрениях еще дальше, утверждая, что нет смысла продолжать миссионерскую работу среди мусульман, которые, с его точки зрения, «не способны понять всю глубину христианского учения». Он отмечал, что «такая особенность в умственном складе магометан служит магометанству непроницаемой броней, о которую должны разбиться все миссионерские попытки христиан»¹⁹. М. В. Юзефович придавал важное значение атмосфере, в которой воспитываются люди; поэтому он полагал, что каждому человеку, выросшему в исламской среде, тяжело воспринять догматы православной веры. В связи с этим, он считал наиболее эффективным методом распространения влияния РПЦ в исламских регионах постоянную работу миссионеров с мусульманским духовенством и усиление надзора за исламскими школами.

В 80-х гг. XIX в. большое распространение получили идеи панславизма, характеризуемые классиком отечественной литературы Ф. М. Достоевским, воззрения которого оказали мощное

влияние на все слои интеллигенции того времени. Он подчеркивал особое значение распространения православия не только на территории Российской империи, но и за ее пределами, в том числе и в Европе. У Ф. М. Достоевского был особый взгляд на русский народ как на народ-богоносец, который может и должен спасти Европу — это дорогое, по словам Ивана Карамазова, кладбище. «Все, все, чего ищет русский народ, — утверждал писатель, — заключается для него в православии — в одном православии и правда, и спасение народа русского... главное предызбранное назначение народа русского в судьбах всего человечества и состоит в том, чтоб сохранившийся в Православии Божественный лик Христа, когда придет время, — явить всему миру, потерявшему свой путь»²⁰. Ф. М. Достоевский решительно настаивал на необходимости участия РПЦ в качестве безусловно-го духовного начала жизни и носителя той истинной культуры, которую должна принести миру Россия. Позицию писателя по интересующему вопросу достаточно точно прокомментировал создатель всеобъемлющей христианской философской системы В. С. Соловьев в «Первой речи в память Достоевского»: «Если мы хотим одним словом обозначить тот общественный идеал, к которому пришел Достоевский, то это слово будет Церковь»²¹.

Другим признанным авторитетом для читающей публики рубежа веков был Л. Н. Толстой. Уделяя особое внимание рассматриваемой проблеме, писатель стоял на позиции признания приоритетного значения религиозно-нравственной свободы личности для понимания характера взаимосвязи духовных ценностей и политической стабильности в стране. Поэтому в своих произведениях Л. Н. Толстой пытался найти способы гармонизации жизни людей, позволяющие преодолеть зло и насилие, царящие в современном ему мире. И именно в христианстве, с его нравственными заповедями, он видел практическое руководство к жизни для народа Российской империи.

Вопрос конфессиональной свободы в России и мире был актуален всегда, но в конце XIX — начале XX в. он особенно обострился. Кризис идей веротерпимости и толерантности, подкрепленный фактическим материалом, способствовал появлению целого ряда статей Л. Н. Толстого на эту тему. В конце июля 1895 г. Л. Н. Толстой получил письмо от русского политического

деятеля Д. А. Хилкова, проходившего военную службу в Закавказье, в котором он писал о расправе над кавказскими духоборами, произведенной местными властями в связи с их отказом принимать присягу и служить на военной службе. В качестве подтверждения своих намерений духоборы сожгли свое оружие в ночь с 28 на 29 июня 1895 г. Хилков подробно, со слов очевидца, сообщал об арестах и выселении значительного числа семей духоборов. Он обращался к Л. Н. Толстому в надежде на опубликование фактов из его письма в русских или иностранных газетах. Русский публицист и общественный деятель, друг Л. Н. Толстого, П. И. Бирюков поехал на Кавказ для проверки на месте полученной информации о расправе с духоборами. По результатам расследования он в сентябре 1895 г., основываясь на большом фактическом материале, создал статью «Гонения на христиан в России в 1895 г.». К ней Л. Н. Толстой написал предисловие и послесловие, где четко выразил свой взгляд на сложившуюся ситуацию. В Российской империи сектанты и раскольники часто не подчинялись властям по своим религиозным соображениям, отказываясь служить в армии и брать в руки оружие. Это приводило к жестким мерам со стороны правительства. Важно отметить, что вину за подобные столкновения Толстой не возлагал ни на одну из сторон. Он писал: «Причина этих гонений та, что вследствие различных причин в нынешнем году три четверти всех духоборов, а именно 15.000 человек (так как всех около 20.000), вернувшись в последнее время с новой силой и сознательностью к своим прежним христианским верованиям, решили на деле исполнять закон Христа о непротивлении злу насиліем. Решение это пробудило их, с одной стороны, уничтожить свое оружие, считающееся столь необходимым на Кавказе, и тем отрешиться от всякого возможного сопротивления насилію, отдаться во власть всякого насильника, с другой стороны, к тому, чтобы ни в коем случае не участвовать ни в каких делах насилія, требуемых от них правительством, следовательно и ни в военной ни во всякой другой службе, требующей употребления насилія. Правительство не могло допустить такого уклонения десятков тысяч людей от установленных законом требований, и началась борьба. Правительство требует исполнения своих требований. Духоборцы не подчиняются»²². Поскольку дело касалось больших групп

населения Российской империи, то, по мнению Л. Н. Толстого, отсутствие изменений в политике государства в деле конфессиональной свободы чревато ослаблением, а впоследствии и разрушением государственного строя. «Если же правительство будет так жестоко как теперь, — отмечал писатель, — то самая эта жестокость к людям, виновным только в том, что они ведут более приветливую и добрую жизнь, чем другие, и хотят на деле исполнять исповедуемый всеми закон добра, самая жестокость эта будет все более и более отталкивать людей от правительства. И очень скоро правительство не будет находить людей, готовых насилем поддерживать их»²³.

Продолжая свою мысль, Л. Н. Толстой видел единственно верный путь выхода из сложившейся кризисной ситуации в деле конфессиональной свободы в ослаблении жестких мер и усилении миссионерской деятельности РПЦ среди населения страны. Он полагал, что «чем мягче правительство к людям, исповедующим истинное христианство, тем быстрее количество истинных христиан будет увеличиваться. Чем жестче будет правительство, тем быстрее количество людей, служащих правительству, будет уменьшаться, так что мягко или жестко будет поступать правительство с людьми, в жизни исповедующими христианство, оно всячески будет само содействовать своему уничтожению»²⁴.

Особое направление в оценке миссионерской деятельности РПЦ выражали представители религиозной философии. Выдающийся русский религиозный философ и ученый, священник Павел Флоренский признавал неопределимый вклад миссионерской работы РПЦ в дело объединения населения Российской империи, а следовательно, и усиления политической стабильности страны. Философ с профессиональных позиций выявил зависимость успеха православной миссии от нравственных качеств миссионера, его активности и сознательного подхода к своему делу. Он полагал, что «Церковь должна возрастать, ассимилируя себе, вчлняя в себя все большее многообразие церковных органов. Этот рост совершается посредством научения и крещения тех, которые еще не включены в Тело Христово, а средством к научению и крещению служит апостольство в самом широком смысле слова, как отправление Церкви в мир, чтобы проповедью, примером жизни, чудесами, знамениями, воспитанием, устройением

всей жизни научить других, пробуждать религиозное сознание в новообращенных, углублять его, усиливать в членах Церкви»²⁵.

Одним из ярчайших представителей религиозной философии рубежа XIX—XX вв. был Н. А. Бердяев. Он полагал, что в литературе сложились два крайне субъективных подхода в изучении религиозных движений на территории Российской империи. Для первых из них характерна односторонняя оценка положения последователей неортодоксальных вероисповеданий исключительно с миссионерской точки зрения, то есть только под призмой желания привести как можно больше таких людей к православной вере. Второй подход — это взгляд на данную проблему, свойственный либеральным кругам интеллигенции России, которые отстаивали позицию веротерпимости в стране. «Миссионерские исследования сектантов, — отмечал Бердяев, — интересуются исключительно изобличением ересей и утеснением сектантов. Либеральная литература о сектантстве интересуется исключительно защитой сектантства в правовом и политическом отношении. Но ни тот, ни другой подход не может быть назван свободным и проникающим в душу того, что является предметом исследования»²⁶. Поэтому для выявления полной картины религиозной ситуации в стране, философ лично общался с представителями разных вероисповеданий. Он писал: «Мне пришлось ряд лет жить в деревне в Харьковской губернии по соседству с духовным центром, в котором не только жили и толстовцы, склоняющиеся к мистике, и добролюбовцы, и свободные искатели божьей правды, и разные сектанты, духовные христиане, свободные христиане, постники, но и постоянно проходили через этот центр ищущие Бога со всех концов России. Я много беседовал с этими людьми, и некоторые духовные типы запомнились мне навеки»²⁷. После такого рода «погружения» в народный быт страны Бердяев делает вывод о жизненной необходимости для духовной жизни русского народа существования представителей разнообразных религиозных сегментов населения Российской империи. «Знаю твердо, что Россия немислима без этих людей, что без них душа России лишилась бы самых характерных, существенных и ценных своих черт», — подчеркивал Бердяев. «Русское сектантство, — утверждал он, — неотъемлемая часть духовной жизни русского народа. Совсем особый духовный склад

можно открыть в русском сектантстве — русскую жажду праведной жизни, жизни, освобожденной от этого мира, жажду жизни в Боге, но искаженную и болезненную»²⁸. Именно поэтому РПЦ, с точки зрения Бердяева, должна оставить все попытки ущемления деятельности последователей иных религиозных течений. Он предлагал «официальной» религии сконцентрировать все миссионерские усилия на предотвращении отпадения членов от самой РПЦ и, «оживляя» веру в людях, преодолевать духовную стагнацию в православной среде. «Настоящее религиозное движение в России еще не началось, — считал Бердяев, — но великие возможности такого движения есть в духовной жизни России. Есть своя правда во всех типах христианской религиозной мысли. Все хотят выйти из окостенелой, окаменелой, омертвевшей, внешней, бытовой государственно-утилитарной религиозности, все по-разному ищут новой религиозной жизни. Незримо рождается новый человек. И в русской религиозной мысли всегда есть пророчество о новой мировой эпохе, всегда есть чувство конца старого мира»²⁹.

И, наконец, по рассматриваемой проблематике нельзя обойти стороной мнение крупнейшего религиозного философа и публициста В. В. Розанова, который призывал к усилению активности в деле миссионерства. Он полагал, что миссионерская деятельность РПЦ весьма актуальна и значима для всего христианского мира, поэтому нельзя допустить стагнации в этом вопросе. Подчеркивая необходимость более энергичных мер при распространении христианства, Розанов писал: «Я хочу сказать, что идея пассивного христианства имеет одну мучительную в себе сторону: “успокаивая” нас, она наконец оледеняет нас; мы становимся несколько похожи... на обыкновенную ледяную сосульку, и в таком виде не только говорим, думаем и чувствуем — но и живых принимая как бы за “спящих во гробе”, “не печемся” о них и даже как-то их не совестимся»³⁰. С точки зрения Розанова, выходом из состояния «оледенения» является работа каждого члена русского общества над нравственным самоусовершенствованием, постоянным проводником которого должно стать миссионерство РПЦ. Именно в пассивности и частой формальности в деятельности православных миссионеров философ видит основную причину «обледенелости» христианства в России. «Чудовищный эго-

изм, — замечает Розанов, — неслыханный холод отношений... да оглянемся же: все это — вокруг нас, это и есть зрелище обледенелой, в сущности христианской цивилизации, где есть все добродетели, но все — номинально; и если мы подумаем: да почему? — то источник этого и откроем именно в этом без-нервном понимании христианства»³¹.

Идеи Бердяева пересекаются с мировоззренческим кредо известного писателя Серебряного века Д. С. Мережковского. Живо интересуясь вопросами религиозной философии, он пришел к выводу о необходимости в корне изменить цель миссии РПЦ. Нужно, полагал он, прежде всего, создать союз РПЦ и интеллигенции в деле построения новой религии — «религии Конца». Эта тема впервые была поднята писателем в одной из его первых программных работ «О причинах упадка и новых течениях современной русской литературы» в 1893 г. Молодой Д. С. Мережковский уже тогда вполне отчетливо сформулировал мысль о необходимости религиозного и мистического содержания в художественном творчестве, мысль, к которой он возвращался на протяжении всей жизни. Именно обращение интеллигенции к религиозной вере, к церкви приведет к соединению либерально-освободительных традиций русской интеллигенции с религиозными традициями народа. В результате разъединения этих традиций РПЦ, считал писатель, оказалась поработочена государством, народ — самодержавием, а интеллигенция очутилась сразу между двумя жерновами: она была чуждой как народу, так и государству. Д. С. Мережковский мечтал о совпадении интересов интеллигенции и религиозного движения народа. По его мнению, русский интеллигент должен был стать «религиозным революционером», тогда разобщенность религиозного сознания и революционного действия останется в прошлом. Только религиозное возрождение, полагал Д. С. Мережковский, способно соединить интеллигенцию («живой дух России»), церковь («живую душу России») и народ («живую плоть России»). Именно революция должна была привести, полагал писатель, к полному разрыву религии с государством, к соединению народа и интеллигенции и, в конечном итоге, к установлению «христианской безгосударственной общности». В открытом письме к Н. А. Бердяеву Мережковский так сформулировал свою позицию: «Христианство есть рели-

гия Богочеловечества; в основе всякой государственности заложена более или менее сознательная религия Человекобожества. Церковь — не старая, историческая, всегда подчиняемая государству или превращаемая в государство, — а новая, вечная, истинная вселенская Церковь так же противоположна государству, как абсолютная истина противоположна абсолютной лжи...»³²

Итак, подводя итог вышеизложенному, следует отметить, что духовные искания интеллигенции в России никогда не ограничивались рамками лишь церковной организации, так же как и Церковь не замыкалась в пределах исторически сложившейся религиозной конфессии. Подтверждая эту мысль, русский философ, теолог С. Н. Булгаков пишет: «Много раз задумываясь над двоящимся и доселе неразгаданным и неопределившимся обликом русской интеллигенции, я обращался мыслью к этому тезису о религиозной ее тоске, о жажде крепкого берега, праведной жизни, нового неба и новой земли. И если нельзя было иногда не усомниться в правильности этой характеристики, то нельзя от нее и отказаться»³³. То есть процесс взаимоотношений представителей интеллигенции и РПЦ в России на рубеже XIX—XX вв. представлял собой сложное и многогранное явление. Анализ интеллектуального поля исследуемой эпохи сквозь призму взаимоотношений интеллигенции и РПЦ по вопросу распространения христианства позволяет реконструировать широкий спектр мировоззренческих позиций и подходов к рассматриваемой проблеме. Под влиянием диалога русской интеллигенции с представителями РПЦ происходила оценка миссионерской деятельности РПЦ (от жесткой критики до безоговорочной ее поддержки). Обсуждение положения миссионерства РПЦ в общественной жизни являлось основной темой в работе множества возникших в тот период религиозно-философских обществ, союзов, кружков и собраний, где главными участниками выступали представители интеллигенции и РПЦ. Все это поддерживало самобытную национальную духовно-нравственную культуру, в которой было отражено как церковное, так и светское мировоззрение. Практическим следствием этого диалога явилось издание законов, направленных на либерализацию страны (о свободе вероисповеданий, об участии духовенства в представительных учреждениях как местного, так и центрального уровня и т. д.), которые объективно способство-

вали положительной динамике в миссионерской деятельности РПЦ и создавали предпосылки для формирования эффективной и централизованной системы православного миссионерства, способствуя включению в данную работу широких слоев российского общества.

В целом, оценка миссионерской деятельности РПЦ, вынесенная представителями разных кругов русской интеллигенции, ярко отражала тенденцию недовольства населения страны зависимостью РПЦ от государства в деле распространения православия и утверждала мысль о том, что только коренные изменения в способах, приемах и методах работы христианских миссионеров приведут к здоровому духовно-нравственному климату страны и повышению авторитета РПЦ в народной среде.

В современных условиях изучение философско-нравственных концепций русской интеллигенции рубежа XIX—XX вв. может способствовать становлению концепции обновления и прогрессивного развития миссионерской деятельности РПЦ, ориентированной на открытость и синтез опыта прошлого и реалий современности.

Примечания

- ¹ *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII—XX вв.). СПб., 1999. Т. 1. С. 108.
- ² *Победоносцев К. П.* Личность, общество и церковь. Сергиев-Посад, 1913. С. 68.
- ³ Там же. С. 69.
- ⁴ Там же.
- ⁵ *Победоносцев К. П.* Государство и церковь. М., 2011. С. 584.
- ⁶ *Катков М. Н.* Передовая статья за 1884 г. // Сборник передовых статей «Московских ведомостей». М., 1897. С. 14.
- ⁷ Там же.
- ⁸ *Носилов К. Д.* Батя // Новое время. СПб., 1899. № 8284. С. 41.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ *Мельников П. И.* Письма о расколе. М., 2011. С. 18.
- ¹¹ *Ухтомский Э. Э.* О состоянии миссионерского вопроса в Забайкалье. СПб., 1892. С. 27.
- ¹² *Мельгунов С. П.* Вместо церковных реформ // Церковь и государство в переходное время : сб. ст. М., 1909. Т. 2. С. 138.

- ¹³ Справка [без подписи] о фактах преследования старообрядцев, имевших место в различных губерниях в 1894—1899 гг. // Государственный архив РФ (далее — ГАРФ). Ф. 564. Оп. 1. Ед. хр. 331. Л. 4—5.
- ¹⁴ Мельгунов С. П. «Религиозный фанатизм» и миссия // Церковь и государство в переходное время. Т. 2. С. 150.
- ¹⁵ Максимов А. Я. Два миссионера // Нива. 1889. № 3. С. 34.
- ¹⁶ Лесков Н. С. На краю света. М., 2011. С. 38.
- ¹⁷ Самарин Ю. Ф. Предисловие к первому изданию богословских сочинений А. С. Хомякова. Прага, 1871. С. 4.
- ¹⁸ Справка [без подписи] о фактах преследования старообрядцев, имевших место в различных губерниях в 1894—1899 гг. // ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Ед. хр. 331. Л. 1.
- ¹⁹ Юзефович М. В. Христианство, магометанство и язычество в восточных губерниях России // Русский вестник. 1883. Март. С. 30.
- ²⁰ Достоевский Ф. М. Сочинения. СПб., 1911. Т. 2. С. 469.
- ²¹ Соловьев В. С. Первая речь в память Достоевского // Соловьев В. С. Сочинения : в 2 т. М., 1988. Т. 2. С. 245.
- ²² Толстой Л. Н. К статье П. И. Бирюкова «Гонение на христиан в России в 1895 г.» // Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. : в 90 т. М., 1985. Т. 39. С. 127.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Флоренский П. Эклизиологические материалы // Флоренский П. Богословские труды. М., 1974. С. 129—130.
- ²⁶ Бердяев Н. А. Русская идея. М., 1997. С. 14.
- ²⁷ Там же. С. 15.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Розанов В. В. Религия. Философия. Культура. М., 1992. С. 144.
- ³¹ Там же. С. 145.
- ³² Мережковский Д. С. О новом религиозном действии : (Открытое письмо Н. А. Бердяеву) // Мережковский Д. С. Большая Россия. Л., 1991. С. 95—96.
- ³³ Булгаков С. Н. Интеллигенция и религия. М., 1908. С. 9.

С. И. Белов

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В ТРУДАХ РОССИЙСКИХ ЭКОНОМИСТОВ

Первая мировая война оказала большое влияние на мировоззрение российской интеллигенции. Ее представители, в силу свойственной им широты кругозора, склонности к рефлексии и повышенного чувства ответственности за происходящее в стране, особенно остро восприняли глобальный конфликт. Интеллигенция откликнулась на войну созданием целого ряда произведений искусства и научных исследований, в каждом из которых отражалась одна из граней противостояния великих держав.

Ученые-экономисты и историки, стоявшие на позициях экономического детерминизма, в силу специфики их деятельности, сосредоточили в своих трудах внимание на объективных причинах войны, состоянии народного хозяйства стран-участниц и перспективах его развития.

Большинство специалистов в области экономики видели причины войны в борьбе великих держав за доступ к рынкам сбыта и источникам сырья и в стремлении Германии захватить адекватные ее экономической мощи колониальные владения. Так, Э. Д. Гримм (ректор Петербургского университета) писал: «Война создана не легкомыслием или коварством кабинетов, а всем ходом европейского развития последних десятилетий, всем складом экономической жизни Европы. <...> Вильгельм II в свое время высказал лишь общую... мысль, когда он заявил, что Германия должна обеспечить себе “место под солнцем”»: в этих словах нашло свое выражение общее всем слоям немецкого народа убеждение, что для Германии расширение политико-экономической базы немецкой жизни является вопросом жизни или смерти»¹. При этом необходимо отметить, что для россий-

---

© Белов С. И., 2012

Белов Сергей Игоревич — аспирант кафедры истории России Ивановского государственного университета. Belov2006S@yandex.ru

ских интеллигентов — современников войны была характерна тенденция возлагать всю вину за развязывание войны на Германию и представлять действия стран Антанты как своеобразный «крестовый поход» во имя справедливости, что не совсем соответствовало истине.

Э. Д. Гримму вторил В. А. Мукосеев, отстаивавший позицию, согласно которой война не представляла собой следствие «механического сцепления дипломатических ошибок и фатальных сочетаний преходящих обстоятельств». Ее возникновение было предопределено объективными факторами, в том числе экономическими. На протяжении двух предвоенных десятилетий мировое хозяйство переживало необычайный подъем, происходивший за счет экспорта капитала в колониальные и полуколониальные страны и вовлечения в орбиту капитализма новых государств. В результате «мировая экономика переместилась на колониальные интересы и приобрела империалистическое значение». В итоге борьба за колонии и передел сфер влияния обострились, способствуя складыванию в Европе военно-политических блоков. При этом Россия, после поражения на Дальнем Востоке в 1905 г., была вынуждена ограничить свои империалистические амбиции. Вместе с тем экономическая отсталость империи Романовых принудила ее лидеров искать опору на внешних финансовых рынках, в роли которых выступили Франция и Англия — основные конкуренты Германии в борьбе за колонии. В конечном счете, Россия примкнула к франко-британскому блоку и превратилась в противника империи Гогенцоллернов. На это накладывалось также то обстоятельство, что рост влияния Германии на Ближнем и Среднем Востоке нарушал экономические интересы России. Кроме того, продвижение союзника Германии — Австро-Венгрии — на Балканы создавало угрозу того, что успешное экономическое развитие России будет прервано, т. к. она окажется в «железном немецком кольце» с юга и юго-востока².

Оценки влияния войны на состояние российской экономики отличались разнообразием, однако, прибегнув к обобщению, можно выделить две основные точки зрения на проблему. Представители одной из них считали, что Россия, в силу преимущественно аграрного характера экономики, полунатурального состояния сельского хозяйства и ориентации промышленности на

внутренний рынок, сумеет легче пережить вызванный конфликтом кризис, чем развитые индустриальные державы. Сторонники второй точки зрения отстаивали тезис о том, что война нанесла чувствительный удар по относительно слабой российской промышленности, зависимой от поставок сырья, полуфабрикатов и оборудования из-за рубежа. Они отмечали, что в то же время сельскохозяйственное производство начало испытывать значительные трудности, связанные с потерей рабочих рук в результате массовой мобилизации и влиянием морской блокады на экспорт хлеба в Европу.

Например, М. И. Туган-Барановский в своих рассуждениях исходил из того, что финансирование войны (он считал ее «экономической катастрофой») требует непосильных расходов со стороны воюющего государства. При этом размер бремени, которое возлагается войной на экономику, во многом зависит от структуры последней. Индустриальные державы, располагающие большим объемом капиталов, переносят связанные с войной тяготы гораздо легче, чем аграрные страны. Но в то же время, страны с полунатуральной экономикой, основанной на сельском хозяйстве, гораздо легче переживают нарушение товарообмена. Таким образом, в аграрных державах война ложится большой тяжестью на бюджет, но в целом переносится народным хозяйством легче, чем в «странах торгово-промышленного типа»³.

Бедная капиталами Россия сильно пострадала от инфляции, вызванной войной. Это обуславливалось тем, что внешние финансовые рынки уже были освоены другими игроками, или же оказались недоступными, а уровень накопления капиталов внутри страны был недостаточно высок. Также М. И. Туган-Барановский отмечал, что во время войны баланс внешней торговли превратился из активного в пассивный. Все это происходило на фоне заметного роста внешней задолженности. Ситуацию усугубляло то, что, помимо частичной блокады, затруднявшей торговлю с союзниками и нейтральными странами, на внешней торговле негативно отразился разрыв коммерческих отношений со странами-противниками, в первую очередь — с Германией.

Из всех секторов экономики России от войны больше всего пострадала промышленность. Причиной тому послужили не только изменения в сфере внешней торговли, но и изменение

условий получения кредитов, ухудшение работы транспорта и сокращение внутреннего спроса, которое не могли компенсировать даже огромные заказы армии. При этом М. И. Туган-Барановский утверждал, что война в гораздо большей степени негативно повлияла на германскую промышленность, чем на русскую, работавшую преимущественно на внутренний рынок и в меньшей степени зависевшую от иностранного ввоза. По его мнению, индустрия Германии значительно больше пострадала от транспортного кризиса и массовой мобилизации рабочих в армию, нежели российское производство. Экономист утверждал, что «о промышленном кризисе у нас не может быть и речи», т. к. он выражается в падении цен, в то время как в России наблюдался их рост, сокращение производства отмечается на фоне сохранения спроса. Таким образом, М. И. Туган-Барановский допускал ошибку, отождествляя кризис промышленности только лишь с кризисом перепроизводства.

При этом экономист дал не совсем объективную и противоречивую оценку состояния сельского хозяйства России. С одной стороны, он утверждал, что война не причинила аграриям никакого вреда, а чуть ниже говорил уже о «некотором стеснении» их.

Туган-Барановским игнорировалась взаимосвязь между состоянием индустрии и сельского хозяйства через такой феномен, как отходничество, впрочем, он также не учитывал транспортный кризис и влияние нехватки промышленных товаров и роста цен на них на аграрную сферу. Противоречивость оценки состояния сельского хозяйства явно проявилась и в том, что известный русский экономист изначально отстаивал точку зрения, согласно которой мобилизация в армию не привела к ощутимой потере контингента работников в деревне. Однако в дальнейшем он все же указывал на нехватку рабочих рук при сборе урожая⁴.

Достаточно оптимистическую для России точку зрения М. И. Туган-Барановского не разделяли многие из его коллег, в частности М. В. Новорусский и М. И. Боголепов.

Первый из них обращал внимание на то, что война обнаружила зависимость российской экономики и в особенности промышленности от поставок немецких станков, полуфабрикатов и сырья, в то время как внутренние источники их получения почти не использовались (игнорируя тот факт, что машиностроение в

России было крайне слабо развито), а предприниматели не имели о них никакого представления. Одновременно производители, ранее экспортировавшие свою продукцию в Германию, оказались не в состоянии найти рынки сбыта внутри страны, в то время как спрос на их товары в пределах России существовал. Это касалось золотопромышленности, производства сельскохозяйственных машин, электроприборов, дубильных веществ, красителей, изделий из стекла и др. М. В. Новорусский на основании этого доказывал, что Германия намеренно создавала подобную зависимость, чтобы «в нужный момент оставить Россию в беспомощном положении»⁵.

М. И. Боголепов акцентировал внимание на пагубном влиянии, которое оказала мировая война на финансовую сферу и в особенности — на банковский кредит. По его оценке, война уничтожила понятие всемирного рынка, нарушила связи между национальными экономиками Европы. Мировой конфликт разорвал кредитные цепи, связывавшие между собой отдельные хозяйственные структуры. Население и фирмы, поддавшись панике, начали экстренно изымать из банков свои вклады, обменивать банкноты на золото и продавать ценные бумаги, что еще больше пошатнуло экономику. Таким образом, финансы — кровеносная система экономики — оказались в состоянии полного расстройств, что повлекло за собой кризис всего народного хозяйства⁶.

Своеобразную промежуточную позицию по вопросу о влиянии войны на экономику России занял М. И. Фридман. С одной стороны, по его мнению, народное хозяйство России было в значительной степени автаркичным, благодаря чему война относительно слабо сказалась на его состоянии. С другой стороны, он отмечал, что участие в глобальном конфликте поставило перед экономикой страны в качестве основной задачи поиск денежных средств на покрытие военных расходов на фоне добровольного отказа государства от получения средств за счет «казенной продажи питей» (имеется в виду введение «сухого закона»).

В самом начале войны государству удалось покрыть неожиданно образовавшийся бюджетный дефицит, порожденный военными расходами, за счет свободной наличности. Впоследствии превышение расходов над доходами попытались ликвидировать за счет увеличения косвенных налогов (почтовый, теле-

графный сборы и др.), а также введения телефонного налога, однако эти меры не принесли эффекта. В итоге власти были вынуждены прибегнуть к пересмотру расходных статей бюджета и их значительному сокращению и, что еще более прискорбно, новым займам за рубежом.

М. И. Фридман считал, что бреши в бюджете следует ликвидировать за счет умеренного повышения налогов, а не дорогих иностранных кредитов, увеличивавших и без того большой внешний долг России. При этом повышение налогов не должно было, по его мысли, превысить уровень, необходимый для компенсации потерь от прекращения продажи казенной водки. При этом экономист делал акцент на том, что решения о введении новых и повышении старых налогов были приняты в обход Думы. Порицая подобную практику, он подчеркивал, что финансирование военных мероприятий изъято из компетенции законодательных органов⁷.

Отдельно среди работ русских экономистов, посвященных Первой мировой войне, следует выделить статью В. Фриче «Германский милитаризм и его отношение к культуре». В рамках данной работы автор провел исследование взглядов экстремистских кругов германских правых на то, какой должна быть экономика. Изучив популярную у них публицистическую и даже научно-фантастическую литературу, В. Фриче пришел к выводу, что «большинство германских милитаристов... усматривают главную причину понижения воинственности и крепости нации в характерном для современной цивилизации росте индустриализации и урбанизма. Вразрез с преобладающей тенденцией времени они зовут из больших промышленных городов назад к патриархальным полям. Они восстают против промышленности, против больших городов, против роскоши», потому что все это мешает создать из немцев «нацию спартански воспитанных воинов». Причина негативного отношения к индустриализации германских милитаристов — тот факт, что большинство промышленных производств вредно для здоровья. Урбанизация же в их глазах напрямую связана с падением рождаемости, так как городской образ жизни почти исключает многодетность.

При этом, однако, германские крайне правые, по оценкам В. Фриче, испытывают большой интерес к современным средствам

ведения войны, который перерастает в преклонение перед ними. Тот факт, что возможность их создания напрямую связана с развитием индустриализации и урбанизации, опускается большинством шовинистически настроенных публицистов и писателей⁸.

Таким образом, события Первой мировой войны нашли живой отклик в трудах русских экономистов. Ими были частично выявлены причины столкновения блоков великих держав (хотя их позиция и была несколько необъективной), рассмотрено влияние конфликта на состояние отдельных сфер народного хозяйства России и даны разнообразные оценки влияния войны на состояние экономики. В целом отмечалось, что война является плодом борьбы ведущих стран мира за рынки сбыта, сферы приложения капитала и источники сырья. По мнению современников-экономистов, с началом войны были нарушены внутренний и внешний товарообмен России, возникли проблемы с работой транспорта, наблюдался кризис банковской системы и промышленности. Согласно их точке зрения, большие затруднения испытывало и сельское хозяйство. Также, по мнению российских специалистов в области экономики, налицо была нехватка финансов внутри страны, что провоцировало сокращение расходов бюджета и увеличение внешнего долга страны за счет займов средств за рубежом. Соответственно, война воспринималась как причина, обусловившая системный кризис российской экономики.

Примечания

- ¹ *Васильков Я. В., Сорокина М. Ю.* Люди и судьбы : библиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917—1991). СПб., 2003. С. 127 ; *Гримм Э. Д.* Борьба народов // Вопросы Мировой войны. Пг., 1915. С. 3—4.
- ² *Мукосеев В. А.* Повышение товарных цен : к изучению основных тенденций в развитии современного мирового хозяйства. СПб., 1914. С. 33 ; *Он же.* Экономические причины войны // Вопросы Мировой войны. С. 225—227.
- ³ *Туган-Барановский М. И.* Влияние войны на народное хозяйство России, Англии и Германии // Вопросы Мировой войны. С. 269, 270 ; *Он же.* Основы политической экономии. Пг., 1915. С. 373.
- ⁴ *Туган-Барановский М. И.* Влияние войны на народное хозяйство России, Англии и Германии. С. 269, 270, 286—324.

- ⁵ *Новорусский М. В.* Война и новые отрасли русской промышленности // Вопросы Мировой войны. С. 466—474.
- ⁶ *Боголепов М. И.* Война и деньги // Там же. С. 398—402.
- ⁷ *Фридман М. И.* Война и народное хозяйство России // Там же. С. 358—371.
- ⁸ *Фриче В.* Германский милитаризм и его отношение к культуре // Там же. С. 181, 182.

ББК 63.3(5Ирн)64

А. Н. Котов

ИРАНСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ИСЛАМСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1978—1979 гг.

Одним из ярчайших событий истории XX века по праву считается Исламская революция 1978—1979 гг. в Иране, свергшая ориентированный на Запад шахский режим и приведшая к установлению религиозного режима, взявшего курс на приведение всех сторон общественной жизни в соответствие с нормами исламской религии. В официальной историографии Исламской Республики Иран ведущим фактором Исламской революции признается «движение духовенства» (нехзат-е руханийат), которое возглавило иранский народ в борьбе против деспотического шахского режима и американского господства в Иране¹. Однако немаловажную роль в формировании общественного мнения в Иране накануне революции, в выдвигании новых идеологических концепций, основанных на идеях политического ислама, наконец, непосредственно в выступлениях против шахского режима сыграли представители иранской интеллигенции, вследствие чего Тегеранский государственный университет, крупнейшее высшее учебное заведение в Иране, даже считался в 1979 г. «оплотом революции»². В связи с этим следует рассмотреть от-

---

© Котов А. Н., 2012

Котов Андрей Николаевич — аспирант кафедры новой и новейшей истории Владимирского государственного университета. istina33@yandex.ru

ношение предреволюционной иранской интеллигенции к важнейшим проблемам общественной жизни Ирана, к исламской религии и к Западу, с тем чтобы определить, в какой степени взгляды интеллигенции повлияли на характер и ход Исламской революции в Иране.

Рождение светской интеллигенции (рошанфекр) в Иране можно отнести ко второй половине XIX века, когда в этой восточной стране появляются лица, получившие профессиональное светское образование по европейскому образцу и посвятившие свою жизнь умственной деятельности. Вместе с тем показательно, что эти же мыслители-интеллигенты, пробуждавшие национальное самосознание и оказавшие значительное влияние на идеологию Иранской конституционной революции 1905—1911 гг., в то же время были защитниками западного проникновения в Иран и даже поддерживали иностранные концессии на своей родине³. Подобная противоречивая роль иранской интеллигенции стала предметом рефлексии самих интеллигентов в период, предшествовавший Исламской революции в Иране.

В начале XX века интеллигенты приняли активное участие в Конституционной революции, работая в советах-энджуменах, издавая газеты⁴. Кроме того, из числа интеллигентов во многом были сформированы радикальные организации моджахедов и социал-демократов (эджтемаюне амиюн)⁵. Уже в тот период ярко проявила себя такая особенность иранской интеллигенции, как ее оторванность от основной массы народа. Неслучайно поэтому и то обстоятельство, что в качестве общенациональных лидеров конституционного движения выступали представители исламского шиитского духовенства (в первую очередь, Сайид Мохаммед Табатабаи и Сайид Абдаллах Бехбахани⁶), а не интеллигенты.

Новый этап в истории иранской интеллигенции связан с правлением Реза-шаха Пехлеви (1925—1941), который, пользуясь деспотическими методами и прибегая к прямому насилию, взял курс на модернизацию и вестернизацию Ирана. Несмотря на скромные цифры (в 1938 г. во всех иранских университетах насчитывалось только 4200 студентов, кроме того, несколько сот иранцев получали высшее образование за рубежом), главное значение этих мероприятий заключалось, во-первых, в численном

росте иранской интеллигенции, а во-вторых, в создании институциональной базы для ее последующего развития.

В 1940—50-е гг. иранская интеллигенция принимает активное участие в новом этапе демократического движения. В отличие от предшествующего периода интеллигенция претендует на руководство этим движением. Наиболее популярными в среде интеллигенции в 1940-х гг. являлись коммунистическая Народная партия Ирана (НПИ; Хезб-е Туде-йе Иран, «Туде») и либерально-националистическая партия «Иран»⁷. Однако и в этот период выдвижения интеллигенции на первый план в национально-демократическом движении, она действовала в союзе, во многом вынужденном, с духовенством. Данный тактический союз духовенства и интеллигенции таил в себе опасность раскола, который не замедлил произойти вскоре после того, как союзники достигли своих первоочередных целей.

Период, последовавший за переворотом 1953 г., стал временем глубокого переосмысления иранской интеллигенцией своей общественно-политической позиции и своего места в иранском обществе и в истории Ирана. Как писал Джалал Але Ахмад, один из ярчайших выразителей умонастроения интеллигенции, «внезапно воцарившееся молчание заставило углубиться в себя, предаться скорби и затем искать в окружающем причины происшедшего...»⁸.

Не меньшее влияние на позицию интеллигенции оказали перемены, принесенные «белой революцией» 1960—70-х гг., названной в официальной пропаганде «революцией шаха и народа», имевшей целью ускорение модернизации страны и даже деклариовавшей идею превращения Ирана в «пятую индустриальную державу мира»⁹.

Наряду с расширением числа лиц, получивших высшее образование, и одновременно с появлением проблемы занятости для выпускников вузов, большинство которых получали не требовавшееся экономике страны техническое, а гуманитарное образование, «белая революция» породила и такую проблему, как необходимость осмысления характера произошедших в стране кардинальных изменений, в первую очередь радикальной ломки традиционного образа жизни на фоне резкого усиления социального расслоения и насаждения атрибутов западной цивилизации (рестораны, кинотеатры, ночные клубы, бары, дискотеки). Имен-

но в этот период значительная часть иранской интеллигенции обращается к идеям политического ислама.

Данное обращение можно рассмотреть на примере личности и творчества процитированного выше Джалала Але Ахмада (1923—1969) — яркого писателя, публициста, ученого, общественного деятеля. Переживания и глубокая рефлексия причин поражения национально-демократического движения в Иране и вообще всей истории страны, особенно на протяжении последнего столетия, вылились в его книгу «Западничество» (1962), ставшую «катализатором общественных идей в период созревания [Исламской] революции»¹⁰.

Центральное понятие книги — это сконструированный самим Але Ахмадом термин «гарбзадеги», т. е. «западничество» или в буквальном смысле «заражение Западом». Але Ахмад следующим образом объясняет смысл этого понятия и замысел своей книги: «Западничество в чем-то сходно с распространением эпидемии холеры или, если угодно, с распространением стихийного бедствия, засухи или морозов... Итак, речь идет о некоем заболевании... Наша задача — выявить признаки болезни и, если возможно, пути ее лечения»¹¹.

Але Ахмад фиксирует в мире существование двух полюсов в виде индустриального Запада и стран «третьего мира». Он пытается выяснить, как так случилось, что носители великой цивилизации превратились в «подметальщиков мусора». Для этого он обращается к анализу истории Ирана, сопоставляя ее с историей Запада, и видит истоки отставания Ирана в событиях эпохи династии Сефевидов (1502—1736), когда «мы из смелых всадников конницы ислама превратились в немощных хранителей могил, в нищих, собирающих подаяние, оплакивающих страдания погибших шахидов»¹².

Анализируя истоки западничества в иранской культуре, Але Ахмад обращается к рассмотрению роли интеллигенции. Как отмечает В. Б. Кляшторина, «впервые в иранской историографии негативная оценка была дана деятельности писателей просветителей М. Мальком-хана и А. Талибова, охарактеризованных писателем как “прозападные интеллигенты”»¹³. Але Ахмад критикует не только первых иранских интеллигентов, но и саму Конституционную революцию, «водрузившую над зданием нашего

государства знамя западничества», вследствие чего «мы действуем на иностранный манер, и думаем на иностранный манер, и решение любой проблемы ищем на иностранный манер»¹⁴.

Але Ахмад резко критикует деятельность правительственных учреждений, ориентированных на западничество, религиозных деятелей, отказывающихся от участия в политике и погрязших в суевериях, но главное острие своей критики он, плоть от плоти иранской интеллигенции, направляет именно против интеллигенции, которая «сегодня играет при иностранных советниках такую же роль, какую играли в прошлом в Англии и России наши послы Атабек и Амир Кабир, являвшиеся проводниками западной политики в Иране»¹⁵. Але Ахмад дает уничижительную социально-психологическую характеристику иранского интеллигента-западника, лишенного веры, твердых убеждений, индивидуальности, но, самое главное, полностью равнодушного к жизни своей страны.

Намечая пути выхода Ирана из состояния «заражения Западом», Але Ахмад обращает внимание на необходимость синтеза традиционного и современного. С одной стороны, он выступает как защитник традиционного городского ремесла и крестьянской общины, как противник западной машинной цивилизации, ведущей к уничтожению человеческой личности. С другой стороны, он понимает необходимость индустриализации, с тем чтобы ликвидировать отставание Ирана от Запада, порождающее зависимость и сам феномен западничества. Он отмечает: «...до тех пор, пока мы являемся только потребителями машин, а не их производителями, мы будем зависеть от Запада»¹⁶. Вместе с тем в самой индустриализации Але Ахмад усматривает опасность, заключающуюся в порабощении машинами человека, что уже произошло на Западе. С целью недопущения подобного исхода Але Ахмад и предлагает возродить традиционные культурные ценности, пойти по пути Японии и Индии, куда он предлагает посылать иранскую молодежь для получения образования. Он предлагает найти равновесие между «восточничеством» (шаргзадеги) и «западничеством» (гарбзадеги). Однако условием этого равновесия фактически является восстановление идеала эпохи Сефевидов, когда «правительство и религия надели одну хирку (плащ)»¹⁷, т. е. осуществление духовенством функций политического руководства.

Таким образом, суровая критика Але Ахмадом интеллигенции — это оценка всего предшествующего состояния иранской интеллигенции, ее оторванности от народа, увлечения западными теориями. Выход из кризиса для интеллигенции он видит в обращении ее к своим корням, к родной культуре, к религии, что и ведет к признанию руководящей роли духовенства в обществе, в соответствии с принципами шиитского ислама. Этот путь он предлагает в своей программе социально-политического и культурного возрождения Ирана. Данная критика была тем более действенной, что она носила форму самокритики, покаяния за те взгляды, которые разделял сам автор в прошлом. Яркая образность и глубина обобщений обусловили популярность Але Ахмада, причем если при жизни он воспринимался, в первую очередь, как писатель и публицист, то после победы Исламской революции — как идеолог, обосновывавший необходимость «исламской культурной революции» и всесторонней исламизации всех сторон общественной жизни¹⁸.

Не будучи непосредственно политическим мыслителем, Але Ахмад, конечно, не мог предложить детальной программы осуществления своих социальных идеалов. В 1960—70-х гг. данная задача была реализована целой плеядой интеллигентов, выступивших в качестве теоретиков политического ислама и в этом качестве дополнявших оппозиционно настроенных лидеров шиитского духовенства: великого аятоллу Рухоллу Мусави Хомейни (1902—1989), аятоллу Махмуда Талегани (1911—1979), аятоллу Мортезу Мотаххари (1919—1979). Самыми влиятельными из числа этих религиозных интеллигентов, зачастую определяемых в качестве «светских исламистов»¹⁹, были Мехди Базарган (1907—1995), Али Шариати (1933—1977) и Абольхасан Банисадр (род. в 1933 г.).

Сын азербайджанского торговца из Тебриза, Мехди Базарган получил высшее образование во Франции, затем преподавал термодинамику в Тегеранском университете. В 1979 г. в течение 9 месяцев Базарган занимал пост председателя Временного революционного правительства, на который был назначен аятоллой Хомейни и который оставил после акции по захвату американского посольства. Все последующие годы жизни он был оппонентом установившейся в Иране теократической системы.

Еще в 1940-х гг. Базарган начал писать книги, в которых выдвинул идеи политической интерпретации ислама и необходимости духовенства участвовать в политической борьбе. Однако именно переворот 1953 г. сделал Базаргана решительным защитником стратегического союза с духовенством в борьбе против шахского режима. Базарган резко критиковал подражание западной культуре и образу жизни в среде иранцев, особенно молодежи. Таких людей он сравнивал с «мухами, питающимися отбросами и экскрементами»²⁰. В то же время он считал необходимым «использование западной науки и технического прогресса, искусства и культуры, если они не противоречат иранским принципам и независимости развития страны»²¹.

Базарган полагал, что «религия выше политики», что «религия — это все»²², и считал необходимым установление «исламского правления», которое для него было «консультативным, демократическим и вдохновленным Богом»²³. Важную роль в общественной жизни он отводил духовенству. Однако управление обществом, по его мнению, должно было осуществляться не духовенством, а светскими интеллигентами — технократами. При этом Базарган категорически отрицал революционный путь борьбы, настаивая на эволюционном пути установления исламского правления²⁴.

С оригинальной интерпретацией ислама в 1960—70-х гг. выступил Али Шариати, отец которого был видным религиозным деятелем и участником национально-демократического движения. Сам Али Шариати получил блестящее светское образование: он учился на литературном факультете Мешхедского университета, в течение пяти лет изучал курс истории религии и социологии в Сорбонне, где ознакомился с новейшими философскими и социальными теориями. Большое влияние на Шариати оказали взгляды радикального теоретика «новых левых» и национально-освободительного движения стран «третьего мира» Франца Фанона. Наиболее плодотворными для Шариати оказались шесть лет (1967—1973) преподавания в хосейние «Эршад», где он читал курс по истории религии. Подвергаясь репрессиям со стороны шахского режима, в 1977 г. Шариати эмигрировал в Великобританию, где вскоре умер при загадочных обстоятельствах.

Подобно другим религиозно настроенным интеллигентам Шариати резко критиковал культурную зависимость Ирана от Запада. По его мнению, иранское общество раскололось на две противоположные и неравные части: ориентированных на Запад богачей и «псевдо-интеллектуалов» и простой народ, прозябающий в бедности, но сохраняющий верность своей религии. Первый тип иранцев Шариати определял следующим образом: «Создан новый класс. Он характеризуется тягой ко всему иностранному и модернизацией. Он поклоняется Западу. Он не религиозен. Если у него была хоть какая-то склонность к религии, то она долго подавлялась. Роскошь, мимолетность, претенциозность и преклонение перед иностранным влиянием господствуют среди этого класса. И их ислам, говоря словами Сайида Кутба, американский ислам». Для второго типа Шариати находил следующие слова: «Сила религиозного убеждения и расходы, совершаемые на религиозные церемонии, торжественное открытие мест собраний и зданий для религиозных целей, — все это знак глубокой и сильной взаимосвязи духа нашего народа с семьей Пророка (Мухаммада). Это показывает масштабы веры и искренности, которые мощны и чисты»²⁵.

Таким образом, Шариати обрушил свою критику не только против обладателей богатства и власти, но и вообще против проводников иностранного влияния в Иране, предавших забвению родную религию и культуру, в том числе и против прозападной интеллигенции. Идеалом для него являлся образ жизни и духовность народа. Отсюда вытекала необходимость возрождения национально-культурной самобытности Ирана. Вместе с тем Шариати предлагал дифференцированный подход к традициям, считая неоправданным возврат к реакционным традициям, суевериям, фанатизму. Он считал, что борьба против наступления «культурного западного империализма» не должна стать причиной отказа от знакомства с западной культурой вообще²⁶.

Шариати не только критикует интеллигенцию, но и формулирует позитивный идеал в виде «ответственного интеллигента» (в качестве синонимичного Шариати употребляет словосочетание «ответственный ученый»). Ответственный интеллигент — это глубоко религиозный человек, руководствующийся в своей деятельности религиозной методологией. Главной задачей современной

интеллигенции, согласно Шариати, является религиозное просвещение народа на основе раскрытия значения символов Корана и борьба за освобождение восточного общества от всех видов «морального угнетения», исходящего с Запада. Подобная исламская интеллигенция, к которой себя причислял сам Шариати, является естественной союзницей духовенства. Потому неслучайно, что в качестве образцов таких ответственных интеллигентов у Шариати фигурируют имена как западных ученых Макса Планка и Альберта Эйнштейна, так и исламских мыслителей и пропагандистов Джамал ад-Дина аль-Афгани и аятоллы Хомейни²⁷.

Вместе с тем отношение Шариати как «исламского интеллигента» к духовенству как к социальной группе сложно и противоречиво. Шариати подвергает критике тех религиозных ученых, которые «не создали ничего, кроме практических трактатов по таким темам, как очищение перед обязательными молитвами, типы ритуальных омовений, правил, связанных с менструациями, и ошибок, которые могут содержаться в предписываемых молитвах»²⁸. Однако при этом он указывает, что религиозные ученые «должны приносить просвещение, сознательность и указывать верный путь для народа»²⁹. Тем самым он критикует тех представителей духовенства, которые не исполняют свой долг. Таким образом, можно согласиться с В. Г. Малушковым, что Шариати воспринимал духовенство дифференцированно: критикуя «институционализировавшееся» («развращенное», «корруптированное», «официальное») духовенство как носителя многобожия, он положительно оценивал «истинное» («праведное») духовенство как пропагандиста единобожия³⁰. Говоря об «истинном» духовенстве, Али Шариати не мог не признать того факта, что именно шиитские ученые зачастую выступали в качестве лидеров национально-демократического движения в Иране.

Тем не менее, даже признавая авторитет «истинного» духовенства, Шариати считал, что право на руководство обществом должно принадлежать не только религиозным ученым, но и революционной интеллигенции, которую он выделял в качестве революционного авангарда грядущих социальных изменений³¹.

Выдвигая на первый план социальную революцию как механизм трансформации общества, Али Шариати шел на радикальный разрыв с идеями Мехди Базаргана, лидера первого поко-

ления интеллигентов — сторонников политического ислама. Вследствие этого идеи Али Шариати, формулировавшего задачи революционной борьбы на языке исламской и шиитской символики³², пользовались огромной популярностью в среде иранской молодежи, особенно студенчества, воспринимавшего его как одного из своих «святых заступников» (наряду с аятоллой Хомейни и аятоллой Талегани) в период Исламской революции³³. О популярности Шариати говорит и тот факт, что только его портрет, вместе с портретом аятоллы Хомейни, несли в своих руках участники революционных демонстраций в 1978—1979 гг.³⁴ Таким образом, из всех иранских интеллигентов именно Али Шариати оказал наибольшее влияние на формирование дискурса Исламской революции и на поднятие народных масс, прежде всего молодежи, на борьбу с шахским режимом.

Наконец, значительный вклад в развитие концепций политического ислама внес Абольхасан Банисадр (род. в 1933 г.). Он родился в семье аятоллы Садра, закончил теологический факультет Тегеранского университета, после участия в антиправительственных выступлениях в начале 1960-х гг. эмигрировал во Францию, учился в Сорбонне, где защитил диссертацию по экономике. После прибытия во Францию в октябре 1978 г. аятоллы Хомейни именно интеллигент Банисадр стал его главным советником. В 1980 г. Банисадр избирается первым президентом Исламской Республики Иран, однако вследствие его постоянных конфликтов с Партией Исламской республики (ПИР; Хезб-е джомхури-йе эслами) аятоллы Бехешти его отношения с аятоллой Хомейни ухудшились. В июне 1981 г. иранский меджлис вынес Банисадру импичмент, после чего он был вынужден бежать из Ирана и вновь обосноваться во Франции.

Из всех иранских религиозных интеллигентов Банисадр был более всего известен своими взглядами по вопросам экономики, которые он изложил в работе «Монотеистическая экономика» (Эктесад-е тоухиди). По его мнению, экономическая система ислама характеризуется гармонией частной и общественной собственности. Главным принципом, который регулирует функционирование этой системы, является «от каждого по труду, каждому по благочестию». Государство обязано справедливо распределять излишки во имя общества, бороться против чрез-

мерного потребления и стремления к роскоши³⁵. Хотя взгляды Банисадра и не были ведущими среди участников Исламской революции, именно они, во многом, легли в основу экономического раздела Конституции Исламской Республики Иран.

Как мы увидели, поддержка иранской интеллигенцией Исламской революции не была случайной акцией, а явилась результатом глубокого переосмысления ею исторического пути Ирана и собственного места в истории своей страны. Драматический кризис в сознании иранской интеллигенции, вызванный переворотом 1953 г. и крахом надежд на самостоятельное развитие Ирана, обусловил обращение интеллигенции к исламу и к духовенству как к тем единственным силам, которые могут поднять иранский народ на сопротивление иностранному господству. В этом и заключаются причины той парадоксальной и, казалось бы, «слепой» поддержки, которую оказывали совершенно светские и нерелигиозные организации, вроде Национального фронта и партии «Туде», аятолле Хомейни в период Исламской революции. Поэтому после того, как в ночь полнолуния 27 ноября 1978 г. случилось чудо и тысячи иранцев увидели лик аятоллы Хомейни на Луне, орган иранских коммунистов — газета «Новид» напечатала: «Наши угнетенные массы... видели лик своего любимого имама и лидера Хомейни — ниспровергателя идолов — на Луне»³⁶. Вряд ли иранские коммунисты, подобно религиозно настроенным иранцам, действительно видели лик аятоллы Хомейни на Луне, однако выступить с критикой подобной веры они не посмели, поскольку и они успех народного движения связывали с личностью вождя оппозиционного шиитского духовенства.

Определенный прагматизм иранской интеллигенции, ее обращение к исламу именно как к «средству» антишахской борьбы, а не как к цели, чем он, бесспорно, был для лидеров духовенства³⁷, породил двусмысленное положение интеллигенции в самой Исламской Республике Иран: с одной стороны, официально признавалась роль ее представителей (особенно Джалала Але Ахмада и Али Шариати) в подготовке революции, но, с другой стороны, идейная «неустойчивость» интеллигентов стала предметом особых подозрений со стороны иранского исламского режима, который не остановился перед полным разгромом даже абсолютно лояльной ему партии «Туде».

Потому и такие крупнейшие представители иранской религиозной интеллигенции, как Мехди Базарган и Абольхасан Банисадр, после временного триумфа были отторгнуты политической системой Исламской Республики и оказались отщепенцами. Неслучайным поэтому стало и разочарование многих представителей интеллигенции в Исламской революции и в исламском режиме, поскольку они увидели в итоге не то, что желали. В этом разочаровании можно усмотреть истоки последующих кризисов Исламской Республики Иран, реформистского движения 90-х гг.³⁸ и «зеленого движения» 2009 г.

В связи с этим тема отношения иранской интеллигенции к феномену Исламской революции остается открытой, и перед новыми поколениями иранских интеллигентов все еще стоит задача определиться по отношению к роли ислама, духовенства и своей собственной в жизни своей страны.

Примечания

- ¹ *Bakhshayeshi A.* Ten Decades of Ulama's Struggle. Tehran, 1985. P. 15. URL: <http://www.islamic-laws.com>.
- ² *Юртаев В. И.* Иран: студенты в исламской революции. М., 1993. С. 124.
- ³ *Агаев С. Л.* Иран в прошлом и настоящем. М., 1981. С. 38.
- ⁴ История Ирана. М., 1977. С. 275.
- ⁵ *Агаев С. Л.* Указ. соч. С. 56—64.
- ⁶ *Rizvi N. Z.* Politics, Protest and Piety in Qajar Iran. URL: <http://www.al-islam.org>.
- ⁷ *Агаев С. Л.* Указ. соч. С. 107—109.
- ⁸ *Кляшторина В. Б.* Иран 60—80-х годов : от культурного плюрализма к исламизации духовных ценностей. М., 1990. С. 17.
- ⁹ *Агаев С. Л.* Указ. соч. С. 165.
- ¹⁰ *Кляшторина В. Б.* Указ. соч. С. 15.
- ¹¹ *Але Ахмад Джалал.* Гарбзадеги. Техран, 1962. С. 5.
- ¹² Там же. С. 23.
- ¹³ *Кляшторина В. Б.* Указ. соч. С. 28.
- ¹⁴ *Але Ахмад Джалал.* Указ. соч. С. 36.
- ¹⁵ Там же. С. 70.
- ¹⁶ Там же. С. 11.
- ¹⁷ Там же. С. 36.
- ¹⁸ *Кляшторина В. Б.* Указ. соч. С. 62.

- ¹⁹ Иранская революция 1978—1979 гг.: причины и уроки. М., 1989. С. 82.
- ²⁰ *Bazargan M.* The Inevitable Victory. Houston, 1979. P. 58.
- ²¹ *Малушков В. Г., Хромова К. А.* Поиски путей реформации в исламе : опыт Ирана. М., 1991. С. 102.
- ²² *Bazargan M.* Work and Islam. Houston, 1979. P. 51.
- ²³ *Bazargan M.* Religion and Liberty // *Liberal Islam: a Sourcebook* / ed. by Ch. Kurzman. N. Y., 1998. P. 79.
- ²⁴ Иранская революция 1978—1979 гг. С. 85.
- ²⁵ *Шариати А.* Фатима есть Фатима. URL: <http://www.imamat-books.ru>.
- ²⁶ *Малушков В. Г., Хромова К. А.* Указ. соч. С. 101.
- ²⁷ Там же. С. 61—63.
- ²⁸ *Шариати А.* Указ. соч.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ *Малушков В. Г., Хромова К. А.* Указ. соч. С. 58.
- ³¹ *Юртаев В. И.* Указ. соч. С. 14.
- ³² См.: *Шариати А.* Джихад и шахадат ; Красный шиизм: религия мученичества. Черный шиизм: религия оплакивания // Исламская интеллектуальная инициатива в XX веке. М., 2005. URL: <http://www.islamcom.org>.
- ³³ *Fisher M. M.* Iran from Religious Dispute to Revolution. Cambridge (Mass.) ; London, 1980. P. 5.
- ³⁴ *Hanson B.* The «Westoxication» of Iran: depictions and reactions of Behrangī, Al-e Ahmad, and Shari'ati // *International Journal of Middle East Studies*. 1983. Vol. 15. № 1. P. 18. URL: <http://stuff.jworld.ch>.
- ³⁵ Иранская революция 1978—1979 гг. С. 188—189.
- ³⁶ *Юртаев В. И.* Указ. соч. С. 111.
- ³⁷ Там же. С. 61.
- ³⁸ *Arjomand S. A.* The reform movement and the debate on modernity and tradition in contemporary Iran // *International Journal of Middle East Studies*. 2002. Vol. 34. № 4. P. 719—731. URL: <http://www.dr.soroush.com> ; *Khosrokhavar F.* The new intellectuals in Iran // *Social Compass*. 2004. Vol. 51. № 2. P. 191—202. URL: <http://cafelit.ca>.

ПО СЛЕДАМ ПРОЧИТАННОГО

ББК 63.3(2)63-283.2

В. А. Порозов

**ОБРАЗ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ
РОССИЙСКОГО ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОДА
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА
В КНИГАХ СЕРИИ «ПЕРМЬ КАК ТЕКСТ»:
КРАХ СССР В ПРОВИНЦИАЛЬНОМ ФИЛОЛОГИЧЕСКОМ
ДИСКУРСЕ. *Статья третья****

В ходе дискуссии на XXI интеллигентоведческой конференции в Иваново (сентябрь 2010 г.) профессор В. С. Волков поделился мыслью о том, что многое в наших гуманитарных изысках является просто модой. К чему, впрочем, сам корифей нашей отрасли знания относится, как все поняли, со свойственными его глубокой интеллигентности пониманием и терпимостью. «Почитайте друг друга: сплошной дискурс!» — заметил ученый. Будем исходить из того, что мода — это не всегда плохо, и взглянем под этим углом зрения на вышедшую вторым изданием книгу пермской писательницы Нины Горлановой¹, которая хронологически и логически завершает анализируемый ряд весьма заметных в интеллигентоведческом контексте произведений, опубликованных в 2009 г. в серии «Пермь как текст»².

© Порозов В. А., 2012

Порозов Владимир Александрович — кандидат исторических наук, доцент, доцент Пермского государственного педагогического университета. rogozov_va@perm.ru

* Первая статья опубликована в журнале «Интеллигенция и мир» в № 4 за 2010 год, вторая — в № 1 за 2012 год.

Нина Горланова не удовлетворена жизнью не меньше Владимира Киршина. Но они — и писательница, и ее неудовлетворенность — другие. Тут всё на поверхности, на виду — сплошные эмоции. Во-первых, во главе угла всегда семья: вот уж, казалось бы, и показать торжество в Перми частной жизни, ведь В. Киршину, несмотря на программные заявления, это явно не удалось! Во-вторых, никаких дискотек, явочных квартир, массовых зрелищ: все тусовки — в собственной, коммунальной квартире. В-третьих, она пишет только о том, что лично прочувствовала: в детстве гордится не знанием веса спутников, а шести (или восьми, теперь уже и сама не помнит точно) способов варки самогона. В-четвертых, в отличие от Киршина, у которого этой проблемы, вроде бы, не было, у Горлановой всегда нет денег. В-пятых, Горланова вынуждена постоянно, ежедневно в своей коммуналке общаться с представителями этого самого загадочного русского народа, что сегодня удается далеко не каждому интеллигенту. Увы, это мало что дает ей, как писательнице, и нам, как читателям: примитивное, пьющее, дерущееся, крайне враждебное интеллигенту и недостойное лишнего упоминания явление периодически занимает очередь в туалет за Высоцким (фотопортрет в коридоре висит, в полный рост).

В-шестых, у не менее политически озабоченной писательницы главный враг — не партия, не государство (это все приходит и уходит, она берет выше): это КГБ, ФСБ, и что бы там подобное ни было. Для Киршина спецслужбы — священный объект скромного умолчания. Горланова буквально источает свою ненависть из всех пор. И с чего бы это — совершенно непонятно!

Приехала юная провинциалка (даже для Перми!) в город поступать в вуз: кто такой Хемингуэй — не знала (о, ужас!). Поступила, окончила, на кафедре оставляли, профессиональной писательницей стала. Но, видно, партии и государству за это хоть сколько-то благодарна, а спецслужбы для этого ну ничегошеньки не сделали! А преступления сталинизма? А 1968 год, когда приходилось стенгазету выпускать и листовки писать в резиновых перчатках, чтоб отпечатков пальцев не было? К тому же настоящего диссидента, Рудольфа Веденева, в Перми все-таки посадили, причем полный срок отсидел. Впрочем, может и не сел бы, но ему, скульптору, зачем-то потребовалось общение с филологами.

Те потом жутко переживали и каялись — и до, и после. Есть от чего прийти в ожесточение: у Горлановой даже кошка умеет определять стукачей.

Впрочем, писательница вообще не верит хоть в какую-либо компетентность властей, даже и не российских. Ну вот, например, в Израиле отличились: издали сборник современной еврейской прозы живущих в России писателей. А там — Королев, Юзефович, ее муж Вячеслав Букур и она — Нина Горланова. Приятно, конечно. Но муж у нее молдаванин (наполовину, правда, а в основном грузчик, но также редактор, охранник, писатель-фантаст, преподаватель иврита и т. д.). А из нее какая же еврейка, если окончила Пермский университет? Ясное дело — пермячка.

Последнее — правда. Пермь предстает в прозе Горлановой рельефно, выпукло, своеобразно. Но претенциозное название сборника «Вся Пермь» оправдать никоим образом не удастся. Это филологическая Пермь, да и то не вся. Это Пермь, благоговеющая перед Пастернаком и Мандельштамом, побывавшими в ней проездом считанные дни и часы, и напрочь игнорирующая Решетникова и Мамина-Сибиряка, а временами даже Василия Каменского и Михаила Осоргина, сформировавшихся здесь и посвятивших родному краю свое творчество. Да и тот же Киришин, как отмечает сама Горланова, живет, к примеру, совсем в другой Перми, нежели она.

Ненависть к сексотам не мешает Нине Викторовне, и даже понуждаемому к этому мужу, тщательно записывать за каждым из проходящих всё, что они говорят (в очередь стоят — так хочется попасть в русскую, а заодно и в какую бы то ни было литературу!). Не это ли позволило одному из ее друзей, преуспевшему поэту В. Кальпиди, публично назвать Пермь «городом стукачей»? Потом, обработав и переврав записанное, приписав поступки одних людей другим, нередко названным отнюдь не вымышленными именами, писательница включает эти конспекты в свои нарасхват публикуемые произведения. Таков основной метод ее творчества. Так что ученому-обществоведу использовать эти тексты следует с большой оглядкой и тщательной перепроверкой фактов. Но каково искушение!

1960-е годы. Преподаватели переживают: «Какое счастье — культ разоблачен, Сталин развенчан, и наконец-то мы можем

быть самими собой. Но... мы еще не знаем, какими самими собой нам можно быть». А студенты-то знали, какими быть: «сложными, всё эпатировать». Делов-то! И, между прочим, с хохотком: чтобы везло, надо продать душу! Понимали уже. Кстати, «муж у Гали — еврей, а мы в юности не думали об этом, для нас же национальностей не существовало»³.

1970-е. «Бывало, из книжного магазина — в магазин “Мелодия”, а там встречаешь знакомых, которые тут же зазывают тебя на свадьбу, а на этой свадьбе мне делают предложение и ведут знакомиться с родителями. Бог мой, тот претендент на мою руку и сердце никогда бы не нацепил на себя прищепок, и я бы не голодала, как сейчас, но с другой стороны — только сейчас и видно, насколько мы разные, и он, наверно, теперь считает меня богемой, а я ведь про себя считаю его мещанином, как минимум...»⁴

1980-е. «Когда-то Ася привезла из Польши новость: нет сахара. Я подумала: разве может такое быть? А теперь думаю: разве бывает, что сахар есть? Что его сколько угодно!»

« — Я как интеллигентный человек не поддаюсь панике, поэтому купила не десяток пачек соли, а только две. Хотела три, но не смогла в себе побороть интеллигентность до конца».

«Радиостанция “Свобода” передает интервью корреспондента “Вашингтон пост” с Ниной Андреевой... Потом Нина Андреева угостила гостя обедом... Судя по бедности ленинградских магазинов, все это было не с прилавков. (Откуда? Мой вопрос: кто кормит Нину Андрееву?)»⁵.

1990-е. «Вероника сказала, что бабушка Генриетта запретила ей дружить с нами, потому что мы ходим во всем старом!!! Мама ее ездит в Турцию за вещами. Они разбогатели. И отдали Веронику в особую школу с двумя языками: немецким и английским»⁶.

На вопрос, кто кормит саму писательницу (гонорары мизерные и не платят), ответ прост: друзья и просто какие-то знакомые, появляющиеся в доме, в общем потоке, люди. Кроме продуктов и наличных денег, они даже путевки оплаченные в санаторий приносят. Но последнее, чтобы удалить из города опасного для властей человека с 19 августа. И удалили! Как было не воспользоваться! От жены одного из старых большевиков, на которого вылиты очередные ушаты грязи, принимается матрац и пишущая машинка. Друзья возят детей Горлановой по городам Рос-

сии. В ответ дарятся книги — и собственные, и закупаемые по сто экземпляров (для пропаганды) Маканина, а также сотнями появляющиеся собственные живописные работы и мешками завозимые в квартиру друзьями пакетные супы. Оплата счетов идет по сей день: «Грузины начали — спрос с того, кто отдал приказ. А мы переживаем за честь нашей страны»: это страна бомбит «детей и женщин, стариков и больницы»⁷.

Что уж говорить о нашем социалистическом и постсоциалистическом прошлом! Вот конец 80-х — начало 90-х годов: «В Перми ожидается катаклизм в виде землетрясения и последующего за ним наводнения (прорвет плотину). Паника, видимо, распространилась уже и в младших группах детского сада. Говорят, что в магазинах раскуплены все плавсредства: надувные круги, матрасы, игрушки». Можно подумать, что в магазинах вообще что-то было! А тут еще одноразовых шприцев нет, мясо радиоактивное из Чернобыля завезли, первый секретарь обкома семью из Москвы не перевез, люди узнают правду о пытках в застенках КГБ, нравственное чувство сохранили лишь единицы («Сахаров и т. п.»), дети Спитака рисуют штабеля гробов, воры готовятся к массовым ограблениям, потенциальные мамы накачиваются медикаментами, чтобы «скинуть», китайские студенты сотнями переходят границу, автор располосовывает себе руку — хлещет кровь, процветающим кооператорам ждать катаклизма еще страшнее... Все эти события уместились на первых четырех страницах рассказа «Покаянные дни, или В ожидании конца света»⁸. А впереди еще двадцать шесть! С антикоммунизмом, антисемитизмом и инопланетянами. Потом будут нитраты («все время отравляемся»), объявленная по ошибке, но настоящая атомная тревога («смерти, инсульты, сумасшедшие»).

При этом здесь же сожаления по поводу тишины в городе относительно Москвы и центра — это тоже плохо. В общем, шум есть, но не тот какой-то. Другой нужен. И вот: «Гимн москвичам и колбасе — я пою его с 29 марта... Москвичи накопили свободы в сердцах за те годы, которые мы провели в очередях за всем-всем-всем. Чуть получше нас они ели, чуть поменьше были забыты, вот и нашли время стать гражданами...»⁹ Неподалеку — реверансы в адрес Свердловска — Екатеринбурга, а это уже прямое предательство Перми, между прочим. В этой кошмарной обста-

новке нагнетания политического психоза растут дети. Сын пишет «пьесу»: «На площади стоят, шатаясь, восемь человек. Горбачев в микрофон: Дорогие товарищи! Никогда ваш город не казался мне таким вымершим... Мы понимаем, что неблагоприятная экологическая обстановка... Но... призываем вас бороться за дисциплину и повышение производительности. Чтоб вдохновить вас, мы привезли с собой из Мавзолея тело Ленина, а также череп Раскольников и бедро Кольцова...»¹⁰

Конечно, хотелось бы иметь представление о каких-то мировоззренческих основах писательницы. Выясняется, что, кроме студенческого «трепа» периода золотой вузовской юности, это были Бродский, Карл Маркс (потому что улица его именем названа), Гёте, Суриков, Меншиков (потому что на картине Сурикова), Жженов (потому что мемуары про лагерь в «Огоньке»), барды (без имен, кроме Высоцкого), Достоевский (потому что топор Раскольникова), Врубель, Лем и Тарковский (потому что Солярис — без кавычек), «сам Домбровский» — из «Нового мира», Кафка, Крылов (потому что «Квартет»), Соловьев (его Рома Ведунов в тюрьме читал), Достоевский, Сартр, Цветаева, Ахматова, Пушкин (38 стукнуло — «за пушкинским перевалом»), Ильф и Петров (потому что Нью-Васюки), Бунин, Конан-Дойль и авторы телесериала («Элементарно, Ватсон»), декабристы, Гончаров (однокурсника прозвали Сон-Обломов). Более-менее существенное воздействие на ткань повествования (вероятно, и на его автора тоже) оказали лишь Чернышевский (похоже, здорово спрашивали: даже комсорг — Четверпална, это четвертый сон Веры Павловны, самый коммунистический), Толстой и Солженицын (по-дружески называемый Солж).

Далее (второй рассказ): Петрушевская, журнал «Вопросы истории», Оруэлл, Герцен, Хармс, Куняев (как оппонент), Вишневская («в том месте, где Вишневская прощается со сценой, мы все зарыдали»), Игорь Т. (программно русофильский поэт Тюленев? «Таланта 0,0001 процента»), Виталий К. (конечно же, поэт Кальпиди, которого сравнивали с Бродским и хотели увезти в Израиль — «гений есть гений»), Прево (издание красивое), Пиккуль («на дух не нужен, но его можно поменять на фантастику»), Лермонтов (издание изумительное), Достоевский (как антисемит — том 25!!!), Голсуорси (подруга защищалась), Фрейд, латвий-

ская «Советская молодежь», «Комсомолка» (цитируемая как пример абсурда)... Здесь уже только один более-менее освоенный и «сквозной» автор: Бунин с его «Покаянными днями».

Ну и так далее. Пожалуй, выделяются еще Василий Аксенов («наше поколение выросло на повестях Аксенова в “Юности”»), Фолкнер (человек мудрый и антирасист) и Манн («Иосифа и его братьев» муж перечитывает пять раз), но после столь ударных акцентов эти авторы в текстах Горлановой более не воскресают. В общем — поток сознания. О технологии освоения этого информационного пространства нетрудно догадаться: «Ижиков просидел в гостях полчаса и начисто перевернул мое представление об идеализме»; «Игорь Кондаков говорил со мной полчаса и совершенно изменил мое понятие о Витгенштейне»; «Прочла четыреста страниц Рассела за три часа и начисто изменила...»¹¹. Впрочем, мировоззренческие основы и социальная обусловленность писателю ни к чему: главное «ПОНЯТЬ, ПОЧЕМУ» (но без типизации и обусловленности), «найти верный ритм, лексику, заголовок», добавить юмора. Как это поняла, сразу писателем и стала.

Книги и разговоры. Разговоры и книги. Лучшие пермские интеллигенты на коленях стоят перед директорами книжных магазинов, вымаливая томики Цветаевой. Ну а кроме Тарковского еще, разумеется, Феллини, но «ёрзала», боясь андроповских кагэбэшников — они хватали в кинотеатрах людей и пришлось репетировать во время сеанса, как брызнет им в лицо грудным молоком. Классическая музыка, кроме Вишневской и Ростроповича (по книгам и газетам), лишь по радио и ТВ «в день смертей и переворотов». Есть еще рок хороший в наушниках, да еще полузабытая душеспасительная застольная легенда, в которой через обучение игре на скрипке «из золотушных еврейских мальчиков делали гениев». Единственный композитор — конечно же, Шнитке (в рассказе о Токаревой): лучшее после инсульта создал, «как считают некоторые». Театра вообще нет, разве что враждебный одной из юных героинь отчим «таскал» детей «по театрам» и «тыкал в “Фауста”». Собственные же дети писательницы приспособили виолончель для катания с горок. Но когда самая выдающаяся пермская балерина Надежда Павлова, благодаря стараниям СМИ, попадает в сферу массовой культуры (и в разговоры дру-

зей, соответственно), то она становится-таки объектом внимания Горлановой. Тут будущая писательница «достает» билет, и это тогда, когда настоящие пермские театралы попасть в театр возможности не имели. И что же?

«...я шла из библиотеки, но билеты были у Славы, а он так и не пришел, это на Павлову-то, я бешеная влетаю в комнату общежития, там сидят Виталий и мой муж: “Бальмонт не глубок, потому что он по-настоящему легок, как перышко, он не может лечь на дно, а Кафка тяжел, говорят, но он просто глубок, он на глубине, как камень”, — это Кальпиди в таком духе разливается, а муж ему: “Это две планеты!” Я, бессильно рыдая, громко кричу Виталию, чтоб уходил, а он так и не понял, что и почему, слава богу, муж понял, вспомнил, что забыл, так и жили»¹².

Зато гениями полны общежитие и собственная коммуналка. Кроме Кальпиди и Киршина, Вова Шухман, который «особенно ловко доказывал величие еврейского народа». Лина Кертман — «поступает как святая, оценивая искренние порывы автора». Толя Королев — «в юности светился» («откуда в “Эроне” столько мерзости?»). Толя Юзефович — «я в рот ему смотрела». Таня Тихоновец представлена мастером острот типа «Тебе — чтоб получить квартиру — нужно переспать с Вагнером (Кузьминым, Селянкиным и т. д.)», а о том, что из подруги получился неплохой театральный критик, в книге ни слова. Юра Власенко знает наизусть «всю поэзию». Слава Запольских неизмеримо любит детей. Сережа Аксенов способен изобразить «ухо Богоматери» в виде «розовой глубокой воронки» — «как воронка посудного шкафа на кухне». Юра Вязовский — «какой большой хрен! Но из него вырастет пальма...» Известный пермский демократ Владимир Виниченко достойно оценивает это собрание: «И цвет Перми сидит кругом в дыму, густом и сизом...»¹³

В общем, «все междусобойчики наши для меня слились в один бесконечный междусобойчик»¹⁴. Гении «расползлись» по белу свету: кто в Москву, кто в Израиль, «одни подались в дворяне, а другие — в монастырь». Но коммуналка Горлановой по-прежнему — бренд города и его проходной двор: не люблю, «когда ночью приходят пьяные друзья и икают»¹⁵. Необходимые декорации — протекающий потолок, падающие с него тараканы, разыскиваемые носки мужа, которые запросто могут оказаться на

полотенце... Искренность Нины Викторовны ошеломляет: «Сегодня 12 апреля, а последний раз я мылась 12 марта».

И все же Нина Горланова — интеллигентный человек. В этом мало кто сомневается: ее даже приглашали на конгресс интеллигенции, идея которого, так и не реализовавшись, витает над Пермью уже лет двадцать. Приглашали, уверен, одной из первых, прежде всего за ее неустанную борьбу за «любимую демократию». Но, вероятно, не только за это. Как в очередной раз доказывают наши авторы, демократические тенденции настойчиво пробивали себе дорогу и даже существовали при любом режиме и прежде. Но никому не удалось так полно и последовательно выразить свою частную, поистине личную жизнь, нравится она кому-то или нет. Она насквозь пропитана политикой. Но приправа политического абсурда опадет, как повседневная, суетная шелуха, и обнажит суть человека, его, находящуюся в сложных связях с общественной, частную и личную жизнь. И станет ясно, какими мы были богатыми — те, у кого такая жизнь действительно была. Например, друзьями — какими бы они ни были. Семей — любимой, прощаемой и (о, чудо!) всё прощающей. Родным городом: «...случилась беда: упал на Пермь самолет. Но упал в овраг! Никто на земле не пострадал. А если б он упал на любой наш химический завод, вряд ли бы я осталась жива. И много еще бы пермяков погибло. С тех пор я снова молюсь за родной город»¹⁶.

От интеллигенции себя Нина Горланова скромно отделяет. И когда в застойные годы они с подругой смотрели праздничные демонстрации в окно и по ТВ, то считали себя чужими на «их» празднике жизни, понимая, однако, что значительная часть интеллигенции в этих демонстрациях участвовала, и праздник у нее был. «И вот — снова чужие. Нечужими на празднике жизни интеллигенция и мы были только во времена горбачевской перестройки, когда нужно было бороться с пережитками коммунизма, но еще не было ясно, кто кого»¹⁷.

Как художник незаурядный, Горланова вплотную подходит к ответу на вопрос: почему? Да потому, что умели делать только одно — разговаривать (это кроме писать). А еще — дарить книги и смотреть. Прочитируем для надежности: «Стали мы делать то, что умели, — разговаривать». «А надо сказать, что, кроме дарения книг, я ничего не умею, то есть умею еще только одно —

смотреть». И еще, от имени дочери: «Папа думает, что если он сам будет долго говорить, то все придет в порядок, за это время проблемы сами отомрут. Главное — говорить долго, не дать протиснуться между словами ничему! Неприятные события не должны протиснуться между словами папы. И они потихоньку сами отомрут, эти неприятности!!!»¹⁸

«Представьте себе семью, где родители считают себя людьми интеллигентными, у них такие разговоры...» — начинает писательница очередной рассказ. Эти интеллигентные люди осознают свою самоценность, противоположную и власти, и пролетариату. Главное, ценимое ими достоинство — уровень мыслительной деятельности. Детям объясняют, советуя взять котенка, а не щенка: «Они умнее собак, кошки пятьсот понятий знают, а собаки — триста. Поэтому собаки не любят кошек, как пролетарии — интеллей». И вообще, люди по сравнению с кошками явно проигрывают: «У кошек ведь не было культа личности, партии большевиков!»¹⁹

И вот те люди, которые умеют еще что-то, кроме как говорить (а также писать, рисовать, митинговать и т. п.), у Нины Горлановой почти не бывают. И у Владимира Киришина, к сожалению, тоже. И в книгу Олега Лейбовича они, за редкими исключениями, не попали. И среди героев Светланы Федотовой больше руководителей-администраторов, чем ученых, а первые, как известно, по нашей гуманитарной традиции, и не интеллигенция вовсе, а сила, этой самой интеллигенции противостоящая. Так что полнокровный образ пермской интеллигенции еще не создан.

К примеру, каждый вечер в городе, известном своими музыкальными, театральными, хореографическими традициями, до трех-четырёх тысяч пермяков заполняют театральные и концертные залы. Как мы заметили, ни одного героя анализируемых произведений среди них нет. Так с каким же процентом российской провинциальной интеллигенции мы имеем дело? Что происходит в лабораториях инженерно-технической интеллигенции — вообще тайна за семью печатями: традиции закрытого города! Да и кто ж сядет из настоящих электронщиков за стол с тараканами?! Вспомним о Вере Балковой из книги С. Федотовой, которая в годы войны выставляла из своего кабинета небритых генералов.

Что же касается поведения описываемых Ниной Горлановой интеллигентов, то именно они выступают в кризисных усло-

виях 1980—90-х в роли того самого «эпилептоида», коим в предисловиях серии пытается представить русского человека, ссылаясь на Ксению Касьянову, Вячеслав Раков. В том, что эти люди в очередной раз оказались страшно далекими от нашего много-страдального народа, явилось для него, народа, спасением. Он прожил эпоху крушения прежней политической системы сам по себе, без филологической и околофилологической богемы и — слава Богу! — жив и сегодня. В некоторых ситуациях и некоторых районах — даже без власти. Последней же Нина Горланова и ее друзья если не ближе, то нужнее, чем, к примеру, отдавшие все силы и здоровье своей стране ветераны.

И все же именно Нина Горланова приходит в начале XXI века к важнейшему, принципиальному в данной ситуации выводу: «Выбор сделан. Ответственность важнее свободы!»²⁰ И здесь она впереди всех своих соавторов в рассматриваемой серии. Кто не «дозрел» (а, может быть, вообще не дано!), кто, в угоду очередной политической конъюнктуре, не решился озвучить, лишь Марина Абашева процитировала в предисловии.

Но слово сказано. За это российской провинциальной интеллигенции второй половины XX века простится многое. Основываясь на заботе о здоровье, профессионализме и широком круге интересов (и политика, и вещи — это важно, но стоит ли так-то «зацикливаться»!), сохраняя подлинные ценности личной и семейной жизни — любовь, искренность, взаимопонимание и терпимость, чувство ответственности, — интеллигенция способна сберечь животворный интеллектуальный и нравственный потенциал русской провинции.

Примечания

¹ Горланова Н. В. Вся Пермь. Пермь, 2009.

² Лейбович О. Л. В городе М: очерки политической повседневности советской провинции в 40—50-х годах XX века. Пермь, 2009; Федотова С. Л. Молотовский коктейль; Киришин В. А. Частная жизнь: очерки частной жизни пермяков, 1955—2001. Пермь, 2009. См. об этих книгах: Порозов В. А. Образ интеллигенции российского провинциального города второй половины XX века в книгах серии «Пермь как текст»: молотовский коктейль: статья первая // Интеллигенция и мир. 2010. № 4; Порозов В. А. Образ интеллигенции рос-

сийского провинциального города второй половины XX века в книгах серии «Пермь как текст» : была ли у нас частная жизнь? : статья вторая // Интеллигенция и мир. 2012. № 1.

³ Горланова Н. В. Указ соч. С. 26, 31, 59.

⁴ Там же. С. 186.

⁵ Там же С. 76, 77, 80.

⁶ Там же С. 359.

⁷ Там же. С. 330.

⁸ См.: Там же. С. 68—71.

⁹ Там же. С. 122.

¹⁰ Там же. С. 190—191.

¹¹ Там же С. 314—315.

¹² Там же. С. 275.

¹³ См.: Там же. С. 277—285, 294—299, 303—305.

¹⁴ Там же. С. 288.

¹⁵ Там же. С. 215.

¹⁶ Там же. С. 436—437.

¹⁷ Там же. С. 137—138.

¹⁸ Там же. С. 138, 369.

¹⁹ Там же. С. 228, 236, 238.

²⁰ Цит. по: Там же. С. 12.

Соловьёв А. А. Интеллигенция Костромы в деле создания общественных читален в конце XIX — начале XX века

Ключевые понятия: библиотечная интеллигенция, общественные читальни, народные библиотеки, история библиотек, просветительская деятельность.

Рассматривается культурно-просветительская деятельность библиотечной интеллигенции Костромы на примере Е. М. Микифорова — одного из ее ярких представителей. На основе печатных отчетов читален и газетных материалов показана роль интеллигенции по созданию бесплатных общественных библиотек. Рассматриваются основные статистические показатели работы читален, анализируется их влияние на местное население.

Михалева Р. А. Повседневная жизнь московских художников на рубеже XIX—XX веков

Ключевые понятия: Московское училище живописи, ваяния и зодчества, московские художники, портрет, живопись, художественные выставки, повседневная жизнь.

Исследуется социальный состав населения Москвы на рубеже XIX—XX веков и его влияние на культуру. Описываются образ жизни художников, досуг московской художественной интеллигенции и формы поддержки живописцев со стороны меценатов.

Зябликов А. В. Правые кадеты и художественная интеллигенция в 1905—1907 годах

Ключевые понятия: партия конституционалистов-демократов, кадеты, интеллигенция, культура, эволюционизм, революционизм, либерализм, консерватизм, монархия.

Рассматриваются политические, мировоззренческие особенности правого крыла кадетской партии, представленного П. А. Струве и его единомышленниками. Выявляются позиции, способствующие сближению либерал-консерваторов и художественной интеллигенции.

Величко С. А. Интеллигенция, перестройка и демократический транзит в России (1985—1991 гг.)

Ключевые понятия: перестройка, интеллигенция, политические реформы, демократический транзит.

Анализируются причины демократического транзита в России, показывается ведущая роль интеллигенции в этом процессе. Период перестройки рассматривается как время своеобразных романтических иллюзий интеллигенции. Несмотря на некоторые неудачи политических реформ сделан вывод, что демократический транзит в России продолжается. Учитываются точки зрения и оценки исследователей данной проблематики.

Краузе А. А. Различные модели субъектности в постиндустриальном обществе

Ключевые понятия: субъект, субъектность, модульный человек, интеллигенция, интерсубъективность, социальный фактор.

Рассматривается проблема субъекта с позиций конкретно-исторического подхода. Дается анализ двух моделей субъектности: западной, в разрезе среднего класса, и российской — в разрезе интеллигенции. Раскрываются основные характеристики современного субъекта: функциональность, ответственность за других, вовлеченность в стратегию общественного развития.

Смирнов Д. А. Частная собственность как основа субъектности человека

Ключевые понятия: субъектность, частная собственность, «пролетаризация», «модульный человек».

В контексте понятий «пролетаризация масс» (В. Беньямин) и «модульный человек» (Э. Тоффлер) показывается роль частной собственности в сознании субъекта западного типа. Обосновывается ее влияние на политизацию субъекта.

Шмельфениг О. В., Солодовниченко Л. Я. Роль мировоззренческих парадигм интеллигенции в ситуации глобального кризиса

Ключевые понятия: духовно-психофизическая целостность, сюжетно-игровой подход, картина мира, рефлексивность, осознанность, религия и наука.

Сравнивается понятие космо-психо-логоса Г. Д. Гачева с понятием авторов духовно-психофизической целостности. В отличие от «усеченных» картин реальности показано, как в сюжетно-игровой картине мира гармонично сочетаются религиозный и научный аспекты осмысления мира.

Сагинадзе Э. О. С. Ю. Витте — премьер-министр в восприятии российской оппозиционной общественности в 1905—1906 гг.

Ключевые понятия: оппозиционная интеллигенция, восприятие С. Ю. Витте в прессе, общественное мнение, революция 1905—1907 гг., общественное движение начала XX века.

Рассматривается интересная и противоречивая фигура российской истории — премьер-министр С. Ю. Витте. Работа опирается на широкий круг источников и литературы, включая архивные материалы, публицистическую и сатирическую прессу, в том числе юмористические стихи и карикатуры.

Шабунин В. В. Оценка миссионерской деятельности Русской православной церкви в общественном мнении русской интеллигенции на рубеже XIX—XX вв.

Ключевые понятия: миссионерская деятельность Русской православной церкви, духовное служение, интеллигенция, консерваторы, либералы, славянофилы, Л. Н. Толстой, религиозные философы, раскол, сектантство.

Используя многочисленные литературные материалы с привлечением разнообразных источников, в том числе и неопубликованных, автор предлагает оригинальную систематизацию взглядов представителей русской интеллигенции на миссионерскую деятельность РПЦ на рубеже XIX—XX вв. Детально рассматривается общественная оценка политики правительства Российской империи в отношении раскола и сектантства.

Белов С. И. Первая мировая война в трудах российских экономистов

Ключевые понятия: экономика, экономическая интеллигенция, Первая мировая война, промышленность, финансы, сельское хозяйство, Э. Д. Гримм, В. А. Мукосеев, М. И. Туган-Барановский, М. В. Новорусский, М. И. Боголепов, М. И. Фридман, В. Фриче.

Исследуются воззрения российских экономистов периода Первой мировой войны на природу глобального конфликта и его влияние на народное хозяйство стран, участвовавших в этой войне.

Котов А. Н. Иранская интеллигенция и Исламская революция 1978—1979 гг.

Ключевые понятия: Иран, ислам, интеллигенция, духовенство, политический ислам, исламская революция.

Дается обзор истории иранской интеллигенции начиная с середины XIX века, обращается особое внимание на ее участие в национально-демократическом движении. Рассматривается отношение иранской интеллигенции 1960—70-х гг. к важнейшим проблемам общественной жизни, понимание ею своего собственного места в истории Ирана, значения ислама и духовенства в жизни страны. Характеризуются взгляды ведущих представителей религиозной интеллигенции предреволюционного Ирана: Джалала Але Ахмада, Мехди Базаргана, Али Шариати, Абольхасана Банисадра. Объясняются причины противоречивого отношения интеллигенции к Исламской революции и неоднозначного восприятия интеллигенции в Исламской Республике Иран.

Порозов В. А. Образ интеллигенции российского провинциального города второй половины XX века в книгах серии «Пермь как текст»: крах СССР в провинциальном филологическом дискурсе. *Статья третья*

Ключевые понятия: интеллигенция, провинция, город, оппозиционность интеллигенции, частная жизнь, условия жизни.

Статья является продолжением двух предыдущих публикаций автора, посвященных анализу публицистических и мемуарных работ по истории пермской интеллигенции. Сопоставляются мемуары двух пермских интеллигентов 1960—80-х гг., внимание акцентируется на периоде распада СССР. Публикацию отличает живой стиль, едкие и ироничные комментарии автора.

Solov'yov A. A. Intelligentsia of Kostroma in public reading rooms creation in the end of the 19th — the beginning of the 20th century

Key-notions: library intelligentsia, public reading rooms, national libraries, history of libraries, educational activity, Kostroma.

The article deals with cultural educational activity of library intelligentsia of Kostroma on the example of its bright representative (E. M. Mikiforov). On the basis of the printed reports of reading rooms and newspaper materials the role of intelligentsia in creation of free social libraries is shown. The author shows the main statistical indicators of the work of public reading rooms and analyzes their necessity and influence on local population.

Mikhalyova R. A. Everyday life of Moscow artists on the boundary of 19—20 centuries

Key-notions: Moscow school of painting, sculpturing and architecture, Moscow artists, portrait, painting, art exhibitions, everyday life.

The article deals with the life of Moscow artists on the boundary of 19—20 centuries. It also deals with social structure of the population of Moscow at that time and with the influence of this factor on the culture. The incomes of the artists of that time, their living conditions, psychological conditions, specifics, positive and negative aspects of this profession, leisure of the Moscow art intelligentsia and the forms of the artists' support by patrons of art are described.

Zyablikov A. V. Right cadets and art intelligentsia in 1905—1907

Key-notions: party of constitutionalists-democrats, cadets, intelligentsia, culture, evolutionism, revolutionism, liberalism, conservatism, monarchy.

The article deals with political and world outlook peculiarities of the right part of the Cadet party represented by P. A. Struve and his adherents. The positions helping to unite liberal-conservators and the art intelligentsia are shown.

Velichko S. A. *Intelligentsia, perestroika and democratic transit in Russia (1985—1991)*

Key-notions: perestroika, intelligentsia, political reforms, democratic transit.

The article shows the reasons of democratic transit in Russia. The author shows the leading role of intelligentsia in this process. The period of perestroika is shown as the period of original romantic illusions of intelligentsia. In spite of some failures in political reforms the article concludes that the democratic transit in Russia continues. Suggestions and estimation of researchers of the given problems are considered.

Krauze A. A. *Different models of subjectivity in post-industrial society*

Key-notions: subject, subjectivity, modular person, intelligentsia, inter-subjectivity, social factor.

The article shows the problem of a subject from the position of the concrete historical approach. The analysis of the two models of subjects: the Western, focused on the middle class, and the Russian, focused on intelligentsia, is given. The main features of the contemporary subject: functionality, responsibility for others, involvement in the social development strategy are shown.

Smirnov D. A. *The private property as a basis of the person's subjectivity*

Key-notions: subjectivity, the private property, «proletarysation», «modular person».

In the context of notions «proletarysation» of population (W. Benjamin) and «the modular person» (A. Toffler) the role of private property in the perception of a person of Western type is shown. Its influence on the politicization of a person is motivated.

Shimelfenig O. V., Solodovnichenko L. Ya. *The role of world outlook paradigms of intelligentsia in the situation of the global crisis*

Key-notions: moral psycho-physical integrity, the subject-and-game approach, world picture, reflexivity, sensibleness, religion and science.

The notion of cosmo-psycho-logos by G. D. Gachev is compared with the notion of the authors of the moral psycho-physical integrity. As distinct from the “shortened” pictures of reality it is shown how in the subject-and-

game picture of the world religious and scientific aspects of interpretation of the world are harmoniously combined.

Saginadze E. O. S. Yu. Vitte in the perception of Russian oppositional society in 1905—1906

Key-notions: S. Yu. Vitte, oppositional intelligentsia, perception of S. Yu. Vitte in the press, social opinion, revolution of 1905—1907, social movement of the beginning of the 20th century.

The article deals with the interesting and contradictory figure in Russian history — the prime minister S. Yu. Vitte and his perception in the circles of Russian intelligentsia in the beginning of the 20th century. The work is based on the variety of sources and literature including archive materials, publicistic and satirical press, humorous poems and caricatures.

Shabunin V. V. The estimation of the missionary activity of Russian Orthodox church in the social opinion of Russian intelligentsia on the boundary of 19—20 centuries

Key-notions: missionary activity of Russian Orthodox church, spiritual service, intelligentsia, conservators, liberals, Slavophiles, L. N. Tolstoy, religious philosophers, split, sectarianism.

Using numerous literature materials from different sources including the unprinted ones the author offers the original systematization of thoughts of the representatives of Russian intelligentsia about missionary activity of Russian Orthodox church on the boundary of 19—20 centuries. The social estimation of the policy of Russian Empire regarding the split and sectarianism is shown in detail.

Belov S. I. The First World War in the works of Russian economists

Key-notions: economy, economic intelligentsia, the First World War, industry, finance, agriculture, E. D. Grimm, V. A. Mukoseev, M. I. Tugan-Baranovsky, M. V. Novorussky, M. I. Bogolepov, M. I. Fridman, V. Friche.

The article deals with the thoughts of Russian economists of the First World War period about the nature of the global conflict and its influence on the economy of the countries participating in the war.

Kotov A. N. Iranian intelligentsia and Islamic revolution of 1978—1979

Key-notions: Iran, Islam, intelligentsia, clergy, political Islam, Islamic revolution.

The article gives the review of the history of Iranian intelligentsia; beginning from the middle of the 19th century much attention is paid to its participation in the national-democratic movement. The attitude of Iranian intelligentsia of 1960—1970 to the important problems of public life of Iran, the understanding of its place in the history of Iran, the importance of Islam and the clergy in the life of the country are shown. The thoughts of the leading representatives of the religious pre-revolutionary intelligentsia of Iran: Jalal Alle Ahmad, Mehdi Bazargan, Ali Shariati, Abolhasan Banisadr are characterized. The reasons of the contradictory attitude of intelligentsia to Islamic revolution and ambiguous comprehension of intelligentsia in Islamic republic of Iran are explained.

Porozov V. A. The image of intelligentsia of Russian provincial town of the second half of the 20th century in the series of books “Perm as a text”: the crash of the USSR in the provincial philological discourse. *Article Three*

Key-notions: intelligentsia, province, town, opposition of intelligentsia, private life, life conditions.

The article is the continuation of the author’s two previous publications devoted to the analysis of the publicistic and memoirs works on the history of Perm intelligentsia. The memoirs of two intelligentsia members of Perm of 1960—1980 are compared, much attention is given to the period of the USSR split. The author’s original style, sarcastic and ironical commentaries characterize the article.

Информация для авторов

Редколлегия междисциплинарного журнала социально-гуманитарных наук «Интеллигенция и мир» приглашает к сотрудничеству ведущих специалистов и начинающих исследователей, работающих в различных сферах гуманитарного знания. С 2010 года наш журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени доктора и кандидата наук по историческим, философским и политическим наукам. Материалы журнала размещены в Научной электронной библиотеке (e-library.ru) и Восточно-европейской электронной библиотеке (www.cceol.com)

Мы будем рады видеть на страницах журнала «Интеллигенция и мир» Ваши публикации по следующим **актуальным проблемам** современной науки:

- **Актуальные проблемы современного интеллигентоведения;**
- **Генезис, становление, развитие и деятельность интеллигенции;**
- **Роль интеллигенции в развитии государственности и культуры России и зарубежных стран;**
- **Интеллигенция и общество в современных условиях;**
- **Роль личности в мировой и отечественной культуре и истории;**
- **Международные отношения и личность;**
- **Роль религии в развитии мировой культуры;**
- **Учебно-методические проблемы преподавания интеллигентоведения и других дисциплин социально-гуманитарного цикла;**
- **Рецензии на научные издания и диссертации, хроника научной жизни;**
- **Из архивных фондов: публикация исторических источников.**

Требования к оформлению статей

1. В журнал принимаются материалы в электронном виде на дискете стандартного формата с приложением одного экземпляра распечатки на белой бумаге.

Максимальный размер статьи — 1,0 авт. л. (20 страниц текста через 1,5 интервала, 30 строк на странице формата А4, не более 65 знаков в строке, выделенного в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman или Times New Roman Cyr, кегль 14), сообщения — 0,5 авт. л. (10 страниц).

2. Материал для журнала должен быть оформлен в следующей последовательности: **ББК** (в библиографическом отделе библиотеки ИвГУ); на русском и английском языках: **инициалы и фамилия автора, название материала**, для научных статей — **аннотация** (объемом 10—15 строк), **ключевые слова**; **текст статьи** (сообщения).

3. Библиографическое описание литературных источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТами 7.1—2003, 7.0.5—2008. В выходных сведениях обязательно указание издательства и количества страниц, в ссылке на электронный ресурс — даты обращения.

4. Фотографии, прилагаемые к статье, должны быть черно-белыми, контрастными, рисунки — четкими.

5. В конце представленных материалов следует указать фамилию, имя, отчество автора, полный почтовый адрес, телефон, ученую степень, звание, должность и место работы, контактную информацию (e-mail или телефон). Материал должен быть подписан всеми авторами.

6. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

7. Материалы, представляемые к публикации в журнале, должны пройти научную экспертизу и сопровождаться положительной рецензией.

8. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, корректирование и сокращение текстов статей.

9. Рукописи аспирантов публикуются бесплатно.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР
Российский междисциплинарный журнал
социально-гуманитарных наук

2012 № 2

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Редактор *М. Б. Балябина*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Компьютерная верстка *Н. Г. Юркин, Т. Б. Земскова*

Подписано в печать 20.06.2012 г.
Формат 60 × 84¹/₁₆. Бумага писчая. Печать плоская.
Усл. печ. л. 9,53. Уч.-изд. л. 7,7. Тираж 300 экз.

Адрес редакции: 153025 Иваново, ул. Ермака, 39
Факс: (4932) 32-66-00 **E-mail:** vs_memetov@mail.ru

Издательство «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39
☎ (4932) 93-43-41 **E-mail:** publisher@ivanovo.ac.ru

Типография ГОУ СПО «Ивановский энергетический колледж»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 41
☎ (4932) 32-50-89 Адрес в Интернете www.tip1.ru